

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 2 • 2021

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 08.09.2021. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 120 экз. Изд. № 11801. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Когнитивные исследования

<i>Молчанова Г.Г.</i> Генерационная поликодовость коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения?	9
<i>Заботкина В.И.</i> К вопросу о когнитивных основах контакта двух культур	17
<i>Ирисханова О.К.</i> Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса	29
<i>Карасик В.И.</i> Коммуникативные характеристики абсурда.	40

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Александрова О.В.</i> Межкультурная коммуникация и ее символы.	50
<i>Болдырев Н.Н.</i> Феномен производности в культуре и языке.	57
<i>Демьянков В.З.</i> Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое <i>хайли лайкли</i> ?	70
<i>Загряжкина Т.Ю.</i> Проблема множественности в языке и культуре, или «Лингвистический узел» дискурса современности	82
<i>Елистратов В.С.</i> «Два Ивана», или Русско-французский басенный диалог (Лафонтен и Крылов)	98

Язык. Познание. Культура

<i>Богданова Л.И.</i> Оценки и ценности в структуре глаголов ‘стыда’.	106
<i>Кочетова М.Г.</i> Грамматическая метафора в научных текстах как источник развития современного английского языка (на материале публикаций о COVID-19)	117
<i>Арапова М.А.</i> Европейский гуманитарий в пьесе Ивана Вырыпаева «Иранская конференция»	126

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Шевлякова Д.А.</i> Международный день итальянской комедии дель арте: механизмы сохранения и трансляции культурно-исторического наследия	136
--	-----

<i>Крюкова О.А.</i> Дискурс о женской идентичности в произведениях Кристины Пизанской	146
<i>Овчинникова Ю.С.</i> “La Muerte Sonriente”: юмористическо-игровые образы смерти в мексиканской и мексикано-американской культурах.	156
<i>Робустова В.В.</i> Кодированная функция имен собственных в художественном тексте (на примере романа Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!»)	165

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Сафонова В.В.</i> Переводческая образованность как неотъемлемое качество преподавателя университета XXI в.	176
---	-----

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

<i>Назаренко А.Л.</i> Изучение иностранных языков в сотрудничестве через телекоммуникации: «вариация на тему»	189
<i>Титова С.В., Барина К.В.</i> Способы предоставления обратной связи и организации рефлексии в онлайн-обучении иностранным языкам	200

Теория и практика перевода

<i>Хухуни Г.Т., Осипова А.А.</i> Референция или прагматика? (о возможных стратегиях переводов Библии)	215
---	-----

CONTENTS

Cognitive Studies

- Molchanova G.G.* Generational Polycodeness of Communicative Modality. Who is A New Generation Person? 9
- Zabotkina V.I.* The Issue of Cognitive Basis of the Two Cultures Interaction . . 17
- Iriskhanova O.K.* Cross-Modal Iconicity in Various Types of Discourse . . 29
- Karasik V.I.* Communicative Features of Absurdity 40

Language and Intercultural Communication

- Aleksandrova O.V.* Intercultural Communication and Its Symbols 50
- Boldyrev N.N.* Phenomenon of Secondary Creations in Culture and Language 57
- Demyankov V.Z.* On Second-Language Aquisition and Corpus Linguistics: What Is ‘Highly Likely’? 70
- Zagryazkina T.Yu.* Plurality in Language and Culture, or “Linguistic Node” of Modern Discourse 82
- Elistratov V.S.* “Two Ivans”, or Russian-French Fable Dialogue (Lafontaine and Krylov) 98

Language. Cognition. Culture

- Bogdanova L.I.* Estimates and Values in the Structure of Verbs With the Meaning of ‘Shame’ 106
- Kochetova M.G.* Grammatical Metaphor in Scientific Publications on COVID-19: a Source for the Development of Modern English 117
- Arapova M.A.* European Intellectuals in Ivan Vyrypaev’s Play “The Iran Conference” 126

Tradition and modern trends in culture

- Shevliakova D.A.* International Day of the Italian Comedy Dell’Arte: Mechanisms for the Preservation and Translation of the Cultural and Historical Heritage 136

<i>Kryukova O.A.</i> Discourse on Female Identity in the Works of Christine	146
<i>Ovchinnikova J.S.</i> “La Muerte Sonriente”: Humorous Play Imagery of Death in Mexican and Mexican-American Cultures	156
<i>Robustova V.V.</i> The Coding Function of Proper Names in Literary Text (Based on the Example of Lev Kassil’s Novel “Get ready, Your High- ness!”)	165

Theory and practice of teaching foreign languages

<i>Safonova V.V.</i> Translation and Interpretation Competences as an Integral Quality of the XXI Century University Teacher	176
---	-----

Information and communication technologies in education

<i>Nazarenko A.L.</i> Learning Languages Via Telecollaboration: “Variation On the Theme”	189
<i>Titova S.V., Barinova K.V.</i> Feedback and Reflection in Foreign Language Teaching	200

Theory and Practice of Translation

<i>Khuukhuni G.T., Osipova A.A.</i> Reference or Pragmatics (About Possible Strategies of Bible Translations)	215
--	-----

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.Г. Молчанова

ГЕНЕРАЦИОННАЯ ПОЛИКОДОВОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДУСОВ. КАКОЙ ОН, ЧЕЛОВЕК НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ?¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Во дворе играли дети.
Каждый в своем айфоне.

Современный этап развития общества и науки справедливо, хотя и с некоторым опозданием, знаменуется переходом к новой парадигме знания в лингвистике и межкультурной коммуникации, в социокультурных штудиях, интерес к которым все больше возрастает. В рамках и вслед за прагматическим и когнитивным направлениями возникает и развивается тенденция к формированию новой парадигмы, а именно поликодowości (мультимодальности, полимодусности, мультимедиальности) коммуникации, особенно межкультурной. Когнитивные механизмы вербалики и невербалики исследуются в качестве эффективного поликодového механизма межкультурного общения, вовлекающего, помимо вербального, другие коммуникативные коды и каналы, захватывающие такие типы знания, как визуальное, аудиальное, синестетическое и др. В настоящей статье в качестве эффективного механизма коммуникации исследуется такой вид когнитивного знания, как генерационная поликодowości коммуникации, изучающая роль поколенческой компоненты в общении и ее воздействие на социум. Статья не ставит целью представить критический анализ происходящего и высказаться о перспективах представителей современной молодежи. Цель — сопоставить их повседневное коммуникативное существование и поведенческие лингвокультурные паттерны, сравнив с другими российскими поколениями, т.е. по вертикали, с одной стороны, а с другой — провести такое же сопоставление их с современными

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dean@fl.msu.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной Научно-образовательной Школы Московского государственного университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

американскими сверстниками по горизонтальной траектории. С методологической точки зрения эта задача не представляется тривиальной, поскольку отягощена дополнительными сложностями в виде существующей путаницы названий поколений в разных социокультурах: поколение X, поколение Y, поколение Z, миллениалы, сентениалы, айдженеры (I-Gens), поколение Интернета.

Ключевые слова: поколение; бэби-бумеры; миллениалы; сентениалы; айдженеры (I-Gens); интернет-поколение.

«Мы карлики на плечах гигантов» (*Sulle spalle dei giganti*) — это изречение, по мнению Умберто Эко [Эко, 1997], описывает ситуацию вековечного конфликта отцов и детей. Ортега-и-Гассет, говоря о смене поколений, использует ту же метафору: «Представим себе поколения не в горизонтальном разрезе, а вертикально, — скажем, в виде живой пирамиды из акробатов, когда одни стоят на плечах у других. Как правило, те из них, кто образует ее вершину, чувствуют свое превосходство над другими. Вместе с тем нельзя забывать, что они — пленники тех, кто стоит внизу» [Ортега-и-Гассет, 2020: 270]. Ментальное и лингвокультурное развитие человека на каждом этапе его взросления характеризуется определенными видами когнитивной обработки полученного знания, во многом зависящего от принадлежности к тому или иному поколению. Теория поколений получила научное осмысление сначала в работах Ортеги-и-Гассета, К. Магейма, затем в трудах У. Штрауса и Н. Хау. По Джоунсу, к одному поколению относятся люди определенной возрастной группы, склонные разделять особый набор убеждений, отношений, ценностей и моделей поведения, поскольку они росли в одинаковых исторических условиях [Jones, 1992].

Поколение X — это поколение эпохи постмодернизма, условного наименования исторического периода развития европейской культуры второй половины XX в., «Дух времени радикального плюрализма», т.е. всеобщая, всепоглощающая множественность взглядов, теорий, концепций после эпохи модерна. Началом считают книгу А. Тойнби «Постижение истории», где он придал термину историко-культурный смысл: постмодернизм означает конец господства традиционных западноевропейских культурных ценностей. Вера в рационализм, прогресс науки и техники утрачивает абсолютный характер. Трагический нигилизм сменяется иронией. «Постмодернистская чувствительность» — восприятие мира как хаоса, в котором отсутствуют ценностные ориентиры. Вера в историзм считается, мягко говоря, «наивной». «Мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны» (С. Аверинцев), поэтому каждая фраза, тема, слово,

мотив воспринимаются как цитаты из прошлого. Теоретики постмодернизма впервые открыто признались в том, что текст не отображает реальность, а творит новую, вернее, много реальностей, независимых друг от друга. Вместо классического *мимесис* вводится понятие *симулякр* (лат. *simulacrum*) — подобие, видимость, тень, призрак (от лат. *simulation* — видимость, притворство), но в качестве игры, подмены действительности ее слепком, который может ввести в заблуждение. В античности симулякром называли статуи богов, в отличие от статуй людей (лат. *signa* — знак, конкретный отпечаток). В поздней античной эстетике — *симулякр* означает *мысленный, воображаемый образ*, противопоставляемый аналогу, материальной копии *действительного объекта* (греч. *Eidos*; в Византии — греч. *Eikon*). У Эпикура термином *симулякр* обозначали желаемое, выдаваемое за действительное, образ, который мало соответствует реальному. Во второй половине XX в. *симулякр* — не просто обманчивая видимость, а копия без оригинала. Симулякр, по определению Ж. Бодрийяра, — продукт симуляции творчества, поэтому он провоцирует на подмену художественной реальности конструированием псевдовещей (отсюда изобилие жанра фэнтези в кино, литературе, телевидении, отсюда видео и геймозависимость подростков, чье поколение заслужило название *vidiots generation* — поколение «видиотов» (D. Rushkoff). Исходя из определения Барта, «каждый текст представляет собой новую ткань, созданную из старых цитат», своеобразную «эхокамеру» (фр. *chamber d'echos*), в которой отсутствует принципиальная новизна. Характерна в той или иной мере «новая эклектика», «смешение и расширение языков». *Эклектика* действительно отражает постмодернистскую эстетику «изнашивания стилистической маски», но она является нулевым уровнем культуры, демонстрирует отсутствие художественности. Отсюда *цинизм* («ни то, ни се», по определению Барта). Пустоту эклектизма часто прикрывают термином «*эзотерический сталкинг*» (греч. *Esoterikos* — внутренний, англ. *stalking* — *осмеяние, выставление в смешином виде*). Подобные иронико-тавтологические определения пародируют традиционную эстетику. Неудовлетворенность теоретиков эклектичностью постмодернизма привела к декларации *нового авангарда* — возврату к идеям начала XX в. — *неоавангарду и трансавангарду* (лат. *trans* — *сквозь, через*) — с целью восстановить связь времен. Наблюдается возврат к классическим темам, ретроспективным мотивам, мифологическим сюжетам, цитатам, аллюзиям на известные (прецедентные) тексты, но при этом не выходя за границы стилизации и эклектики, в качестве стилистических цитат применяя мотивы готики, барокко. Характерная черта всего пост-

модерна — стилистический коллаж вместо целостного стиля [Власов, Лукина, 2005: 205–207]. Модели вкусов сменяют друг друга в порядке борьбы между поколениями, актуализируя все ценности. «Возникает риск для всех, без наималейшей чьей бы то ни было вины, что непрерывные инновации, бесконфликтно принимаемые всеми, приведут одних карликов на плечи к другим карликам... Мои гиганты объяснили мне, что в переходные эпохи исчезают ориентиры и представление о будущем... Верю: из потемок уже бредут незнакомые гиганты, готовые плотно сесть нам с вами, карликам, на плечи» [Эко, 1997: 570–571]. Определим основные параметры постмодернистского поколенческого модуса:

- *отсутствие ценностных ориентиров;*
- *цинизм;*
- *эклектизм;*
- *ирония; эзотерический сталкинг (осмеяние, выставление в смешном виде);*
- *изобилие жанра фэнтези в кино, литературе, телевидении, отсюда видео и геймозависимость подростков;*
- *нейтрализация авторитетов, пародийность, двойное кодирование (сопоставление двух или более миров, стилей, методов; пастиш (соединение разнородных элементов);*
- *дискретность (прерывистость и фрагментарность мышления);*
- *интертекстуальность, возврат к классическим темам, ретроспективным мотивам, мифологическим сюжетам, цитатам, аллюзиям на известные (прецедентные) тексты, но при этом не выходя за границы стилизации и эклектики;*
- *политеизм, синкретичное одновременное присутствие любых ценностей;*
- *отсутствие поколенческого конфликта.*

В это поколение входят *миллениалы*, родившиеся в 1980–1990-х годах. Сейчас уже к нам приходят *сентениалы*, поколение, родившееся после 2000-го года. Их уже треть населения земли, в нашей стране — 18%. Их главные черты:

- *многозадачность;*
- *быстрое переключение внимания (клиповое сознание);*
- *усвоение информации малыми порциями;*
- *восприятие взрослых как равных себе;*
- *боязнь разочаровать родителей, оказывающих на них позитивное давление;*
- *нацеленность на быстрое получение прибыли;*
- *не бояться трудных заданий;*
- *предпочитают работать в коллективе.*

Родились они «с телефоном в руке, с пальцем на кнопке», ученые называют их *цифровыми аборигенами*, а наше поколение — *цифровыми иммигрантами*. Благодаря современным технологиям они одновременно могут выполнять несколько задач, обрабатывать огромное количество информации, при этом быстро оценивать ее достоверность и отфильтровывать лишнее, и это *норм*(ально). Благодаря соцсетям и высоким технологиям они живут в системе перманентного референдума, т.е. могут ежедневно «голосовать» за то или иное решение, касающееся жизни страны. Обратная сторона такой многозадачности — невозможность сконцентрироваться на чем-то одном. В среднем, как показали исследования, они могут удерживать внимание на одном объекте всего восемь секунд. Но это не приводит к дефициту внимания и не отражается негативно, просто они привыкают благодаря компьютерным играм все делать быстро, т.к. слишком много интересного. Сентениалы — первое поколение в истории России, родившееся и живущее в условиях стабильности, — без войн, репрессий, крушения государства. Родители поколения X слишком опекают их и ставят на пьедестал, что приводит к потере авторитета и переходу на партнерские отношения. В психологии такую веру в ребенка называют *позитивным давлением*, приводящим к страху разочаровать родителей, не оправдав их ожидания. Для большинства сентениалов, как показал опрос ученых, в отличие от их предшественников, очень важна зарплата, стремление к высоким доходам, причем как можно скорее. Вряд ли сентениал будет годами ждать продвижения по службе. Потребность в признании собственных заслуг и психологический климат в коллективе, согласно опросам, оказались у них на последних местах. Устойчивая привычка к компьютерным играм — они будут лучше работать при системе личных рейтингов. В своей классификации российских поколений В. Радаев выделяет шесть поколений, исходя из критерия их года рождения и периода взросления: «Мобилизационное поколение» — в 1941–1955 гг., «поколение оттепели» — в 1956–1963 гг., «поколение застоя» — в 1964–1984 гг., «реформенное поколение» — в 1985–1999 гг., «поколение миллениалов» — в 2000–2016 гг., «поколение сентениалов» — вступило в период взросления после 2017 г.» [Радаев, 2019].

Согласно американской классификации [Твенге, 2019: 21], хронологические границы поколений (исходя из года рождения) и их наименования могут быть представлены следующим образом: *Бэби-бумеры* (1946–1964 гг.); *Поколение X* (1965–1979 гг.); *Миллениалы* (1980–1994 гг.); *Поколение I-Gen* (*поколение Интернета, айдженеры*)

(1995–2012 гг.), первое поколение, которое проводит всю свою жизнь в цифровой среде, информационные технологии фундаментальным образом влияют на то, как они живут и работают. Дж. Твенге, доктор психологических наук, профессор ун-та Калифорнии (Сан-Диего), меняет хронологическую рамку возраста взросления и подход к классификации: ей удалось, социологически зафиксировав произошедшие за последние годы поколенческие изменения, определить и понять причины их возникновения. Логично, что в первую очередь она обращается к современной культуре, связывая ее с цифровой реальностью и развитием новых технологий, полагая, что именно скорость технического прогресса привела к внушительному разрыву между родившимися в 1980-х и теми, кто родился в 1990-х. Обработав результаты четырех опросов, в которых приняли участие около 11 млн американцев, Дж. Твенге выявила 10 важнейших трендов, формирующих поколение IGen, айдженеров, зацикленный на гаджетах, одержимых «селфи» и Инстаграмом. Эти черты следующие:

- *неспешность* (медленное взросление, дольше живут с родителями; более инфантильны; не стремятся работать, не торопятся заводить семью; предпочитают другие, более долгосрочные жизненные стратегии);
- *Интернет* (как много времени проводят в телефонах и в ущерб чему);
- *заочное общение* (все меньше общаются лично);
- *неуверенность* (тревога, рост психических расстройств);
- *нерелигиозность* (все меньше обращаются к религии);
- *изолированность и приземленность*;
- *финансовая незащищенность* (новое отношение к своей работе);
- *неопределенность* (новый взгляд на секс, отношения и детей);
- *инклюзивность*, учет интересов всех членов общества, терпимость, равенство и свобода слова;
- *независимость* (в политических взглядах).

На долю всех перечисленных выше поколений выпала, к сожалению, тяжелая участь переживать пандемию коронавируса, охватившую весь мир, и это не могло не найти отражения в языке. Слова — победители конкурса 2020 г., наиболее интересно отображающие суть событий, согласно экспертам — лингвистам и филологам, это не только *неологизмы*, т.е. новые слова, уже вошедшие в обиход, в узус языковой системы, но и *протологизмы*, т.е. совершенно новые слова или старые слова, получившие новое значение, например:

Ковид и его концептуальные дериваты: *расковидеться* (увидеться после ковида), *ковидарий* (литер.), *ковидник* (разг.), *ковидиоты* (люди, не признающие ковид), *коронавирус*, *коронакризис*, *зум* (зумить, зумиться), *удаленка*, *самоизоляция*. Концептуальная интеграция: *скриптиз* (в Фейсбуке) — душевное оголение, самоисцеление путем избыточной публичной откровенности; *пандОмия* — всеобъемлющее сидение всех дома; *наруженосец* (наружу+нос) — в маске, но до носа; антоним: *биокорректность* — соблюдение всех правил, биологически сознательное поведение, по аналогии с *политкорректностью*; *френдетта* (*friend* + *вендетта*) — уничтожение друзей в сети, несогласие с позицией другого; словосложение + суффиксация: *долгобольщик* — человек, уже переболевший ковидом, снова заболевает, *болезный*. Новое значение слова: *обнуление* — обнулилась вся жизнь — культурная, деловая, социальная, у многих личная, все закрылось, — слово-символ, сущность прошедшего года.

В заключение можно отметить, что межпоколенческие различия, несомненно, существуют и по вертикали, и по горизонтали. Иногда они огромны. Но также нельзя не видеть, что временные границы поколений достаточно условны, поскольку не существует точных научных знаний и всеобъемлющих методологических подходов их определения, это еще предстоит создать. Но, несмотря на все условности и трудности, нельзя не согласиться с тезисом: «...классифицировать поколения так же необходимо, как проводить государственные границы» [Твенге, 2019: 22], поскольку для выполнения задачи формирования общегуманитарных компетенций наших студентов необходимо весьма точно классифицировать личности и понимать их поколенческие рамки, потребности и склонности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власов В., Лукина Н.* Авангардизм. Модернизм. Постмодернизм. СПб., 2005.
2. *Ортега-и-Гассет Х.* Вокруг Галилея // Избр. тр. М., 2000.
3. *Радаев В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2019.
4. *Твенге Джин М.* Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым к взрослой жизни. М., 2019.
5. *Тойнби А.* Постижение истории. Минск, 2010.
6. *Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм СМИ. М., 1997.
7. *Jones G.L. Strauss, William and Neil Howe* 'Generations: The History of America's Future, 1584–2069' (Book Review) // *Perspectives on Political Science*. 1992. № 21 (4): 218.

GENERATIONAL POLYCODENESS OF COMMUNICATIVE MODALITY. WHO IS A NEW GENERATION PERSON?

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper is devoted to the survey of chronological classifications that had been offered by the cognitive and communicative approaches to the theory of generation boundaries. These include sorting out two types of data: 1) Russian generational chronology consisting of six generations according to the classification by V. Radayev (2019): “generation of mobilization” (1941–1955); “generation of Thaw” (1956–1963); “generation of stagnancy” (1964–1984), “generation of reforms” (1985–1999); “millennials” (2000–2016), “centennials” (reached the stage of emerging adulthood after 2017). 2) American generational chronology consisting of four generations according to the classification by J.M. Twenge: Baby-boomers (1946–1964); generation X (1965–1979); millennials (1980–1994); centennials or I-Genners (Internet generation) (1995–2012). On the basis of these, we outline some social and cultural characteristics of the two great cultures and their young New Generation representatives.

Key words: generation; baby-boomers; millennials; centennials; I-Genners; Internet generation.

About the author: *Galina G. Molchanova* — Dr.habil in Philology, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Professor and Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dean@fl.msu.ru).

REFERENCES

1. Vlasov V., Lukina N. 2005. *Avant-garde. Modernism. Postmodernism* [Avangardizm. Modernizm. Postmodernizm]. Saint-Petersburg ABC-Classic. (In Russ.)
2. Ortega-i-Gasset Kh. 2000. *Vokrug Galileja* [About Galileo / Man and Crisis]. Ha Moscow, Ves' Mir. (In Russ.)
3. Radaev V. 2019. *Millenialy. Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow, VShE. (In Russ.)
4. Twenge Djin M. 2019. *Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskii dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym kvzrosloi zhizni* [Generation I. Why the Internet generation lost its rebellious spirit, became more tolerant, less happy and completely unprepared for adulthood]. Moscow, RIPOL klassik. (In Russ.)
5. Tojnbi A. *Postizhenie istorii*. Minsk, 2010.
6. Eko U. 1997. *Polnyi nazad! "Goryachie voiny" i populizm SMI* [Turning Back the Clock: Hot Wars and Media Populism]. Moscow, Eksmo. (In Russ.)
7. Jones G.L. 1992. Strauss, William and Neil Howe 'Generations: The History of America's Future, 1584–2069' (Book Review). *Perspectives on Political Science*, no. 21 (4): 218.

В.И. Заботкина

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАХ КОНТАКТА ДВУХ КУЛЬТУР

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

В данной статье рассматривается проблема контакта культур в рамках триады «реальный мир-ментальные модели-языковой мир». Во всех трех мирах действует дихотомия «универсальное» vs «культурно-специфическое». Основное внимание уделяется когнитивным механизмам, лежащим в основе межкультурного диалога. Мы приходим к выводам о том, что на уровне когнитивных систем двух культур действуют механизмы интерактивной координации/выравнивания и инференции, на уровне ментальных пространств участников диалога — носителей двух культур действует механизм концептуальной интеграции. В процессе взаимодействия двух культур принимают участие три ментальных пространства: 1) ментальное пространство своей культуры; 2) ментальное пространство другой/чужой культуры; 3) интегрированное межкультурное ментальное пространство. Данное пространство наследует роли и свойства двух исходных ментальных пространств, в которых находится каждый из представителей двух взаимодействующих культур. Интегрированное ментальное пространство приобретает свою собственную структуру и новые свойства. Каждое из трех пространств структурируется своим фреймом. Третье пространство представляет собой концептуальный бленд, то есть результат концептуальной интеграции. Данное пространство лежит в основе межкультурного дискурса. Фрейм этого пространства структурирует и строит данный тип дискурса и должен помочь понять другую культуру, интерпретировать концептуальную информацию и найти соответствующие языковые репрезентации в каждой из двух культур. При этом действие всех вышеуказанных когнитивных механизмов, лежащих в основе контакта двух культур, основывается на знании ментальных культурологических моделей этих культур.

Ключевые слова: контакт культур; когнитивные механизмы; ментальные культурологические модели; межкультурный диалог; интерактивная координация/выравнивание; когнитивная антропология.

Заботкина Вера Ивановна — доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству, директор Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий РГГУ (e-mail: zabortkina@rggu.ru).

Данная статья посвящена развитию научных идей Г.Г. Молчановой в области культуроспецифичных механизмов вербализации внеязыковой действительности, когнитивных механизмов смыслопроизводства, культурологии и межкультурной коммуникации [Молчанова, 2004; 2014; 2015].

В данной статье мы рассматриваем проблему контакта культур в рамках триады «реальный мир-ментальные модели-языковой мир». Культура может рассматриваться как часть реального, ментального и языкового миров. Во всех трех мирах действует дихотомия «универсальное» vs «культурно-специфическое».

С точки зрения когно-лингвокультурологии, «культура — это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира “символическая Вселенная” (по Кассиреру)”» [Телия, 2004: 680]. Иными словами, знания о культуре хранятся в ментальных моделях, которые не являются точными копиями артефактов реального мира. Они (ментальные модели) конструируются человеком исходя из его предшествующего опыта, уровня его образования, специфики восприятия мира.

Мы ментально организуем постоянный «поток сознания» нашей повседневной жизни, сегментируя ее (жизнь) на последовательность ментальных моделей, репрезентирующих отдельные эпизоды нашей деятельности. Данные эпизоды (модели) являются динамичными по своей природе, меняется место, время, участники, цели и вид деятельности [Zacks, Swallow, 2007].

Знания о культуре — часть общего знания о мире. Современный мир характеризуется культурной и эпистемологической глобализацией. Однако нельзя отрицать тот факт, что один и тот же фрагмент реального мира по-разному концептуализируется и вербализуется в разных культурах и языках. В каждой культуре существуют стандарты репрезентации знаний о мире в ментальных моделях и дискурсивных практиках. Строго говоря, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи имеется собственная картина мира. Она синтезируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из научного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картин мира на базе интуиции о мире, которые пробуждаются в человеке под влиянием культуры или актов жизнедеятельности. При этом, однако, образ мира отдельного человека отличается от образа мира, запечатленного в общей картине мира его времени, лишь нюансами [Телия, 1988].

Вопрос о взаимоотношении культуры, когниции и реального мира рассматривается в рамках когнитивной антропологии, которая основывается в основном на теориях и методах когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Наиболее яркие представители когнитивной антропологии — Д'Андрате [D'Andrade, 1995], Куин [Quinn, 1997; 2005; 2011], Маршанд [Marchand, 2010]. Основоположниками когнитивной антропологии являются лингвисты, сформировавшие антропологический подход к изучению взаимоотношения между языком и мышлением в различных культурных контекстах. К ним относятся представители американской антропологической лингвистики, такие как Боас Сепир, Уорф, а также французские структуралисты Херц, Мос, Леви-Брюль и Леви-Строс. В рамках когнитивной антропологии выделяется несколько школ. Подробный обзор различных направлений и интеллектуальных основ когнитивной антропологии дается в работах Кассона [Casson, 1981, 1983], Даугерти [Dougherty, 1985], Левинсона [Levinson, 1995], Д'Андрат [D'Andrade, 1995], Фоли [Foley, 1997], Дюранти [Duranti, 1997].

Когнитивная антропология занимается изучением концептуальных систем через лингвистические выражения (репрезентации) в различных языках, в различных культурах. В исследованиях последних лет акцентируется внимание на ментальных культурных моделях/схемах. Из публикаций последнего десятилетия в этой области стоит упомянуть работу Куин [Quinn, 2011] и монографию под редакцией Кроненфельда [Kronenfeld et al., 2011].

В отечественной лингвистике когнитивная антропология связана с культурно-исторической психологией, корни которой восходят к именам Л. Выготского, А. Леонтьева [Леонтьев, 1965, 1979], А. Лурии. Центральным для их подхода является положение о том, что психологические процессы культурно-опосредованы и контекстуально-обусловлены. Л. Выготский склонен рассматривать знаки сквозь призму их посреднических свойств, а не в плане семантического анализа знаков абстрагированного от контекста использования. Таким образом, подход Л. Выготского пересекается с подходами современной прагматики и теориями социокогниции, т.е. любое знание, любая когниция контекстуальна (социально обусловлена).

Меняются культурные практики/контексты, меняются ментальные культурологические модели, меняются языковые структуры. Однако до настоящего времени недостаточно внимания уделялось анализу когнитивных механизмов, лежащих в основе контакта двух культур, что тесно связано с межкультурной коммуникацией. В понятие межкультурной коммуникации входит не только концепту-

альный аспект, но и семиотический, рассматривающий механизмы, связанные с хранением знаков и текстов, с их функционированием, преобразованием, с порождением новых знаков и новой информации [Молчанова, 2015]. Эти механизмы определяют три важнейшие функции культуры: аккумулирующую (мнемоническую); коммуникативную; генерирующую (креативную). Как известно, модель коммуникативного акта Р. Якобсона связывает обширный круг проблем языка, искусства и культуры с теорией коммуникативных систем [Якобсон, 1983].

Анализ коммуникации двух культур с когнитивной точки зрения предполагает обращение к межкультурному диалогу, ибо именно диалог лежит в основе коммуникации двух культур. В последнее время в научной литературе активно используется термин «культурный трансфер»/«трансфер культур» (ср. с термином «трансферная история», который изучает «переливание крови» — влияние одной страны на другую в науке и культуре). В основе данного трансфера также лежит диалог.

Диалог представляет собой форму проникновения людей друг в друга через познание предмета. Более того, по мнению Сократа, диалог есть способ духовного возрождения, так как в этом процессе происходит «припоминание» того, что заложено в человеке «бессмертной душой». Говоря современным языком, сократический диалог является мощным воспитательным средством, в процессе которого осуществляется развитие сущностных сил человека [Каллаева, 2013: 132].

Новый период в развитии диалогике начинается на рубеже XVIII–XIX вв. Голландский мыслитель Ф. Гемстергойс поставил в центр исследования отношение человека к человеку, моего Я к другому Я. Такая постановка вопроса побудила философов искать механизмы, которые ответственны за форму и характер общения.

Развивая идеи Ф. Гемстергойса, немецкий ученый Ф. Шлейермахер утверждает, что самосознание личности формируется только в соотношении с сознанием другого [там же].

Файербах впервые предложил не искать человеческую сущность в самом человеке, поскольку она лежит в общении с другим человеком, в единстве Я и Ты.

В начале XX в. исследование диалога стало центральной проблемой в ряде философско-эстетических и психологических учений, среди которых можно упомянуть исследования Г. Марселя, К. Ясперса и других представителей экзистенциально-философской мысли, а также работы русских философов М.М. Бахтина, А.А. Ухтомского, В.С. Библиера, М.С. Кагана, Б.А. Ерунова и др.

По мнению М.М. Бахтина, диалог не просто средство, а само бытие человека, поскольку «Быть — значит общаться диалогически. Диалог — это спор, конфронтация, поиск истины, однако истины событийной, контекстовой. Один голос ничего не кончает, и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия».

Всеми известен вклад М.М. Бахтина в изучение понятия «другого». Учение М.М. Бахтина состоит в отношении одного сознания к другому сознанию именно как к другому, поскольку с этим связана идея о «внезаходимости» собеседников в диалоге. Такое отношение к другому дает одновременно и определенность «своего места» как единственного и неповторимого [Бахтин, 1979]. Как полагает М. Бахтин, для того чтобы предметно-смысловые отношения стали диалогическими, необходимо облачение их в высказывания с получением автора.

При этом «слово» в понимании М. Бахтина представляет собой высказывание, выражение авторской позиции по какому-либо вопросу, а наделение «авторством» и есть то самое «облачение» в слово, которое является условием диалогической реакции.

В диалоге модальный стимул с неизбежностью вызывает ответную реакцию, поскольку «два воплощенных смысла не могут лежать рядом друг с другом, как две вещи, — они должны внутренне соприкоснуться, то есть вступать в смысловую связь» [Бахтин, 1972].

На основе вышеизложенного М.М. Бахтин делает существенный методологический вывод о том, что «подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она ответно и свободно открывает себя» — то есть личность как таковая не может быть объектом изучения, она может быть субъектом диалогического обращения, для которого другой — не «Он» и не «Я», а полноценное «Ты». Мы считаем, что смысловая связь между участниками диалога основывается на общем когнитивном и коммуникативном пространстве.

Именно теория М. Бахтина заложила основы современных подходов к когнитивному анализу коммуникации, к изучению социальной когниции [ср. Croft, 2009], ситуационной когниции и коммуникативных аспектов когниции в целом.

Итак, акт коммуникации представляет собой совместное действие, которое требует определенного координирующего приема. Таким приемом в теории когнитивной социолингвистики считается «конвенция», особенно лингвистическая конвенция. В последние годы в научный обиход вошел новый концепт — «коллаборативность». Идея коллаборативности пронизывает исследования не-

скольких дисциплин когнитивного цикла. Так, в теории искусственного интеллекта употребляется термин «коллаборативный интеллект» (collaborative intelligence). В когнитивной социолингвистике появился термин «коллаборативная креативность» — основывающаяся на знаниях предшествующих текстов, дискурсивных практик, встраивающихся во взаимоотношения между людьми [Swann et al., 2011; Jones, 2012]. Появился также термин «групповая креативность» [Reiter-Palmon, Leone, 2019].

Идея коллаборативности, совместного действия в коммуникации, в частности, в диалоге в последние годы получила развитие в теории интерактивной координации/выравнивания (interactive alignment) С. Гаррода [Garrod, Pickering, 2004]. В соответствии с этой теорией участники диалога стремятся к координации/выравниванию ментальных репрезентаций и соответственно лингвистических репрезентаций.

Интерактивное выравнивание помогает преодолеть проблему непонимания, т.е. обеспечивает общность ментальных репрезентаций и реализуется на нескольких уровнях:

1) на уровне ситуационных моделей; 2) на уровне семантической интерпретации и 3) на уровне синтаксических форм [Garrod, 2004]. Иными словами, по мере развертывания диалога происходит построение нескольких уровней репрезентаций, разделяемых участниками диалога. Особого внимания заслуживают когнитивные механизмы семантической интерпретации. Речь идет прежде всего о механизме инференции. Наибольшую сложность при инферировании концептуального содержания слов в диалоге представляют полисемантические лексические единицы, которые могут привести к созданию двусмысленности и неясности диалогических реплик. В свою очередь, неясность, как указывалось в наших предыдущих работах [Zabotkina, Boyarskaya, 2018], может носить амбивалентный характер, что связано с угрозой манипуляции.

По мере развертывания диалога происходит конструирование общего интегрированного коммуникативного и когнитивного пространства.

В основе **межкультурного** диалога лежит более сложный когнитивный механизм интерактивной координации. Для успешного межкультурного диалога так же, как и для монокультурного диалога, участники коммуникации должны находиться в упомянутом выше едином интегрированном коммуникативном и когнитивном пространстве. Но это пространство представляет собой двухуровневую интеграцию, так как основывается на пересечении менталь-

ных пространств двух участников **двух различных культур** [ср. Заботкина, 2020а].

При этом мы полагаем, что в процессе взаимодействия двух культур принимают участие следующие три пространства: 1) ментальное пространство своей культуры; 2) ментальное пространство другой/чужой культуры; 3) интегрированное ментальное межкультурное пространство [Заботкина, 2020б]. Данное пространство наследует роли и свойства двух исходных ментальных пространств, в которых находится каждый из представителей двух взаимодействующих культур. «Интегрированное ментальное пространство приобретает сворю собственную структуру и новые свойства» [Faucconnier, 2004]. Каждое из трех пространств структурируется своим фреймом. Третье пространство представляет собой концептуальный бленд, т.е. результат концептуальной интеграции. Важность этого пространства определяется еще и тем, что оно лежит в основе межкультурного дискурса. Оно структурирует и строит этот дискурс и должно помочь понять другую культуру, инферировать смыслы ментальных моделей и их языковых репрезентаций в каждой из двух культур.

Специфичность другой/чужой культуры может быть понята только в том случае, если она проецируется на то, что уже знакомо, т.е. на свою культуру. В этом случае чужая/другая культура не просто поглощается своей культурой, своим фреймом референции, вместо этого фрейм своей культуры подвергается изменениям, так как происходит аккомодация двух культур, двух систем ценностей для того, чтобы принять то, что не является его (фрейма) частью. Такая транспозиция противостоит идее гегемонии одной культуры над другой [Iser, 1995].

Особого внимания заслуживают когнитивные параметры и факторы, **препятствующие** успешному межкультурному диалогу. Речь идет прежде всего о механизме «неосознанной предвзятости/стереотипизации» (unconscious bias), который в последние годы подвергается глубокому анализу со стороны ученых-когнитологов.

Таким образом, можно говорить о возможности анализа культуры/контакта культур в трех измерениях: 1) реальный мир; 2) ментальный/концептуальный мир; 3) языковой мир.

Анализ когнитивных механизмов межкультурного диалога можно представить в виде следующей иерархии: на уровне всей когнитивной системы действуют механизмы интерактивной координации/выравнивания и инференции, на уровне ментальных пространств участников диалога, включая третье интегрированное межкультур-

ное ментальное пространство, действует механизм концептуальной интеграции. При этом действие этих механизмов в межкультурном диалоге основывается на ментальных культурологических моделях двух культур.

Из всего вышесказанного следует вывод о необходимости создания в рамках когно-лингвокультурологии междисциплинарного каркаса, который позволил бы разработать способы получения интегрированного знания, способы его хранения в ментальных моделях и выражения в языковых структурах, в контекстах различных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М., 1972. С. 147.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. *Заботкина В.И.* Когнитивные механизмы межкультурного диалога // Когнитивные исследования языка. 2020а. Вып. 41 (2). С. 76–80.
4. *Заботкина В.И.* Межкультурная коммуникация: ментальные структуры и когнитивные механизмы // Когнитивные исследования языка. 2020б (в печати).
5. *Каллаева Д.Р.* Роль теории диалога М.М. Бахтина в формировании социокультурной компетенции // Актуальные вопросы современной педагогики: Материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). 2013. С. 132–135.
6. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
7. *Леонтьев А.А.* Высказывание как предмет лингвистической психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979. С. 5–92.
8. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М., 2014.
9. *Молчанова Г.Г.* Ментальная изоглосса в живописи как семиотический код и когнитивный механизм смыслопроизводства // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. 2015. С. 21–25.
10. *Телия В.Н.* Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26–51.
11. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.
12. *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов — знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 674–684.
13. *Якобсон Р.* В поисках сущности языка // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 102–117.
14. *Casson R.W.* (ed.). Language, culture and cognition. N.Y., 1981.
15. *Casson R.W.* Schemata in cognitive anthropology // Annual Review of Anthropology. 1983. № 12. P. 429–462.
16. *Croft W.* Toward a social cognitive linguistics: New Directions in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 395–420.
17. *D'Andrade R.* The development of cognitive anthropology. Cambridge, 1995.

18. *Dougherty J.W.D., Keller Ch.M.* Taskonomy: a practical approach to knowledge structures // J.W. Dougherty (ed.). Directions in cognitive anthropology. Urbana, 1985. P. 161–174.
19. *Duranti A.* Linguistic anthropology. Cambridge, 1997.
20. *Fauconnier G.* Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of pragmatics / Ed. By L.R. Horn and G. Ward. Oxford, 2004.
21. *Foley W.A.* Anthropological linguistics: an introduction. Oxford, 1997.
22. *Garrod S., Pickering M.* Why is conversation so easy? // TRENDS in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8. No.1.
23. *Iser W.* On Translatability: Variables of Interpretation // The European English Messenger. 1995. V. 4(1). P. 30–38.
24. *Jones R.H.* Discourse and creativity. L., 2012.
25. *Kronenfeld David B. et al.* A Companion to Cognitive Anthropology. Malden, 2011.
26. *Levinson S.C.* Cognitive anthropology // J. Verschuereen, J.-O. Ostman, J. Blommaert (eds.). Handbook of Pragmatics. Amsterdam, 1995. P. 100–105.
27. *Marchand T.H.J.* (ed.). Making knowledge: explorations of the indissoluble relation between mind, body and environment. Malden, 2010.
28. *Quinn N.* The mainstreaming of cultural models // Paper delivered at the plenary session: Psychological Anthropology: State of the Art, at the 1997 biennial meeting of the Society of Psychological Anthropology. Oct. 9–12. San Diego, 1997.
29. *Quinn N.* (ed.). Finding culture in talk: a collection of methods. N.Y., 2005.
30. *Quinn N.* The History of the Cultural Models School Reconsidered: A Paradigm Shift in Cognitive Anthropology / A Companion to Cognitive Anthropology. N.Y., 2011.
31. *Reiter-Palmon R., Leone S.* Group dynamics and team creativity: the contribution of Kurt Lewin to the study of teams, creativity, and innovation // The creativity reader. Oxford, 2019.
32. *Swann J., Pope R., Carter R.* Creativity in language and literature: The state of the art. Palgrave Macmillan, 2011.
33. *Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L.* Conceptual foundation of event-referential ambiguity // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2018. V. 5. Issue 3.6. P. 142–148.
34. *Zacks J.M., Swallow K.M.* Event segmentation // Current Directions in Psychological Science. 2007. № 16 (2). P. 80–84.

Vera I. Zabotkina

THE ISSUE OF COGNITIVE BASIS OF THE TWO CULTURES INTERACTION

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993*

The article concentrates on the study of the contact of two cultures within the triad ‘real world — mental models — world of language’. Each of the worlds is viewed through the dichotomy ‘universal vs culture-specific’. The main emphasis is on the cognitive mechanisms underlying intercultural dialogue. We come to the conclusion that at the level of cognitive systems of two cultures the mechanisms of interactive alignment and inference are prevailing, at the level of mental spaces of

the participants of the dialogue the mechanism of conceptual integration is at work. The contact of two cultures involves three mental spaces: 1) the mental space of one's own culture; 2) the mental space of "other" culture; 3) integrated intercultural mental space. The latter inherits the roles and qualities of the two input mental spaces. The integrated mental space has its own emerging structure. Each of the three mental spaces is structured by its own frame. The third mental space is a result of the conceptual blending. This mental space is at the basis of intercultural discourse. The frame of this mental space structures and builds intercultural discourse. It helps to understand other culture, to infer conceptual information and find corresponding linguistic representations in each of the two cultures. All the above mentioned cognitive mechanisms providing the basis of two cultures contact involve knowledge of mental cultural models.

Key words: contact of cultures; cognitive mechanisms; mental cultural models; intercultural dialogue; interactive alignment; cognitive anthropology.

About the author: Vera I. Zobotkina — Dr.habil in Philology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation, Director of the Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities (e-mail: zobotkina@rsggu.ru).

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. 1972. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevskiy's poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature, p. 147. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. 1979. *Eстетика slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo. (In Russ.)
3. Zobotkina V.I. 2020a. Kognitivnye mekhanizmy mezhkul'turnogo dialoga [Cognitive mechanisms of intercultural dialogue]. *Cognitive Studies of Language*, no. 41 (2). (In Russ.)
4. Zobotkina V.I. 2020b. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: mental'nye struktury i kognitivnye mekhanizmy [Intercultural communication: mental structures and cognitive mechanisms]. *Cognitive Studies of Language*. (In Russ.)
5. Kallaeva D.R. 2013. Rol' teorii dialoga M. M. Bakhtina v formirovanii sotsiokul'turnoi kompetentsii [Role of Bahtin's dialogue theory in building up socio-cultural competence]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi pedagogiki: materialy III mezhdunar. Nauch. konf. (g. Ufa, mart 2013 g.)*, pp. 132–135. (In Russ.)
6. Leont'ev A.A. 1965. *Slovo v rechevoi deyateli nosti* [Word in speech]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
7. Leont'ev A.A. 1979. Vyskazyvanie kak predmet lingvisticheskoi psikholingvistiki i teorii kommunikatsii [Utterance as a subject of psycholinguistics and theory of communication]. *Sintaksis teksta* [Syntax of text]. Moscow, Nauka, pp. 5–92. (In Russ.)
8. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii: verbalika i neverbalika* [Cognitive multimodality of intercultural communication: verbal and non-verbal aspects]. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2015. Mental'naya izoglossa v zhivopisi kak semioticheskii kod i kognitivnyi mekhanizm smysloproizvodstva [Mental isogloss in painting as semi-otic code and cognitive mechanism of sense production]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod*.

- Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication], pp. 21–25. (In Russ.)
10. Teliya V.N. 1988. Metafora kak model' slovoproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya [Metaphor as word formation model and its expressive-evaluative function]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in the language and text], pp. 26–51. (In Russ.)
 11. Teliya V.N. 1988. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira [Metaphorization: its role in language world-view formation]. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The human factor in language. Language and world-view]. Moscow, Nauka, pp. 173–204. (In Russ.)
 12. Teliya V.N. 2004. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov — znakov-mikrotekstov [The factor of culture and reproduction of phraseological units — signs-microtexts]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Sacred meanings: Word. Text. Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 674–684. (In Russ.)
 13. Yakobson R. 1983. *V poiskakh sushchnosti yazyka* [In search of the essence of language]. In Yu.S. Stepanov (ed.). *Semiotika*. Moscow, Raduga, pp. 102–117. (In Russ.)
 14. Casson R.W. (ed.). 1981. *Language, culture and cognition*. N.Y., Macmillan.
 15. Casson R.W. 1983. Schemata in cognitive anthropology. *Annual Review of Anthropology*, no. 12, pp. 429–462.
 16. Croft W. 2009. *Toward a social cognitive linguistics: New Directions in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 395–420.
 17. D'Andrade R. 1995. *The development of cognitive anthropology*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.
 18. Dougherty J.W.D., Keller Ch.M. 1985. *Taskonomy: a practical approach to knowledge structures*. In J.W. Dougherty (ed.). *Directions in cognitive anthropology*. Urbana, Univ. of Illinois Press, pp. 161–174.
 19. Duranti A. 1997. *Linguistic anthropology*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.
 20. Fauconnier G. 2004. Pragmatics and Cognitive Linguistics. In L.R. Horn and G. Ward (eds.). *The Handbook of pragmatics*. Oxford, Blackwell.
 21. Foley W.A. 1997. *Anthropological linguistics: an introduction*. Oxford, Blackwell.
 22. Garrod S., Pickering M. 2004. Why is conversation so easy? *TRENDS in Cognitive Sciences*. Vol. 8. No.1.
 23. Iser W. 1995. On Translatability: Variables of Interpretation. *The European English Messenger*. V. 4(1), pp. 30–38.
 24. Jones R.H. 2012. *Discourse and creativity*. London, Pearson Education.
 25. Kronenfeld David B. et al. 2011. *A Companion to Cognitive Anthropology*. Malden, Wiley-Blackwell.
 26. Levinson S.C. 1995. *Cognitive anthropology*. In J. Verschueren, J.-O. Ostman, J. Blommaert (eds.). *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 100–105.
 27. Marchand T.H.J. (ed.). 2010. *Making knowledge: explorations of the indissoluble relation between mind, body and environment*. Malden, Wiley-Blackwell.
 28. Quinn N. 1997. The mainstreaming of cultural models. Paper delivered at the plenary session: *Psychological Anthropology: State of the Art, at the 1997 biannual meeting of the Society of Psychological Anthropology*. Oct. 9–12. San Diego.
 29. Quinn N. (ed.). 2005. *Finding culture in talk: a collection of methods*. New York, Palgrave Macmillan.
 30. Quinn N. 2011. The History of the Cultural Models School Reconsidered: A Paradigm Shift in Cognitive Anthropology. *A Companion to Cognitive Anthropology*. New York, Wiley-Blackwell.

31. Reiter-Palmon R., Leone S. 2019. Group dynamics and team creativity: the contribution of Kurt Lewin to the study of teams, creativity, and innovation. *The creativity reader*. Oxford, Oxford University Press.
32. Swann J., Pope R., Carter R. 2011. *Creativity in language and literature: The state of the art*. Palgrave Macmillan.
33. Zabolotkina V.I., Boyarskaya E.L. 2018. Conceptual foundation of event-referential ambiguity. *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. V. 5. Issue 3.6, pp. 142–148.
34. Zacks J.M., Swallow K.M. 2007. *Event segmentation*. *Current Directions in Psychological Science*, no. 16 (2), pp. 80–84.

О.К. Ирисханова

ПРОЯВЛЕНИЯ КРОСС-МОДАЛЬНОЙ ИКОНИЧНОСТИ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА¹

*Московский государственный лингвистический университет
119304, Москва, ул. Остоженка, 38/1*

В статье изучается кросс-модальная иконичность, под которой понимается взаимное уподобление знаков и знаковых комплексов, относящихся к разным семиотическим системам (модальностям). Ставятся вопросы о том, различаются ли проявления кросс-модальной иконичности в дискурсах с разным сочетанием семиотических систем и каналов коммуникации и как выражает себя иконичность знаков, принадлежащих к вербальным и невербальным компонентам дискурса в устной речи с жестами и в письменном тексте с визуально-изобразительным компонентом. Исследуются жестовая и визуально-изобразительная модальности и сопоставляется иконичность в двух типах дискурса на русском и английском языках — устном (повествования, описания картин и кулинарных рецептов) и письменном (гибридные тексты из новостных приложений). Автор демонстрирует, что вне зависимости от типа дискурса кросс-модальная иконичность следует базовым принципам языковой иконичности: уподоблению по содержанию и структуре и уподоблению по форме. Специфика реализации иконичности в анализируемых типах дискурса связана не только с характером семиотической гетерогенности в дискурсе (жесты vs. изображения), но и в случае с приложениями — с аффордансами айфона.

Ключевые слова: мультимодальный дискурс; кросс-модальная иконичность; принципы иконичности; жест; жестовая модальность; визуально-изобразительная модальность; аффорданс.

В одной из своих работ, поднимая вопрос о творчестве в поликодовых пространствах культуры, Г.Г. Молчанова пишет о синергетическом единстве визуального и вербального, которое ведет «к разгадке тайны предмета искусства, к достижению главной цели семиотического процесса коммуникации — пониманию» [Молчанова, 2015: 8].

Продолжая тему поликодовости или полимодальности как одного из условий творческого смыслопорождения в дискурсе, обратим-

Ирисханова Ольга Камалудиновна — доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Московского государственного лингвистического университета (e-mail: oiriskhanova@gmail.com).

¹ Исследование выполнено в МГЛУ в рамках государственного задания Минобрнауки России (№ 0703-2020-0021; тема НИР АААА-А20-120071690041-3).

ся в данной статье к вопросу о том, как происходит согласование разных семиотических систем (модальностей или кодов) в тех «обыденных» типах дискурса, с которыми мы сталкиваемся или которые мы производим каждый день. Исходя из того, что одним из семиотических механизмов, обеспечивающих кросс-модальную связность в дискурсе, является уподобление разнородных знаков [DuBois, 2014; Логинова, 2019], основанное на иконичности, в настоящей статье мы ставим следующие взаимосвязанные вопросы: *Различаются ли проявления кросс-модальной иконичности в типах дискурса, которым свойственны разные сочетания семиотических систем и разные каналы коммуникации — аудиальные, визуальные и другие? Как проявляет себя иконичность знаков, принадлежащих к вербальным и невербальным компонентам дискурса, в двух типах динамичного дискурса — в устной речи с жестами и в письменном тексте с визуально-изобразительным компонентом?*

Поясним некоторые термины. Термин «иконичность» в контексте мультимодального (полимодального) дискурса означает не только постоянно присущее определенному знаку свойство быть подобным своему референту, но и его временная способность копировать те или иные свойства соседних знаков, относящихся к другим модальностям. Термин «динамичный» также требует пояснения, так как он может показаться избыточным применительно к устному дискурсу и не вполне оправданным применительно к письменному тексту. В первом случае мы имеем в виду динамику совместного употребления движений рук и речевых фрагментов; во втором случае речь идет об особой разновидности дискурса, который в своей основе представляет собой наложение письменного текста на изображения (фотографии, рисунки, карты, видеозаписи). Такой семиотически гибридный текст изначально предназначен для чтения в новостных приложениях айфонов с использованием скролл-технологии (см., например: URL: https://www.bbc.co.uk/news/resources/idt-sh/the_bridge_that_crossed_an_ocean).

Ожидаемая специфика в проявлениях иконичности в упомянутых типах дискурса обусловлена следующим: для устной речи иконическое согласование разных модальностей носит естественный характер, поскольку опирается на спонтанные реакции организма, связанные с сиюминутным «подключением» движений тела и речи к общим «идеям» или ментальным репрезентациям объектов [McNeill, 1992]. Так, представление о квадратном объекте может запустить процесс произнесения слова «квадратный» и производство жеста, описывающего в воздухе квадрат. Иконичность знаков в случае с гибридными текстами новостных приложений носит опосредован-

ный характер, поскольку согласование семиотически разнородных компонентов по подобию может быть обусловлено не только естественными когнитивными процессами или телесными реакциями, но и устройством гаджетов, а точнее их аффордансами, т.е. теми свойствами, которые определяют или указывают на способ их использования. В частности, экран айфона, чувствительный к касаниям, дает возможность применять вертикальное скольжение для плавного перелистывания текста и для создания эффекта движения написанных предложений на фоне фотографий и других изображений или одних полимодальных частей текста на фоне других (рис. 1):

Рис. 1. Скролл-технологии в новостном приложении BBC News для айфонов (URL: https://www.bbc.co.uk/news/resources/idx-sh/the_bridge_that_crossed_an_ocean)

Следовательно, аффордансы становятся неотъемлемой частью гибридного семиотического кода подобных текстов и, предположительно, оказывают влияние на кросс-модальное иконическое согласование текстуральных компонентов.

Прежде чем перейти к описанию конкретных случаев иконического согласования знаков в изучаемых нами разновидностях устного и письменного дискурса на русском и английском языках, кратко обобщим виды иконичности, выделяемые современными лингвистами-когнитологами. В основе когнитивного понимания данного явления лежат идеи Ч.С. Пирса о существовании образной иконичности как уподобления знаков наблюдаемым физическим («простым») свойствам своих референтов, метафорической иконичности как уподобления знака и объекта, существующих параллельно друг другу, и иконичности диаграмм как уподобления знака и объекта по структуре [Пирс, 2001]. При этом в когнитивной грамматике иконическая мотивированность переносится с отдельных знаков на синтаксические конструкции и на устройство языка в целом, который копирует устройство мира и наши знания о нем [Haiman, 1985; Nänny, Fischer, 1999; Tabakowska, et al., 2005; Сигал, 2005]. Наряду с исследованиями мономодальной иконичности (уподобления между вербальными знаками) в когнитивной лингвистике

изучается и кросс-модальная иконичность. В частности, рассматривается иконичность в художественных произведениях, в том числе в поэзии и романах-комиксах, а также в рекламном дискурсе, музыкальных произведениях и пр. (см., например: [Freeman, 2006; Forceville, 2009; Zhao, 2015; Молчанова, 2015; Соколова, 2014]).

В когнитивной лингвистике последних лет все чаще звучит идея об иконичности жестов, сопровождающих речь [Mittelberg, 2008]. К иконическим жестам относят движения тела, репрезентирующие наблюдаемые свойства объекта (т.е. изображающие форму, размер, движение объекта и пр.): например, ладонь, повернутая вверх, изображает лист бумаги [Müller, 1998: 123]). К иконическим жестам многие исследователи относят также движения рук, которые метафорически согласуются с речью [Cienki, Müller, 2008; Müller, Cienki, 2009]. Например, фраза *И я уже больше об этом не думала* сопровождается жестом отбрасывания или смахивания, что указывает на метафору **МЫШЛЕНИЕ КАК МАНИПУЛЯЦИЯ ПРЕДМЕТАМИ** («избавление от мысли» сравнивается с отбрасыванием предмета). В целом в исследованиях жестов выделяются такие же типы иконичности, как и в других работах, посвященных мультимодальному, или кросс-модальному, уподоблению: образная иконичность (в репрезентирующих жестах), диаграмматическая (или метонимическая) и метафорическая иконичность.

В данной статье, сравнивая кросс-модальную иконичность двух типов — между речью и жестами, с одной стороны, и между текстом и фотографией или иным изображением, с другой стороны, мы нацелены на поиск общего и особенного в иконических проявлениях. При этом описанная нами выше скролл-технология дает нам возможность не только изучить возникший совсем недавно мультимодальный субжанр новостного дискурса, но и рассмотреть проявления иконичности в динамике как применительно к устной речи, так и применительно к письменному тексту.

Мы исходим из того, что иконичность знаков следует универсальным «формулам»: «форма подражает форме» и «форма подражает значению» (см. о принципах “Form mimes form” и “Form mimes meaning” в [Nänny, Fischer, 1999; Tabakowska, et al., 2005]).

Анализ материала, а именно видеозаписей устных нарративов, описаний картин и кулинарных рецептов, а также мультимодальных текстов информационной направленности новостного приложения BBC News, www.bbc.com, показал, что данные принципы в ситуации мультимодальных взаимодействий нуждаются в некотором уточнении. Применительно к кросс-модальной иконичности они могут быть сформулированы следующим образом: форма знака из одной модальности копирует содержание или «структуру мысли» знака из

другой модальности (уподобление по содержанию и структуре); форма знака из одной модальности копирует форму знака из другой модальности (уподобление по форме); форма и содержание знака копирует функцию другого объекта (уподобление по функции).

Рассмотрим на нескольких примерах, как реализуются данные принципы иконичности в изучаемых нами устном и письменном типах мультимодального дискурса.

Уподобление по содержанию или структуре

Данный принцип иконичности реализуется как в устной речи с жестами, так и в гибридных текстах новостного приложения. В устных нарративах, описаниях картин и кулинарных рецептов этот принцип проявляется при употреблении репрезентирующих жестов и жестов, структурирующих дискурс, с определенными фрагментами речи. Например, повествуя о некоем событии, говорящий произносит [*Девочка*] *протягивает ему шарик* и сопровождает это высказывание жестом вытянутой руки, который «разыгрывает» соответствующее действие. Другой говорящий, описывая картину, сопровождает фразу *И там такие волны* движением указательного пальца, прорисовывающего волнообразную линию в воздухе. Иллюстрацией уподобления по структуре мысли служит довольно распространенный парный жест, указывающий на альтернативное развитие событий: так, говорящий произносит *Нет, ну ты считаешь, что стало лучше после этого, или никак, или хуже?* и производит симметричные последовательные жесты, синхронизированные с тройственной синтаксической структурой и указывающие на три разные зоны — справа налево, в которых метафорически конструируются варианты развития события (рис. 2):

Рис. 2. Уподобление жеста тройственному конструированию события в речи: Нет, ну ты считаешь, что стало лучше после этого, или никак, или хуже?

В письменном тексте с визуально-изобразительным компонентом данный принцип может реализовываться, например, когда изображение воспроизводит значение вербального компонента, служит его иллюстрацией. Ниже представлен фрагмент текста-репортажа, в котором рассказывается о том, как в дети из разных стран в своих

рисунках «побеждают» пандемию (URL: <https://www.bbc.co.uk/news/extra/g7fg26ab8b/drawings-from-lockdown>) (рис. 3):

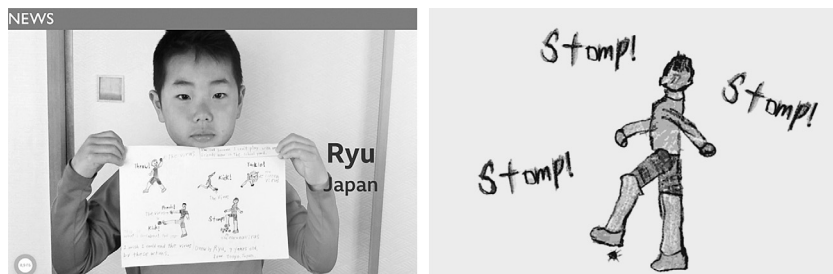

Рис. 3. Кросс-модальное уподобление по содержанию: рисунок иллюстрирует действие, выраженное лексемой *stamp*

В данном тексте наблюдается одна интересная особенность этого мультимодального жанра: нередко уподобление знаков по содержанию усиливается за счет репрезентации динамики глаголов или отглагольных номинализаций в визуальном компоненте. Это обеспечивается эффектом пролистывания (скролл-технологией), который делает возможным создание движения одного знакового комплекса относительно другого, а также запуск фильма или мультипликации. В приведенном выше фрагменте первый кадр представляет фотографию детского рисунка целиком, далее при пролистывании читатель видит мультимодальные фрагменты рисунка, которые начинают «оживать», превращаясь в повторяющийся мультфильм.

Динамическое усиление может носить не только локальный, но и глобальный характер: например, в приводимом ниже фрагменте текста повествуется об изобретателе и предпринимателе из США — Роберте Маккаллохе, который в середине прошлого века купил старый Лондонский мост и перенес его в небольшой город в штате Аризона (URL: https://www.bbc.co.uk/news/resources/idx-sh/the_bridge_that_crossed_an_ocean). Текст в целом представляет собой биографию Маккаллоха, которая предстает перед читателем как последовательность архивных фотографий, старых репортажей, на фоне или рядом с которыми перемещаются в вертикальном направлении текстовые фрагменты. Такое движение изначально статичных знаковых комплексов относительно друг друга создает иконическую структуру текста, в котором согласование вербальных и невербальных компонентов совокупно обеспечивает копирование последовательности реальных исторических событий (рис. 4):

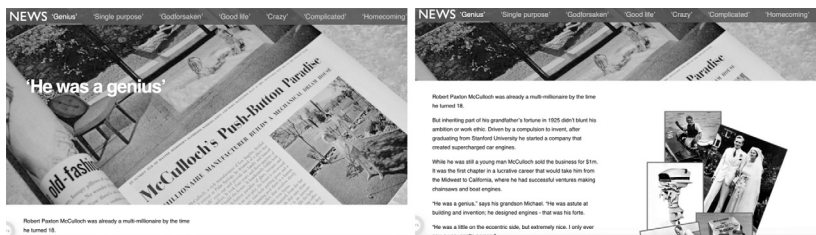

Рис. 4 Кросс-модальное уподобление по структуре: движение фрагментов текста подражает последовательности событий

Уподобление по форме

В устной речи кросс-модальное уподобление по форме наблюдалось довольно редко и в том случае, когда говорящий, воспроизводя некий чужой текст (при описании видео с кулинарным рецептом), подражал движениям шеф-повара, которого он увидел на записи. Подобные примеры мы отнесли к кросс-модальной иконичности, так как жесты, воспринимаемые в визуальной модальности, трансформировались в единицы, воспроизводимые в кинетической модальности.

В текстах новостного приложения уподобление по форме носило главным образом интрасемиотический, или мономодальный, характер: например, в тексте о пандемии вертикальное пролистывание превращало фотографию ребенка в стилизованный под детский рисунок портрет (рис. 5):

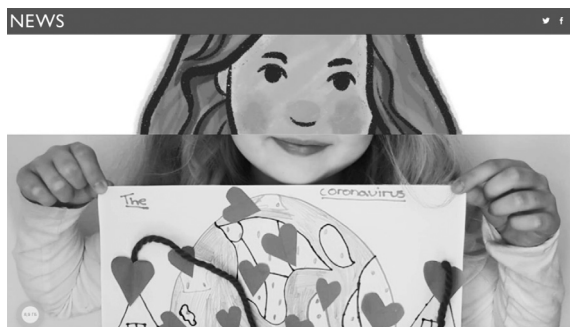

Рис. 5 Интрасемиотическая иконичность: уподобление по форме в визуально-изобразительной модальности

Уподобление по функции

Данный принцип иконичности в устной речи с жестами проявляется в том, что говорящий копирует жесты того человека, которого он видел на видеозаписи или на картине. В отличие от уподоб-

ления по форме, когда воспроизводятся не жесты, а движения приготовления блюда или какого-нибудь другого некоммуникативного действия, в случае уподобления по функции копируется не столько само движение, сколько прагматическая функция жеста, но сам жест может отличаться по форме от оригинала. Например, воспроизводя жест обращения шеф-повара к зрителям (обе ладони развернуты в горизонтальной плоскости вверх), говорящий, который после просмотра видео объясняет своему собеседнику, как приготовить блюдо, использует жест с аналогичной функцией обращения, однако производит движение с меньшей амплитудой, одной рукой, с ладонью, повернутой сагиттально.

В текстах новостного приложения уподобление по функции связано с аффордансами, которые определяют способ физического взаимодействия с приложением и соответственно способы прочтения текста. К ним относятся возможность перелистывания в вертикальном направлении, или наоборот, увеличения внутренних окон, самостоятельного выбора скорости и направления движения текста — вверх или вниз, а также возможность перехода к встроенным видеозаписям, диаграммам и интерактивным картам. Таким образом, текст в целом и смена его фрагментов следуют функциональным особенностям приложения и его возможностям (аффордансам), что проявляется в вертикальной направленности основного «сюжета», в ограниченной гипертекстуальности, в краткости фокусных фрагментов текста и их сходстве с газетными заголовками, в некоторой фрагментарности частей, ограниченных экраном телефона.

В целом анализ некоторых типов устного и письменного мультимодального (поликодового) дискурса продемонстрировал, что, несмотря на существенные различия между ними, кросс-модальное уподобление знаков и знаковых комплексов следует базовым принципам иконичности, а именно уподоблению по содержанию и структуре, при котором форма знака из одной модальности копирует содержание или «структуру мысли» знака из другой модальности; уподоблению по форме, когда форма знака из одной модальности копирует форму знака из другой модальности. Кроме того, благодаря возможностям современных смартфонов, в некоторых семиотически разнородных текстах наблюдается активное применение уподобления по функции, при котором форма и/или содержание знака копируют функцию другого объекта или его аффорданса.

* * *

Данная статья — результат вдохновения, которое дарят нам труды Г.Г. Молчановой. В них есть и искусство анализа, и тонкость

стиля, и любовь к творчеству, и увлеченность тайнами культуры. Они — отражение их создателя!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Логинова Е.Г.* Полимодальные сценарии семиотического резонанса в дискурсе драмы // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 120–141.
2. *Молчанова Г.Г.* Синергия визуального и вербального в хроматике (живописи) как семиотический код коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 7–19.
3. *Сигал К.Я.* Прескрипторные правила линеаризации в когниции и тексте (на материале русских сочинительных конструкций) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3 (4). С. 11–25.
4. *Соколова О.В.* Типология дискурсов активного воздействия. Поэтический авангард, реклама и PR. М., 2014.
5. *Cienki A., Müller C.* (Eds.). *Metaphor and Gesture*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
6. *DuBois J.W.* Towards a dialogic syntax // *Cognitive Linguistics*. 2014. № 25 (3). P. 359–410.
7. *Forceville C.* Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // C. Forceville, E. Urios–Aparisi (Eds.). *Multimodal metaphor*. Berlin; N.Y., 2009. P. 19–42.
8. *Freeman M.H.* From metaphor to iconicity in a poetic text // R. Benczes, S. Csábi (Eds.). *The metaphors of sixty: Papers presented on the occasion of the 60th birthday of Zoltán Kövecses*. Budapest, 2006. P. 127–135.
9. *Haiman J.* (Ed.) *Iconicity in Syntax*. Amsterdam, 1985.
10. *McNeill D.* *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago, 1992.
11. *Mittelberg I.* Peircean semiotics meets conceptual metaphor: Iconic modes in gestural representations of grammar // A. Cienki, C. Müller (Eds.). *Metaphor and Gesture*. Amsterdam, 2008. P. 115–154.
12. *Müller C.* Iconicity and gesture // Serge Santi et al. (eds.), *Oralité et gestualité: Communication multimodale et interaction*. Paris, 1998. P. 321–328.
13. *Müller C., Cienki A.* Words, gestures and beyond: Forms of multimodal metaphor in the use of spoken language // Ch. Forceville and E. Urios–Aparisi (Eds.). *Multimodal Metaphor*. Berlin, 2009. P. 297–328.
14. *Nämy M., Fischer O.* *Iconicity in Language and Literature*. Amsterdam, 1999.
15. *Tabakowska E., Ljungberg C., Fischer O.* (Eds.). *Insistent Images*. Amsterdam, 2005.
16. *Zhao X.* Multimodal poetic iconicity in Jimmy's *The Moon Forgets* // *Language and semiotic studies*. 2015. Vol. 1. № 3. P. 117–129.

Olga K. Iriskhanova

CROSS-MODAL ICONICITY IN VARIOUS TYPES OF DISCOURSE

*Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka st., Moscow, 119304*

The paper presents a study of cross-modal iconicity which is viewed as a semiotic process of mutual assimilation of signs from different modalities via similarity. The research questions are as follows: Are there differences in cross-modal iconic-

ity that can be observed between discourses with different combinations of semiotic systems and channels? How is iconicity revealed across signs belonging to verbal and non-verbal modalities in oral speech with gestures and in written texts with visual components. Relying on multimodal discourse analyses, the author investigates the interplay of verbal and non-verbal (gestural and pictorial) modalities and compares iconicity in two types of Russian and English discourse — spoken discourse (narratives, descriptions of paintings, and recipes) and written discourse (hybrid texts for news apps). It is demonstrated that irrespective of the type of discourse cross-modal iconicity follows the general principles outlined earlier for iconicity in language — i.e., “form mimes form and structure”, and “form mimes form”. The specific nature of iconicity in the two types of discourse (i.e., “form mimes function”) is linked to the character of semiotic heterogeneity, and, for the news app texts, to the affordances of the gadget, namely, to the scroll technology that determines the vertical movement of the main story, the limited nature of hypertextuality, and the compression of some parts of discourse into headings.

Key words: multimodal discourse; cross-modal iconicity; principles of iconicity; gesture; gestural modality; pictorial modality; affordance.

About the author: *Olga K. Iriskhanova* — Dr. habil in Philology, professor, Vice Rector for Research, Moscow State Linguistic University (e-mail: oiriskhanova@gmail.com).

REFERENCES

1. Loginova E.G. 2019. Polimodal'nye stsenarii semioticheskogo rezonansa v diskurse dramy [Multimodal scenarios of semiotic resonance in theatre discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 38, pp. 120–141. (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2015. Sinergiya vizual'nogo i verbal'nogo v khromatike (zhivopisi) kak semioticheskii kod kommunikatsii [Synergy of the visual and the verbal in chromatics (paintings) as a semiotic code of communication]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 7–19. (In Russ.)
3. Sigal K.Ya. 2005. Preskriptornye pravila linearizatsii v kognitsii i tekste (na materialakh russkikh sochinitel'nykh konstrukttsii) [Prescriptor rules of linearization in cognition and text]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 3 (4), pp. 11–25. (In Russ)
4. Sokolova O.V. 2014. *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeistviya. Poeticheskii avangard, reklama i PR*. Moscow, Gnozis. (In Russ.)
5. Cienki A., Müller C. (Eds.). 2008. *Metaphor and Gesture*. Amsterdam, John Benjamins.
6. DuBois J.W. 2014. Towards a dialogic syntax. *Cognitive Linguistics*, no. 25 (3), pp. 359–410.
7. Forceville C. 2009. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research. In Forceville C., Urios-Aparisi E. (eds.). *Multimodal metaphor*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, pp. 19–42.
8. Freeman M.H. 2006. *From metaphor to iconicity in a poetic text*. In Benczes R., Csábi S. (eds.). *The metaphors of sixty: Papers presented on the occasion of the 60th birthday of Zoltán Kövecses*. Budapest, Eötvös Loránd University, pp. 127–135.

9. Haiman J. 1985. *Iconicity in Syntax*. Amsterdam, John Benjamins.
10. McNeill D. 1992. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago, Univ. of Chicago Press.
11. Mittelberg I. 2008. *Peircean semiotics meets conceptual metaphor: Iconic modes in gestural representations of grammar*. In Cienki A., Müller C. (eds.). *Metaphor and Gesture*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 115–154.
12. Müller C. *Iconicity and gesture*. 1998. In Santi S. et al. (eds.). *Oralite' et gestualite' : Communication multimodale et interaction*. Paris, L'Harmattan, pp. 321–328.
13. Müller C., Cienki A. 2009. *Words, gestures and beyond: Forms of multimodal metaphor in the use of spoken language*. In Forceville Ch., Urios-Aparisi E. (eds.). *Multimodal Metaphor*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 297–328.
14. Nänny M., Fischer O. 1999. *Iconicity in Language and Literature*. Amsterdam, J. Benjamins Publishing Company.
15. Tabakowska E., Ljungberg C., Fischer O. (Eds). 2005. *Insistent Images*. Amsterdam, J. Benjamins Publishing company.
16. Zhao X. 2015. Multimodal poetic iconicity in Jimmy's *The Moon Forgets*. *Language and semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 117–129.

В.И. Карасик

КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АБСУРДА¹

*Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»
1174856 Москва, ул. Академика Волгина, 6*

Рассматривается абсурд, понимаемый как отсутствие смысла там, где смысл должен быть. Выделены четыре коммуникативных типа абсурда — онтологический, фидеистический, проблемный и комический. Первый представляет собой эмоциональный протест против отчуждения от мира, он связан с переживанием потери смысла жизни; второй — это принятие иррациональности бытия, его принципиальной непостижимости для человека, отсюда вытекает требование верить, не рассуждая; третий осмысливается как невозможность решения вопроса в рамках существующей теории; четвертый осознается как насмешка над привычным и скучным положением дел, над здравым смыслом. Охарактеризованы модусы абсурда — остенсивный, логический, семантический и прагматический. Остенсивный абсурд базируется на столкновении наблюдаемого, обладающего неоспоримой достоверностью, и известного, которое было наблюдаемым либо усвоено как неоспоримый факт, логический абсурд представляет собой рациональное несоответствие между определениями либо суждениями, семантический абсурд построен на размывании значения слова, в результате чего резко возрастает ассоциативное приращение смысла, прагматический абсурд блокирует рациональную интерпретацию того или иного поступка. Определены функции абсурда — деструктивная, ритуальная, игровая. Первая выражает намерение говорящего сломать привычные схемы и стереотипы коммуникации, вторая выполняет парольную функцию, заставляя участников ритуала осознать свою вневременную сущность, и способствует переживанию групповой идентичности, третья сводится к устранению естественного для данной ситуации интерпретативного смысла и замене его на иное сценарное толкование. Охарактеризованы значимые отклонения от здравого смысла, рационального подхода к реальности и рассогласования интерпретативных сценариев.

Ключевые слова: абсурд; коммуникация; здравый смысл; рациональность; интерпретация.

Карасик Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (e-mail: vkarasik@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Абсурд — это нечто, противоречащее здравому смыслу, логике, не соответствующее нашим знаниям о мире и поэтому не поддающееся пониманию и объяснению. Суть этого оценочного термина — в противопоставлении положения дел в мире нормальном и мире перевернутом. Отсюда вытекает принципиальное признание того, что есть перевернутый мир, законы которого для нас непостижимы и существование в котором лишено цели. Абсурд в его крайней степени ассоциируется с безумием. Типичной реакцией человека на абсурд, с которым можно справиться, на парадоксальное несоответствие между тем, что известно и стало своим, и тем, что непосредственно наблюдается, является смех, дающий выход человеческим эмоциям в условиях интеллектуального шока [Новикова, 2001; Вайс, 2004; Ивлева, 2010].

По-русски этот концепт обозначается как нелепость. Этимологически это понятие фиксирует отрицание красоты: нелепый — некрасивый, неизящный. Далее развивается общеоценочное отрицательное значение бессмысленного несоответствия: нелепо выглядеть — нелепо вести себя — нелепо складываться (о ситуации). В латыни *absurdus* развивается в таком же направлении: идущий от глухоты (*surdus* — глухой) — неблагозвучный — неприятный — несообразный, неуместный, нескладный, глупый, бездарный, неспособный.

Абсурд соотносим с непониманием, но это особое непонимание, это осознание отсутствия смысла там, где смысл должен быть. Когда я пытаюсь прочитать текст, относящийся к неизвестной для меня области знания, я не понимаю этот текст, но не нахожу его абсурдным. Когда же я читаю текст, в котором понятны значения, но невозможно установить их взаимосвязь и поэтому рациональная интерпретация такого текста для меня закрыта, т.е. я не могу вывести смысл сообщаемого, я испытываю сильный интеллектуальный дискомфорт и считаю текст абсурдным. Отношение к абсурду является одним из индикаторов лингвокультурной специфики национальной картины мира [Молчанова, 2007].

Абсурд представляет собой осознание интеллектуального препятствия, которое либо преодолевается, либо не преодолевается. В первом случае происходит выход за рамки привычных представлений (абсурдные идеи в науке часто служат ключами к решению новых проблем). В бытовом общении абсурд преодолевается как переворачивание привычных ориентиров обыденного бытия, как игра, юмор. Во втором случае абсурд переживается как онтологическая смысложизненная катастрофа, как потеря смысла, либо происходит отказ от рационального осмысления происходящего, от установления объективных причинно-следственных связей. Раци-

ональное осмысление действительности заменяется принятием происходящего на веру.

Соответственно можно выделить четыре базовых типа абсурда: 1) **онтологический** (мировоззренческий) абсурд как эмоциональный протест против отчуждения от мира; этот базовый тип абсурда связан с переживанием потери смысла жизни и детально рассматривается в философии экзистенциализма и художественной литературе; 2) **фидеистический** абсурд как принятие иррациональности бытия, его принципиальной непостижимости для человека, отсюда вытекает требование верить, не рассуждая; 3) **проблемный** абсурд как невозможность решения вопроса в рамках существующей формальной теории, как осознание неустранимого противоречия, новизна этого типа абсурда используется в доказательствах от противного; 4) **игровой** абсурд как упражнение в интеллектуальной гибкости, как насмешка над привычным и скучным положением дел, над здравым смыслом. Игровой абсурд близок нонсенсу, но между ними есть принципиальные отличия: нонсенс характеризует невозможное положение дел, абсурд — реальное, но не имеющее смысла. Соотношение нонсенса и абсурда можно объяснить, сравнивая значение и смысл: нонсенс относится к системе значений, к тем пресуппозициям, на которых основан наше знание о мире, абсурд ставит под сомнение всю систему наших координат бытия.

Концептуализация абсурда происходит в следующих направлениях:

- осознание противоречия между тем, в чем невозможно сомневаться, и тем, что дано в непосредственном опыте;
- попытка преодолеть это несоответствие путем карнавального переворачивания привычных координат бытия;
- попытка преодолеть это несоответствие путем отключения рационального структурирования мира;
- критическое переосмысление того, в чем раньше было невозможно сомневаться.

Осознание противоречия между двумя когнитивно значимыми ситуациями лингвистически маркируется следующими способами:

1. Остенсивный (указательный) абсурд: «*Посмотрите на этот треугольник. Вот его четыре угла*». Этот вид осмысления абсурда базируется на столкновении наблюдаемого, обладающего неоспоримой достоверностью, и известного, которое было наблюдаемым либо усвоено как неоспоримый факт.

2. Логический абсурд: «*Я богат, потому что у меня много денег*». К этому виду рационального несоответствия относится множество известных логических ошибок: определение по кругу, отсутствие связки и т.д. Логика рассматривает абсурд как противоречие, кото-

рое имеет определенный смысл, в отличие от семантически сумбурного высказывания [Кондаков, 1976: 15].

3. Семантический абсурд: «*Глаз, засоренный горизонтом, плачет, и водяное мясо застит слух*» (И. Бродский). В данном случае слова употребляются почти в произвольных значениях, происходит расшатывание привычной семантической сетки, в результате чего резко возрастает ассоциативное приращение смысла, построенное на фонетических признаках и на осознании всего ситуативного потенциала высказывания. Этот прием — катахреза — сознательно используется в художественной литературе. В приведенном примере поэт дважды прибегает к катахрезе: «глаз, засоренный горизонтом» — засорить глаз можно пылью или песком, возникает ассоциация между безбрежной пустыней и морем, слово «горизонт» приобретает окказиональный смысл «безбрежность»; «водяное мясо» — мясо как плотная субстанция, фонетически поддерживается корреляция «мясо — масса». Помимо сознательно используемой катахрезы произвольное осмысление некоторых слов случается в речи недостаточно образованных людей, как правило, ориентирующихся на услышанное слово, но не запомнивших его: «*Я в этом вопросе не копенгаген*». Часто такое неправильное переосмысление юмористически обыгрывается, в таком случае имеет место намеренное сведение смысла к семантическому абсурду.

4. Прагматический абсурд: к этому типу относится множество нелепых коммуникативных ходов. Например:

«Извините, как пройти к вокзалу?» — «Не извиню».

Прагматический абсурд включает все разновидности абсурда, но в узком смысле связан с невозможностью рациональной интерпретации коммуникативного поступка в целом, а не того или иного компонента этого поступка. Мы считаем абсурдным то, что мы не можем понять, поскольку оно противоречит нашему опыту.

Каковы функции абсурда в общении? Можно выделить, по меньшей мере, три такие функции: деструктивную, ритуальную и игровую.

Деструктивная функция абсурда в общении выражает намерение говорящего сломать привычные схемы и стереотипы коммуникации, не демонстрируя при этом самовыражения и позитивного отношения к адресату (т.е. исключая игровое начало) и не переводя общение в метасемиотический план (т.е. не делая его парольным). Любое абсурдное высказывание при первом и поверхностном прочтении является деструктивным для нормального общения. Адресат стремится эту деструктивность каким-либо образом объяснить и по возможности устранить. Первая естественная стратегия интерпретации деструктивного абсурда — это проверка рациональности

общения, т.е. ответ на вопрос, является ли отправитель сообщения психически нормальным. Такой ответ мы можем получить, только выйдя за рамки конкретного высказывания, подвергая повторному осмыслению поведение партнера по общению или воспринимаемый текст. Не вторгаясь в область психопатологии, отметим, что для дальнейшего общения с человеком, адекватность поведения которого поставлена под сомнение, для нас принципиально важно решить, контролирует ли партнер по общению свое поведение. Обычно в случае явного нарушения такого самоконтроля адресат стремится перевести коммуникацию в позитивную фатику, соглашаясь во всем с говорящим. Вспомним поведение Полония в его диалоге с Гамлетом:

Polonius. My lord, the queen would speak with you, and presently.

Hamlet. Do you see yonder cloud that's almost in shape of a camel?

Polonius. By the mass, and 'tis like a camel, indeed.

Hamlet. Methinks it is like a weasel.

Polonius. It is backed like a weasel.

Hamlet. Or like a whale?

Polonius. Very like a whale.

Hamlet. Then I will come to my mother by and by (W. Shakespeare).

Гамлет сравнивает облако с верблюдом, лаской (в русских переводах обычно — хорек), китом, и Полоний послушно с ним соглашается.

Если же мы видим, что говорящий вполне отдает себе отчет в том, что его высказывания нарушают привычную картину мира, то мы понимаем, что от нас требуются интеллектуальные усилия для осмысления нелепых, на первый взгляд, высказываний.

Новые вероучения прокладывают себе путь через абсурдное поведение главных героев и их последователей. Абсурд вероучения противоречит не только здравому смыслу, но базовым ценностям мировосприятия и поведения. Например, это требование принести в жертву самого любимого человека или призыв возлюбить врагов своих.

Деструктивная функция абсурда в известной мере объясняет феномен веры. Тертуллиан сформулировал этот тезис предельно ясно: "*Credo quia absurdum est*" — «Верую, ибо это абсурдно, т.е. непостижимо обычной логикой, не вписывается в нормальное положение дел». Абсурд представляет собой осознание конфликта между тем, что наблюдаемо или привычно, и тем, что должно или может быть.

С позиций здравого смысла мы должны очень быстро свернуть все виды деятельности, которые не можем объяснить в конкретных

условиях. Но свернув и упразднив их, мы можем утратить ощущение собственной идентичности. Например, ритуалы по своей сути построены на абсурде.

Абсурд в ритуале (разновидность фидеистического абсурда) выполняет парольную функцию, заставляя участников ритуала осознать свою вневременную сущность и способствует тем самым переживанию групповой идентичности (аналогична по своей сути парольная функция прецедентных текстов [Слышкин, 2000]). Таковы, например, строгие религиозные предписания, связанные с регламентацией поведения, в частности, пищевые ограничения. Абсурдным является и строевой шаг в современной армии: в условиях военных действий вряд ли понадобится передвигаться таким образом. Рационально объяснить строевую подготовку вряд ли можно, если принимать во внимание только нормы здравого смысла. Но существует система норм, выходящая за рамки обиходной целесообразности, например, требование безоговорочно выполнить приказ командира, даже если он кажется странным. В таком случае мы сталкиваемся с феноменом сознательного внедрения в практику поведения людей норм иррациональности. Абсурд как упражнение в иррациональном поведении оказывается социально необходимым.

Участники ритуального абсурда по-разному оценивают происходящее. Для организаторов ритуала на первый план выступает его консолидирующая значимость, они не только принимают абсурдные установления, но максимально поддерживают их, находят им рациональное объяснение, подчеркивают их эстетическую сторону и сакральный смысл. Исполнители (агенты) ритуала выполняют предписанные требования автоматически, не задумываясь. Абсурдность ритуала осознается только посторонними наблюдателями либо новичками, которые еще не приняли правил игры. Если для постороннего наблюдателя абсурдное поведение кого-либо может выглядеть смешным, то для человека, участвующего в абсурдном действии и не принимающего ценностей этого действия, находиться в таком двойственном состоянии психологически очень трудно. Следует либо принять правила ритуала и стать его полноправным агентом, либо противостоять абсурду. Можно выделить несколько стратегий деритуализации: открытый протест, формализация ритуала и его карнавализация, в последнем случае участник ритуального действия выполняет предписания ритуала, карикатурно искажая их.

Игровая функция абсурда состоит в том, что он заставляет людей критически пересмотреть сложившиеся нормы рационального по-

ложения дел, проверить границу рационально организованной действительности.

Распространенным приемом построения комического абсурдного текста является комбинация несовместимых ситуаций. Например:

Катя так быстро убежала от маньяка, что уже на втором круге догнала его и напала сзади.

В приведенном примере сталкиваются ситуация «бегство от маньяка» и «спортивное состязание бегунов». Маньяк, неменяемый человек, одержимый неконтролируемой страстью, представляет собой большую опасность, и поэтому от него часто спасаются бегством. Однако ситуация становится комичной, если это происходит на площадке стадиона, где участники забега могут обогнать своих соперников на беговой дорожке по кругу. Жертва превращается в победителя, обгоняя маньяка и нападая на него сзади. Эта абсурдная фраза относится к типу шуток, построенных на преодолении страха, поскольку столкновение с одержимым больным человеком обычно заканчивается трагически.

Распространенным способом создания комического абсурда является погашение естественного для данной ситуации интерпретативного смысла и замена его на иное сценарное толкование:

– *Ты мог бы убить человека?*

– *Нет.*

– *Почему?*

– *Я сегодня с женой в театр иду. Давай завтра?*

Смысловым контекстом инициальной реплики в приведенном диалоге является выяснение жизненной позиции человека. Предполагается, что адресат даст категорически отрицательный ответ либо пояснит, в каких чрезвычайных ситуациях он смог бы убить человека. Но адресат истолковал этот вопрос в ином прагматическом ключе — как просьбу о выполнении действия, и его отказ носит абсурдный характер, поскольку показывает, что убийство для него — обыденный и естественный поступок. Это резко противоречит нашим установкам относительно нормального поведения людей и вписывается в широкий круг контекстов черного юмора, суть которого состоит в карнавализации ценностей общества. Этот пример также относится к шуткам, цель которых — преодоление страха.

Разновидностью замены сценариев дискурса являются следующие шутки, построенные на моделируемом абсурде:

– *А может, забудем всё и сбежим?*

– *Подсудимый, сядьте.*

Другой пример:

– *Ну что случилось? Что с тобой? Ведь так хорошо сидели...*

– Я прошу Вас, отвечайте по билету.

Комический эффект возникает в результате замены институционального дискурса (юридического в первом случае и академического во втором) дискурсом личностно-обиходным. Возникает эффект обманутого ожидания, вызывающий улыбку. В основе таких шуток лежит преодоление нелепостей как странных столкновений с естественным порядком вещей.

Расхождение интерпретативных моделей понимания ситуации может проявляться как комический абсурд:

– Доктор, меня завтра оперировать будут?!

– Конечно, будут, вы же сами не справитесь.

Пациент беспокоится о дате операции, врач воспринимает (или якобы воспринимает) этот вопрос как желание уточнить субъекта действия. К этому же типу абсурдных речений относятся комичные объяснения:

Австралийские страусы бегают со скоростью 170 км в час, поэтому им некогда летать.

В этом предложении высмеивается причинно-следственная связь явлений. Отрицание такой связи воспринимается как абсурд.

Примером абсурдного комизма является умножение номинаций в предложении с обстоятельством цели:

Только у нас может быть проверка перед проверкой, чтобы проверить, насколько сотрудники готовы к проверке.

Проверка ради проверки есть иллюстрация бюрократического абсурда.

Абсурдной может оказаться намеренная неточность:

Более пяти лет длились работы по определению точного веса известного Кургузского метеорита. Как сообщил один из руководителей этих работ профессор Парных, усилия ученых увенчались успехом — точный вес пришельца из космоса оказался значительным.

Отсутствие цифровых данных в этом пародийном тексте превращает его содержание в абсурд.

Таким образом, рассмотрение абсурда в коммуникативном аспекте как интеллектуального затруднения, которое снимается в четырех направлениях: трагическом, фидеистическом, проблемном и игровом, — дает возможность установить его типы, выявить коррелирующие с ними типы дискурса (философский и художественный — для трагического, религиозный — для фидеистического, научный — для проблемного, бытовой — для игрового), определить основные функции абсурда в общении — деструктивную, ритуальную, игровую, внести некоторые уточнения в понимание юмористического абсурда и нонсенса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайс Д.* Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг: сб. статей / Отв. ред. О. Буренина. М., 2004. С. 259–272.
2. *Демурова Н.М.* Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // Мир вверх тормашками (английский юмор в стихах). М., 1974. С. 5–22.
3. *Ивлева С.В.* Лингвосомиотические характеристики комического абсурда: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
4. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1976.
5. *Молчанова Г.Г.* Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация: Учеб. пособие. М., 2007.
6. *Новикова В.Ю.* Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001.
7. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

Vladimir I. Karasik

COMMUNICATIVE FEATURES OF ABSURDITY

*Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina, Moscow, 117485*

The paper deals with absurdity treated as the absence of meaning in the situation where the meaning should be present. Four communicative types of absurdity have been singled out (ontological, fideistic, problem oriented and comical), the first one is an emotional protest against the loss of the meaning of life, the second one is based upon the principal incomprehensibility of the reasons of existence, the third one signifies the necessity of solving a problem in a radically new way, and the fourth one makes people turn upside down standard routines of everyday life. Four modes of absurdity as a cognitive obstacle have been specified: ostensive absurdity is understood as a collision between the known and the given situation, logical absurdity is a rational incongruity between descriptions or propositions, semantic absurdity may be qualified as blurring of the standard meaning of a linguistic unit and unlimited extension of its associative potential, pragmatic absurdity signals the impossibility of understanding why people behave in a particular way. Three functions of absurdity have been described: its destructive function expresses the speaker's intention to break the common stereotypes of communication, its ritual function serves as a password uniting the group identity, its ludic function consists in a replacement of a natural interpretation of the situation by an unexpected interpretation. Relevant features of absurdity may be characterized as deviations from common sense, or from rational approach to reality, or from congruity of interpretative scenarios.

Key words: absurdity; communication; common sense; rationality; interpretation.

About the author: *Vladimir I. Karasik* — Dr.habil in Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Pushkin State Russian Language Institute”, Moscow (e-mail: vkarasik@yandex.ru).

REFERENCES

1. Weiss D. 2004. *Absurd kak preddverie smekha* [Absurdity as a threshold of laughter]. In O. Burenina (ed.) *Absurd i vokrug: sb. statej*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 259–272. (In Russ.)
2. Demurova N.M. 1974. *Edvard Lir i anglijskaya poeziya nonsensa* [Edward Lear and the English poetry of nonsense]. *Mir vverh tormashkami (anglijskij yumor v stihah)*. Moscow, Progress, pp. 5–22. (In Russ.)
3. Ivleva S.V. 2010. *Lingvosemioticheskie harakteristiki komicheskogo absurda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and semiotic characteristics of comical absurdity: A Candidate dissertation synopsis]. Volgograd. (In Russ.)
4. Kondakov N.I. 1976. *Logicheskij slovar'-spravochnik* [A Dictionary of Logic]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
5. Molchanova G.G. 2007. *Anglijskij kak nerodnoj: tekst, stil', kul'tura, kommunikaciya: ucheb. posobie* [English as a second language: text, style, culture, communication]. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russ.)
6. Novikova V.Yu. 2001. *Yazykovej absurd, ego semantika i taksonomicheskie harakteristiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic absurdity: its Semantics and taxonomic characteristics: A Candidate dissertation synopsis]. Krasnodar. (In Russ.)
7. Slyshkin G.G. 2000. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Academia. (In Russ.)

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

О.В. Александрова

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ СИМВОЛЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена истории возникновения терминологического сочетания «Межкультурная коммуникация» и его развитию на протяжении конца XX — начала XXI в. Слова имеют значения, зафиксированные в словарях, но в условиях мультикультурной коммуникации за значениями слов стоят определенные концепты, характерные для их использования в определенной языковой общности. Особая роль принадлежит в этом процессе когнитивным функциям языка, учитывая, что коммуникация и когниция находятся в неразрывной связи и прямым образом зависят от культурно-исторических, социально-политических, экономических, технико-индустриальных возможностей общества.

Ключевые слова: язык и культура; когниция; коммуникация; дискурс; глобализационные процессы в жизни и языке; дискурссфера; символ.

Проблема межкультурной коммуникации в настоящее время не теряет актуальности. Возникший еще в 1990-е годы этот вопрос остается не менее важным и в настоящее время, а, возможно, в современных условиях приобретает еще большее значение. Данное положение связано с усилением интереса наук к антропоцентризму, всему, что связано с человеком, его существованием в реальном окружающем мире и отношением с этим миром.

Как известно, еще в далеком 1996 г. Е.С. Кубрякова, создатель когнитивно-дискурсивного направления в изучении языка, писала, что конец XX в. ознаменовался формированием новой парадигмы в лингвистике [Кубрякова, 1995]. Новая парадигма не может появиться внезапно, она формируется годами, на основе меняющейся действительности, новой реальности, в которой существует язык. Именно в это время происходит интеграция знания о роли и месте гуманитарных наук в целом и его составляющих в частности. Язык,

Александрова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com).

являясь одной из важнейших областей деятельности человека во всех сферах жизни, занимает в этом процессе особое место. В свете этой парадигмы языкознания язык рассматривается как особая знаковая система, позволяющая человеку общаться с себе подобными в целях обмена информацией или осуществления других типов деятельности с ней и служащая, в общем, тому или иному изучению поведения людей. С этой точки зрения язык выступает либо как средство достижения неких когнитивных задач в коммуникативных процессах, либо как средство коммуникации, направленной на решение определенных когнитивных задач. Подчеркнутая в таком определении постоянная взаимосвязь когниции и коммуникации и их непрекращающееся взаимодействие делает возможным внести уточнение в существующее мнение о том, что язык вплетен практически во все виды человеческой деятельности и утверждать, что во всех этих ситуациях мы наблюдаем, по сути дела, одновременное осуществление и когнитивной, и коммуникативной, или дискурсивной, функций языка. Дифференциация и тем более противопоставление указанных функций чисто условны и диктуются скорее гносеологическими акцентами в исследованиях такого сложного объекта, как язык, нежели онтологическим положением дел. Соответственно этим взглядам каждое языковое явление для его адекватного описания требует его рассмотрения «на перекрестке когниции и коммуникации», дискурсивная же деятельность в первую очередь определяется как речемыслительная.

По этой причине хотелось бы вернуться к вопросам межкультурной коммуникации. Как справедливо указывает Г.Г. Молчанова, «поскольку основу и цель предмета межкультурная коммуникация составляет антропоцентрический подход к пониманию всей природы и сущности человека, его языкового сознания и коммуникативного поведения, то роль когнитивистики, ее аппарата и методов в целях решения межкультурной проблематики представляется сегодня необходимой и непреложной» [Молчанова, 2011: 122]. Далее Г.Г. Молчанова пишет: «Язык, как известно, является хранилищем коллективного опыта человека... Важную роль при этом играют символы, в сжатой и емкой форме выражающие наиболее важные для людей ценности и идеи, передаваемые в коллективной и индивидуально-авторской мудрости от поколения к поколению» [там же: 122–123].

В связи с этим хотелось бы сказать о появлении новых слов в языке. Новые слова приходят в нашу жизнь неслучайно. Это новая реальность, новые понятия, которые сопровождают нас в новых условиях существования в жизни. Для чего они нужны, особенно в условиях изучения иностранного языка и его взаимодействия с

родным языком и родной культурой? Вспомним исследования английского языка. Они начались давно с изучения словаря и грамматики. Что, например, означало для нас слово «джентльмен»? Это мужчина весьма образованный, культурный, принадлежащий определенному социальному кругу. И сейчас мы нередко используем это слово в русском языке.

Прежде всего следует сказать о единстве изучения иностранного языка и его культурных основ. Изучение языка как такового на самом раннем этапе этого процесса не может происходить вне контекста спаянности с историей и культурой. Это происходит сейчас, когда мы осознаем связь языковых процессов с жизнью вокруг нас.

Мы живем в глобальном мире. Глобализационные процессы, хотя о них начали говорить только недавно, на самом деле возникли очень давно. Вспомним о завоевательных войнах Англии и Америки, России и других стран. Не будем углубляться в историю, нас интересуют язык и процессы, происходящие в нем под влиянием различных окружающих событий. Конец XX столетия ознаменовался таким важнейшим направлением в изучении языка, как антропоцентризм. Если ранее язык изучался сам по себе, то в нынешних исследованиях он рассматривается как важнейший инструмент мыслительной деятельности человека: в центре внимания не только его коммуникативная функция, важнейшая для языковой деятельности, но и функция когнитивная. Не согласиться с этим абсурдно, ибо, как говорил еще очень давно великий Сэмюэл Джонсон «Язык — это одежда мысли» (Language is the dress of thought).

Но не только направленность изучения языка на человека характеризует лингвистику конца XX столетия, но и, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, ее стремление к объяснению лингвистических явлений (экспланаторность), опять же с точки зрения восприятия языковых явлений человеком, а также особенностей понимания и восприятия новых языковых явлений и их проявлений [Кубрякова, 2004].

Вопрос о глобализации процессов в языке напрямую касается русского языка, который за последние годы ощутил мощное давление со стороны английского. Думаю, это касается и других языков, особенно тех, где язык используется в одной, отдельно взятой стране. Конечно, процесс заимствований происходил всегда. Вспомним историю английского языка. Ученые отмечают, что в английском языке по разным подсчетам существует от 50 до 90 % заимствований из латинских источников.

Для русского языка ситуация иная, он сохраняет свою идентичность в составе славянских языков, оставаясь ведущим в их семье. Что же происходит в современном русском языке, который благо-

даря глобализационным процессам всё больше испытывает влияние английского, как, впрочем, и все другие языки мира? Сошлюсь на примеры: не буду специально останавливаться на уже знакомых таких, как, например, *тренд или лук, принт, кейс, драйв* (от англ. trend, look, print, case, drive). Интересно, что только одно из этих слов, которые у всех на слуху, было определено русифицированным компьютерным редактором как незнакомое — это *принт*. Эти слова вошли в русский уже достаточно давно вместо русских *направление, вид, как человек выглядит, набивка ткани или рисунок, случай* и т.д. Последнему, а именно слову *драйв* более сложно дать однозначное определение — это может значить *настроение, ощущение, чувство, желание что-то сделать* и т.д.

Понятно, когда заимствуются слова, обозначающие новые понятия, пришедшие из другого языка, но в то же время, когда в родном языке есть исконные слова для обозначения тех же явлений, такой процесс весьма сомнителен. В связи с этим хотелось бы вернуться к весьма широкому понятию «дискурс».

Про дискурс написано много, мы все знаем, что этот термин пришел к нам из древности, в латыни этот термин значил «бегать туда-сюда» (Discursus) [Демьянков, 2005: 34–35]. Видимо, уже тогда сложилось впечатление о дискурсе как о динамическом процессе. Задумаемся, что же такое динамика речи, как она развивается. Сразу же оговоримся, что речь бывает устной и письменной, т.е. более динамической, подчиняющейся правилам использования просодических знаков в устной речи. В письменной речи всё более стабильно, подчинено грамматическим правилам, правилам расстановки пунктуационных знаков.

Являясь процессом динамическим, дискурс во многом и определяет его задачи. Огромная роль в дискурсивном процессе принадлежит средствам массовой информации, где новые слова возникают с немыслимой быстротой. Именно оттуда они приходят в нашу жизнь — из дискурсоферы.

Термин введен Е.О. Менджерицкой, которая определила его как «охват всего комплекса дискурсообразующих факторов, маркеров дискурса, текстов и всю совокупность условий осуществления коммуникации, в данном случае в массмедийной сфере» [Менджерицкая, 2017: 48].

Средства массовой информации во всем их многообразии и являются распространителями новых слов для новых понятий и для введения новых концептов в русском языке.

Глобализация коснулась всех сторон жизни современного общества — социума (поток эмиграции в Европу с Востока, желание переехать в США из Южной Америки — все это для лучшей жизни),

экономического положения во всем мире, перемещения народов в России внутри страны и за рубежом, денежных потоков. Безусловно, глобализационные процессы коснулись и языка. Никто сейчас не оспаривает того положения, что английский язык стал глобальным языком в мире.

Даже в тех регионах, где английский является официальным языком, как, например, в Австралии или Южной Африке, можно отметить различия прежде всего на лексическом уровне: в названиях растений, животного мира, праздников и т.д. Данное положение обусловлено культурной спецификой жизни данной языковой общности людей, которая отличается от базовой — английской. Даже в американском английском, который, пожалуй, ближе всех к британскому, мы знаем о различиях в использовании слов, имеющих одинаковое значение: *autumn* — *fall*, или когда, наоборот, слово имеет определенное значение в британском английском, но употребляется в несколько отличном значении: в качестве примера можно привести существительное *redundancy*. В британском английском оно употребляется в значении “a situation in which someone is told to leave their job because they are no longer needed”, в то время как в общеанглийском оно определяется, как “a situation in which something is not needed, especially because the similar thing already exists”¹. Подчеркнем в связи с данным примером значение слов *someone* и *something*, которые имеют существенные различия в их использовании. Не удивлюсь, если услышу русифицированную кальку в русском дискурсе.

Или *дауншифтинг*. Что это слово обозначает? Оказалось, что это уже давно употребляемое слово в русском языке, которое расшифровывается как «снижение жизненных претензий, снижение притязаний на отношение к жизни, ее переосмысление». Если посмотреть на значение этого слова в словарях английского языка, то мы не найдем такого существительного, а лишь глагол *downshift*, который определяется как: “to change a different job or way of life, that you have less money and responsibility but more satisfaction and happiness”². Как видим, в английском языке значение этого слова существенно отличается от его значения в русском, у нас отсутствует то, что данный процесс дает удовлетворение и даже счастье. Интересно, что есть несколько иное значение этого слова в американском английском “to change to a lower gear when driving a car”, где данное слово употребляется как существительное.

Откуда, например, в русском языке появилось слово *прокрастинация*, которое, как, оказалось, означает в средствах массовой ин-

¹ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan, 2002. P. 1184.

² Ibid. P. 418.

формации «откладывание на потом»? Если откроем словарь, найдем на первом месте глагол, который означает “to delay doing something until later, usually something you do not want to do”³. Существительное *procrastination* обозначено в англоязычных словарях лишь как производное от глагола, используемое только в грамматических сочетаниях “to do procrastination”, а вот в русском языке оно дается лишь в виде отдельного существительного и только в первой части его изначального значения.

Вопрос, который стоит в начале данной статьи — для чего нужны новые слова, становится очевидным в его конце: для обозначения новых понятий, приходящих из новых норм жизни общества, для обозначения новых технологий и новых реалий, связанных с изменением идеологий, политической, социальной жизнью общества, взглядов и отношения к жизни в социуме. Все эти процессы связаны с глобализационными процессами, где язык и жизнь пересекаются непосредственным образом.

Стоит повторить: язык — это отражение культуры, пребывания в этом мире нас всех, когнитивного восприятия окружающей действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. 2005. С. 34–55.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. 1995. С. 141–237.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
4. Менджеричкая Е.О. Дискурсофера печатных СМИ: игра на выживание. М., 2017.
5. Молчанова Г.Г. Проблемы межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Когнитивные исследования языка. Вып. 9. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Сб. науч. тр. памяти Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2011. С. 122–136.

Olga V. Aleksandrova

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND ITS SYMBOLS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the problem of the emergence of new words, and together with them concepts and new symbols in the language. The semantic meanings of words may symbolize different concepts in different linguistic cultures. A special

³ Ibid. P. 1124.

role in this process belongs to the cognitive functions of the language, while communication and cognition exist in the indissoluble connection and depend directly on cultural-historical, socio-political, economic, industrial characteristics of the society.

Key words: language and culture; cognition and communication; discourse; discourse sphere; globalization processes in life and language; multicode communication; symbol.

About the author: *Olga Aleksandrova* — Dr.habil in Philology, Professor, Head of the Department of the English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com).

REFERENCES

1. Dem'yankov V.Z. 2005. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного yazyka [Text and discourse as terms and as words of everyday language]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sb. st. k 70-letiyu T.M. Nikolaevoi*, pp. 34–55. (In Russ.)
2. Kubryakova E.S. 1995. Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmал'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the 2nd half of the 20th century (through the lense of paradigmatic analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*, pp. 141–237. (In Russ.)
3. Kubryakova E.S. 2004. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the path of acquiring knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in acquiring the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
4. Mendzheritskaya E.O. 2017. *Diskursosfera pechatnykh SMI: igra na vyzhivanie* [Print Media Discourse: A Survival Game]. Moscow, MaksPress. (In Russ.)
5. Molchanova G.G. 2011. Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: simvol kak kognitivnaya pamyat' kul'tury [Questions of intercultural communication: symbol as cognitive memory of culture]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 9. Vzaimodestvie kognitivnykh i yazykovykh struktur. Sb. n. tr. pamyati E.S. Kubryakovoi*, Tambov, pp. 122–136. (In Russ.)

Н.Н. Болдырев

ФЕНОМЕН ПРОИЗВОДНОСТИ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ¹

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
392000, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

Рассматривается проблема производности в культуре и языке в ее положительном (производность) и отрицательном (вторичность) аспектах. В фокусе внимания автора — роль производных (вторичных) ментальных и языковых структур в картине мира с позиций современного когнитивного подхода. Исследуются вторичные функции, элементы, системы, а также принципы и механизмы их образования в контексте понятий концептуальной и языковой деривации и с точки зрения двух основных тенденций в изменении языка: концептуально-языковой (изменение структуры и содержания энциклопедических и языковых знаний) и формально-языковой (появление новых языковых единиц и выражений). Положительный или отрицательный эффект производности аргументируется автором относительно характера связанных с ними процессов манипулирования первичными вербализованными структурами, с учетом коллективного и индивидуального аспектов этих процессов, а также с точки зрения первичной и вторичной интерпретации мира и знаний о мире в языке. В качестве положительного аспекта производности автор анализирует креативность, порождение нового смысла, воспроизводство каких-либо идей в новой форме и связывает его с формированием новых знаний о мире коллективного уровня или переструктурированием ранее полученных знаний. К отрицательным моментам автор относит манипулирование вербальными и невербальными структурами из конъюнктурных соображений личного характера с использованием незаконных или не совсем законных средств, что проявляется в плагиате, компилировании собственного произведения из частей произведений других авторов, неправомерных заимствованиях, в китче в культуре, в том числе в науке и языке.

Ключевые слова: культура; язык; когнитивный подход; производность; вторичность; концептуальная деривация; языковая интерпретация; манипулирование.

Язык — неотъемлемая часть культуры конкретного народа, и поэтому многие языковые явления непосредственно связаны с культурными процессами, испытывают на себе их влияние и в них

Болдырев Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, директор центра когнитивных исследований, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (e-mail: boldyrev@tsutmb.ru).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

отражаются, а также служат средством их репрезентации. Соответственно учет широкого культурного контекста является вполне логичным для лингвистов и часто способствует лучшему пониманию и решению собственно лингвистических проблем, свидетельством чему могут служить работы многих отечественных ученых [см., например: Арутюнова, 1988; 1999; Степанов, 1997; Телия, 1996] и др. Подобный подход широко использует в своих научных исследованиях и Г.Г. Молчанова [см.: Молчанова, 2011; 2014; 2015; 2018; 2019]. Обращение к этой тематике в данной статье служит знаком глубокого уважения и восхищения автора солидными научно-педагогическими достижениями профессора Г.Г. Молчановой, ее впечатляющим организаторским талантом и профессионализмом, высочайшими человеческими качествами.

Оправданность привлечения общего культурного контекста для рассмотрения заявленной тематики становится наиболее очевидной с позиций когнитивного подхода, в рамках которого языковые факты и явления изучаются сквозь призму познавательных процессов и прежде всего процессов концептуализации и категоризации. Данные процессы, связанные с осмыслением мира и представлением знаний о нем в виде единиц этих знаний — концептов (концептуализация) и хранением их в виде определенных рубрик опыта — категорий (категоризация), могут осуществляться только в рамках и с позиций определенной культуры. Вспомним вполне иллюстративное в этом плане определение культуры как совокупности концептов и отношений между ними, которое приводит Ю.С. Степанов и которое обнаруживает очевидное сходство с понятием концептуальной системы. В частности, он специально подчеркивает, что культура всегда предполагает определенную аспектуализацию, выделение некоторых областей, рядов, парадигм и т.д., к числу которых чаще всего относят виды и результаты деятельности человека, сообщества людей, совокупности значений, ценностей и норм [Степанов, 1997: 13–40]. Подобную аспектуализацию в виде определенных систем, подсистем и уровней обнаруживает и структура языковой системы, в которой выделяются единицы, функции, системы базового и производного, или вторичного, плана.

Постоянное обновление языковой системы, появление производных слов, разного рода заимствований, а также вторичных функций языковых единиц, о которых писал еще Е. Курилович [Курилович, 1962], наводит на мысль о том, что за всеми этими процессами языкового воспроизводства и креативности стоят общие когнитивные процессы деривационного характера, имеющие аналоги в культуре в целом, т.е. процессы концептуальной деривации, связанные с раз-

витием концептуальной системы и формированием общей и языковой картин мира.

Не подвергая сомнению познавательную значимость и закономерность этих процессов, их необходимость для эволюции культуры и языка, стоит в то же время задуматься о том, всегда ли они оказывают положительное влияние на эту эволюцию и действительно ли представляют собой ценность с познавательной точки зрения. Чтобы получить ответ на данный вопрос, рассмотрим далее собственно положительные и возможные отрицательные последствия концептуальной деривации для культуры и языка.

Постоянно меняющийся мир вокруг нас и нарастающий поток информации приводит к увеличению и уточнению знаний в разных областях жизни и деятельности человека и, как следствие, к тем или иным тенденциям в изменении языка, которые могут иметь положительный или отрицательный характер. Можно выделить два основных типа таких изменений: концептуально-языковые и формально-языковые. Концептуально-языковые тенденции связаны с изменением структуры и содержания энциклопедических и, как следствие, языковых знаний, формально-языковые — с появлением новых языковых единиц и выражений. Появление последних обусловлено не только и не столько новыми сведениями о мире первичного характера, сколько интерпретацией уже имеющихся знаний в плане их разного конфигурирования и оценки, т.е. вторичной языковой интерпретацией (см. подробнее далее). Соответственно эти две тенденции могут оказывать разное влияние на формирование и развитие концептуальной и языковой систем человека в зависимости от тех целей, которые мотивируют связанные с ними процессы. Как отмечал А.Н. Леонтьев, именно цель выступает в качестве внутреннего мотива и «важнейшего момента движения» мыслительной и речевой деятельности [Леонтьев, 1975: 106].

Феномен производности (вторичности) в любом случае всегда связан с процессом манипулирования первичными вербализованными структурами, которое приводит к формированию новых концептуальных структур, о чем в свое время писал Р.И. Павиленис [Павиленис, 1983]. В данном процессе можно выделить два аспекта — коллективный и индивидуальный, имеющих непосредственное отношение к разграничению положительного и отрицательного моментов. В его положительном смысле такое манипулирование означает креативность, порождение нового смысла на основе известного (производность), воспроизводство каких-либо идей в новой форме, их развитие, что всегда связано с формированием новых знаний о мире коллективного уровня или переструктурированием ранее полученных знаний. Оно характерно для творческого про-

цесса и творческих личностей в любой сфере. Ярким образцом такого творчества в науке являются общеизвестные работы признанных ученых, к числу которых, вне всякого сомнения, относятся и труды Г.Г. Молчановой.

В отрицательном смысле, который в большей степени передает термин «вторичность», рассматриваемый феномен предполагает манипулирование вербальными и невербальными структурами или неосознанное воспроизводство неудачных моделей совершенно иного плана. Оно обусловлено отсутствием необходимого образования, культуры общения и общего поведения, правовой неграмотностью или правовым нигилизмом. Манипулирование такого рода направлено на достижение конкретных целей личного характера с использованием любых, в том числе незаконных или не совсем законных средств. Среди этих целей могут быть: получение признания, диплома об образовании, ученой степени, повышение материального уровня, достижение карьерного роста, стремление соответствовать моде или определенным стереотипам какой-либо социальной группы и т.п. В языке и культуре в целом это проявляется в незаконном копировании, плагиате, компилировании собственного произведения из частей произведений других авторов, неправомерных заимствованиях, в китче в культуре, в том числе в науке и языке. Такие явления часто получают специальные обозначения оценочного характера, выражающие отрицательное (пренебрежительное) к ним отношение: *халтура, искусство, живопись, полудоктор, так называемый / с позволения сказать ученый, садовые гномы, женщина с веслом.*

Различие между положительным и отрицательным аспектами производности (вторичности) основано также на дифференциации первичного и вторичного типов языковой интерпретации мира, которые различаются по своему объекту, средствам и целям интерпретации. Первичная языковая интерпретация предполагает осмысление непосредственно объектов и событий окружающего мира и внутреннего мира человека во всем их многообразии (типы и виды объектов живой природы и артефактов, разных событий, различных состояний человека, их характеристик), которые получают собственные обозначения в языке, например, природные явления: *дождь, дождик, ливень, изморось, снег, снежок, снегопад, снег с дождем, град,* — и связанные с ними процессы: *идет, льет, падает, накрапывает, валит,* виды верхней одежды: *пальто, полупальто, плащ, куртка, ветровка, шуба, полушубок, накидка, манто, телогрейка, ватник, доха, фуфайка,* или эмоциональных состояний человека: *радость, счастье, тревога, страх, спокойствие, беспокойство,*

любовь, ненависть, восхищение и т.д. Другими словами, первичная интерпретация — это активная, целенаправленная деятельность человека, связанная со структурированием мира, схематизацией собственного опыта взаимодействия с ним, цель которой — выделение новых единиц знания (концептов) преимущественно коллективного уровня с помощью языка.

Вторичная языковая интерпретация предполагает новое осмысление уже имеющихся знаний о мире. Соответственно ее объектом являются существующие (и уже представленные в языке) коллективные знания о категориях объектов и событий. Ее результатом являются новые знания об этих объектах и событиях преимущественно индивидуального, личного, в том числе оценочного, утилитарного характера, которые непосредственно связаны с процессами вторичной концептуализации и вторичной категоризации (или переконцептуализации и перекатегоризации). Этот тип языковой интерпретации представлен в системе модусных категорий и функциональном варьировании языковых единиц и категорий разных уровней на основе использования различных когнитивных схем и моделей [см. подробнее: Болдырев, 2014; 2016; 2018]. Иначе говоря, вторичная языковая интерпретация представляет собой интерпретацию коллективных знаний и коллективных когнитивных схем восприятия мира и схематизации знаний о нем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека в соответствии с его представлениями о норме, стереотипах, содержании оценочных понятий, а также об интерпретационном потенциале языковых единиц.

Феномен производности в положительном аспекте и лежащие в его основе процессы концептуальной деривации не выходят за рамки вышеназванной специфики первичной и вторичной языковой интерпретации по их целевой направленности. Они нацелены прежде всего на получение и представление нового оригинального знания с помощью языковых средств в соответствии с диалектикой взаимодействия коллективного и индивидуального знания. В своем отрицательном смысле (скорее вторичность, а не производность) данный феномен связан с подменой целей и понятий (например, оказание образовательных услуг — вместо образования, или тиражирование известных истин или технологий по существующему шаблону из меркантильных соображений: садово-дачные фигурки; женщина с веслом; шаблонные диссертации), со стремлением выдать уже известное коллективное знание или его «чужую» индивидуальную конфигурацию за новое коллективное или собственное, самостоятельно полученное индивидуальное знание. Поскольку в задачи данной статьи не входит детальный анализ целей и причин подоб-

ного, в том числе речевого, поведения, рассмотрим далее лишь отдельные проявления производности (вторичности) на концептуальном и языковом уровнях в положительном и отрицательном аспектах.

Концептуальная деривация как креативный языковой процесс, лежащий в основе производности в ее положительном смысле и ведущий к формально-языковым изменениям, представлен различными моделями конвенционального и инновационного характера на разных языковых уровнях. Явления такого рода хорошо известны в разных языках и постоянно находятся в фокусе внимания исследователей, что позволяет нам ограничиться лишь небольшим количеством иллюстративных примеров. К ним, в частности, можно отнести:

1) индивидуализированные модели и формы словопроизводства и словообразования, включая использование неологизмов, заимствований, акронимов, ставших достоянием определенного социума или всего языкового сообщества в целом, например: *демократизация, декоммунизация, драматизация, вторичка* ('вторичное жилье'), *частички* ('частичные изменения'), *сидячка* (журналистский жаргон — 'статичное, сидячее мероприятие'), *бычонок, сказочничать* (детск.), *кофейничать, пирожничать, онлайн-конференция, имплицат, имплицатура, ваковский, ринцевский, первоквартильный, скопусовский, восовский* (журнал), *каршеринг, кэшбэк, коронакризис, локдаун* и т.д.;

2) ненормативные формы словоизменения и словообразования, типа: *днем и ночью; мне потно* (детск.);

3) неконвенциональная и ненормативная семантическая сочетаемость, игра слов: *высылаю в прищепке* ('в приложении к электронному письму'); ...*А Вы — далеко не дурак! — Так я и вблизи — тоже не идиот; ...Твой папа — шишка! Все об этом говорят — Я ужасно рассердился, что за чушь они несут. Папа в городе родился. Не на елке, не в лесу! Сижусь дома, вдруг слышу какой-то шорох в шкафу. Открываю, а это моя одежда выходит из моды* (Интернет); *Где почта? — Пошлите со мной. — Мне нужна почта, чтобы отправить письмо. — Ну, я вам и говорю, пошлите со мной* (М. Жванецкий);

4) фразеология, поговорки, метафоры: *вокруг да около; быть без колес; вести себя без тормозов: ни к селу ни к городу; ни уму ни сердцу; ума не приложу; уму непостижимо; задним умом; родиться в сорочке; как по писанному; метать бисер перед свиньями; лучше синица в руках, чем журавль в небе; бить копытом; куда конь с копытом, туда и рак с клешней; Ложкой снег мешая, ночь идет большая...* (Ю. Яковлев); *В юном месяце апреле... крылатые качели...* (Ю. Энтин); *экономика только чихнула, а все уже подхватили про-*

студу; не путай острое с белым; «Ботаники» с передних парт, и став взрослыми, продолжают ретиво тянуть руки (М. Леви);

5) установление нетрадиционных, выходящих за рамки общепринятых, парадигматических и синтагматических связей, отражающих новые связи и отношения между единицами концептуальной системы: *Продвинутый шаман скачал на бубен новые мелодии; Защищаем почту от спама. Попробуй 2 недели. Не понравится — вернем спам в ящики.* (Интернет); — *Какой здесь пароль от Wi-Fi? — Вы в реанимации! — Большими или маленькими?*

6) структурно-синтаксическая деривация, эллиптические и имплицитивные высказывания, требующие выводного знания: *Куда уж проще?! Найди второго такого! Сиди уж! Он еще и смеется! Только попробуй ему сказать об этом! Нашел кому жаловаться! Вот ему еще расскажи! Кто старое помянет...; — Мама, у меня есть две новости для тебя. Одна хорошая, а другая плохая... Хорошая новость: я больше так не буду; Господи, не за себя прошу — за маму! Пошли ей хорошего, обеспеченного зятя! Из супермаркета мы вернулись с полной тележкой и пустым кошельком;*

7) вторичные тексты разного жанра: аннотация, краткое содержание, сценарий по мотивам какого-либо произведения, римейк, аранжировка, адаптация, пересказ, перевод, реферат, изложение, обзор, критика и т.п.;

8) прецедентные феномены: обращение или отсылка к известным именам, формулировкам, высказываниям, текстам, событиям, фактам, научным открытиям, художественным произведениям (*теорема Пифагора, теорема Ферма, закон Ньютона, теория Маркса, числа Фибоначчи, таблица Менделеева, сады Семирамиды; И завтра снова в бой; лаять на слона; умным — горе от ума* и т.д.).

Наглядным примером производности как креативного процесса может служить стихотворение Ch. Gorkin “Worst Day Ever?” («Самый ужасный день?»)², которое допускает двойное осмысление (пессимистическое и оптимистическое соответственно) в зависимости от того, как оно читается: сверху вниз (пессимистическое), или снизу — вверх (оптимистическое), здесь приводится в сокращении в переводе с английского языка:

*Сегодня был ужасный день.
И не стоит меня убеждать, что
В каждом дне есть что-то хорошее.
Я вижу, что*

...

² URL: <https://www.poetrynation.com/poems/worst-day-ever/> (дата обращения: 01.11.2020).

*Радость и счастье лишь временны.
Неправда это, что
Все подвластно разуму и сердцу.*

...
*Ничто мне неподвластно.
И я никогда не скажу, что
Сегодня был прекрасный день.*

Феномен производности / вторичности в его отрицательном аспекте основывается на тех же индивидуализированных моделях, которые, однако, в значительной степени утрачивают связь с коллективным знанием из-за ярко выраженной субъективности, преследующей сугубо личные цели, и к тому же, лишены эстетики, свойственной креативному процессу производности в его положительном аспекте. Это проявляется, в частности, в чрезмерном, неоправданном употреблении заимствований при наличии соответствующих аналогов в русском языке, типа: *извините, аттачмент не приаттачился* (Мослинг); *Высшая аттестационная комиссия при Министерстве образования и науки Российской Федерации в рамках реализации плана мероприятий (дорожной карты) по оптимизации сети советов...* (Рамблер. Новости. 17.03.2017); *...люди из IT-индустрии будут вести тинейджеров с разным бэкграундом. Ти-нейджеры будут реализовывать свои кейсы, у них нет страха — системного, корпоративного, еще какого-то, — и это открывает перед менторами большие возможности* (Рамблер. Новости. 11.12.2017); *...создатели проекта кричат о том, что уже через год монету ждет небывалый «туземун» (от английского to the Moon — «на Луну», означает мощнейший рост курса той или иной криптовалюты), в результате которого она подорожает аж до 50 тысяч долларов* (Рамблер. Новости. 23.09.2018); *...люди, зарабатывающие на реферальной программе. Им важно пригнать в хайп как можно больше людей и срубить процент с чужих инвестиций... Столь масштабный, амбициозный и агрессивно рекламируемый проект — даже не хайп, а всего лишь прикрытие и кормушка для другого хайпа. ... За деньги инвесторов CC (Cryptonomics Capital) покупает токены стартапов на пресееле со скидкой 25 процентов, ждет «туземуна», а потом реализует их по более выгодной цене* (Рамблер. Новости. 23.09.2018).

Примером концептуальной манипуляции, лежащей в основе вторичной интерпретации с целью достижения определенного меркантильного результата, могут служить заголовки, придуманные редакторами новостей тех или иных интернет-сервисов. Суть подобной манипуляции заключается в искажении содержания новостного текста, в изменении его структуры и семантических доминант

с целью «продажи новостей», создания псевдосенсационного эффекта, привлечения внимания, в том числе к сопутствующему рекламному содержанию (см. подробнее: [Болдырев, 2019]). Для этого авторы интерпретации прибегают к определенным стилистическим приемам, различным способам тема-рематического членения предложений, подмене далеко не синонимичных понятий, используют определенную, в том числе оценочную, лексику. Ср. следующие заголовки и сами тексты:

*Путин **отправил** в отставку губернатора в РФ (заголовок на главной странице).*

*Путин **принял** отставку губернатора Белгородской области (заголовок перед текстом сообщения).*

Текст сообщения:

Президент России Владимир Путин подписал указ о досрочном прекращении полномочий губернатора Белгородской области Евгения Савченко. ... Как передает РИА Новости со ссылкой на представителя регионального парламента, депутаты Белгородской областной думы наделили Савченко полномочиями члена Совета Федерации ... Савченко принял решение о досрочном сложении полномочий (Рамблер. Новости. 22.09.2020).

Будет крах: названы сроки мощного кризиса в РФ (заголовок на главной странице).

Крах будет через полгода: Делягин обозначил сроки начала мощного кризиса (заголовок перед текстом сообщения)

Текст сообщения:

Какими бы сложными не были нынешние проблемы в российской экономике, руководство страны с ними обязательно справится, считает известный экономист Михаил Делягин, сообщает ИА DEITA.RU со ссылкой на YouTube-канал «День ТВ». Имеющегося запаса прочности России должно хватить как минимум на полгода. Так что в этот период россиянам не стоит ждать серьезных потрясений и беспокоиться по поводу своего финансового положения. Однако, уже через полгода государство может начать испытывать серьезные финансовые проблемы (Рамблер. Новости. 24.09.2020).

Назван главный источник заражения коронавирусом (заголовок на главной странице и перед текстом сообщения).

Текст сообщения:

Всемирная организация здравоохранения сообщила о мировом рекорде по заражению коронавирусом за сутки — 338 779 новых случаев. ... Тедрос Аданом Гебреисус, глава ВОЗ, заявлял, что вспышки болезней и пандемии — часть человеческой жизни, и страны мира должны готовиться, чтобы лучше отразить следующую большую эпидемию (Рамблер. Новости. 08.10.2020).

Наконец, отрицательным проявлением вторичности следует считать и китч в науке (от нем. Kitsch — халтура, безвкусица, дешёвка, направление, которое характеризуется стремлением к созданию внешнего эффекта, без какого-либо внутреннего содержания³). Это происходит в тех случаях, когда в чисто меркантильных или амбициозных целях исследователи конструируют свою собственную научную реальность, игнорируя коллективное научное знание и устоявшийся понятийно-терминологический аппарат или субъективно интерпретируя в ее контексте те или иные понятия и языковые явления. Примером могут служить некорректные толкования многих когнитивных понятий с позиций структурализма или обыденного знания (здорового смысла), ср.: *концептуализация понятия, концептуализация картины мира, концептная компетенция, менталингвистика, лингвокультурная и когнитивная лингвистика* (лингволингвистика?); *Если проводить аналогию между фреймом и таксономией, то определенному её классу соответствует слот фрейма, под которым можно понимать ячейку с закрепленной за ней семой* (из научных статей) и под. Подобное наблюдается и в других областях знания, например: *«Данные симптомы в дебюте инфекции могут наблюдаться и при отсутствии повышения температуры тела»*, — *поясняется в рекомендациях* (Рекомендации Минздрава по covid19. Рамблер. Новости. 04.06.2020).

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что феномен производности основан на процессах концептуальной деривации, и в зависимости от целей и результатов этого процесса, степени их оригинальности и новизны может приобретать положительный (производность, вторичность в смысле ‘креативность’, ‘новизна’) или отрицательный (вторичность в смысле ‘копирование’, ‘тиражирование’, ‘надуманность’) характер. И в том и в другом аспектах данный феномен проявляется в культуре и языке на концептуальном уровне и на уровне формальной репрезентации, в том числе языковой. Концептуально-языковые явления, связанные с данным феноменом, приводят к изменениям структуры и содержания энциклопедических и, как следствие, языковых знаний, формально-языковые — к появлению новых языковых единиц и выражений. Появление новых языковых форм обусловлено не только новыми сведениями о мире первичного характера, но и интерпретацией ранее полученных знаний в плане их разного конфигурирования и оценки, т.е. вторичной языковой интерпретацией.

³ URL: <http://contemporary-artists.ru/Kitsch.html#> (дата обращения: 01.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20–28.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
5. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М., 2018.
6. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип структурирования информации в текстах новостей // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 года) [Электронный ресурс]. СПб., 2019. С. 395–400.
7. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
9. Молчанова Г.Г. Проблемы межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 122–135.
10. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М., 2014. 209 с.
11. Молчанова Г.Г. Концепт-символ и смыслы культурных универсалий // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 91–97.
12. Молчанова Г.Г. Метафорическая экспансия как скрытый код текста // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 232–241.
13. Молчанова Г.Г. Когнитивная анти-меметика в формировании картины мира // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 87–94.
14. Павленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Nikolay N. Boldyrev

THE PHENOMENON OF SECONDARY CREATIONS IN CULTURE AND LANGUAGE

*Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya str., Tambov, Russia, 392000*

The article discusses the problem of productivity in culture and language in its positive (derivative) and negative (secondary) aspects. The author focuses on the role of derivative (secondary) mental and linguistic structures from the perspective of a cognitive approach. He analyses secondary functions, elements, systems, as well as the principles and mechanisms of their formation in the contexts of conceptual and language derivation and in terms of two main trends in language change: conceptual-linguistic (the structure and content change in the encyclopedic and linguistic knowledge) and formal-linguistic (new language units and expressions construction). The author argues the positive or negative effect of productivity re-

garding the nature of the associated processes of manipulation by primary verbal structures, taking into account the collective and individual aspects of these processes, as well as from the point of view of the primary and secondary interpretation of the world and knowledge of the world in language. As an example of the positive aspect of productivity the author considers creativity, the emergence of new meaning, the reproduction of any ideas in a new form and connects it with the construction of new knowledge about the world of the collective level or with re-structuring of the previously obtained knowledge. To the negative aspects the author attributes the processes of manipulation by verbal and non-verbal structures using illegal or not entirely legal means which are manifested in plagiarism, compilation of parts of the works of other authors, non-legitimate borrowings, kitsch in culture, science and language.

Key words: culture; language; cognitive approach; productivity; secondary; conceptual derivation; language interpretation; manipulation.

About the author: *Nikolay N. Boldyrev* — Dr.habil in Philology, Professor, Director of the Cognitive Research Centre, Derzhavin Tambov State University (e-mail: boldyrev@tsutmb.ru).

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1988. *Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
2. Arutyunova N.D. 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoj kul’tury”. (In Russ.)
3. Boldyrev N.N. 2014. Interpretaciya mira i znaniy o mire v yazyke [Interpretation of the World and Knowledge about the World in Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. XIX, pp. 20–28. (In Russ.)
4. Boldyrev N.N. 2016. Kognitivnye skhemy yazykovoj interpretacii [Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, no. 4, pp. 10–20. (In Russ.)
5. Boldyrev N.N. 2018. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury. (In Russ.)
6. Boldyrev N.N. 2019. *Dominantnyj princip strukturirovaniya informacii v tekstah novostej* [A Dominants-Oriented Principle of structuring information in News Texts]. In *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire* [A Russian Word in the Multi-Language World]: *Materialy XIV Kongressa MAPRYAL (g. Nur-Sultan, Kazahstan, 29 aprelya — 3 maya 2019 goda)*. St-Petersburg, MAPRYAL, pp. 395–400. (In Russ.)
7. Kurilovich E. 1962. *Oчерки по лингвистике* [Essays on Linguistics]. Moscow, Izdatel’stvo ino-strannoj literatury. (In Russ.)
8. Leont’ev A.N. 1975. *Deyatel’nost’. Soznanie. Lichnost’* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2011. Problemy mezhkul’turnoj kommunikacii: simvol kak kognitivnaya pamyat’ kul’tury [Problems of Intercultural Communication: Symbol as a Cognitive Memory of Culture]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. IX, pp. 122–135. (In Russ.)

10. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoj kommunikacii: verbalika i neverbalika* [Cognitive Multicodeness of Intercultural Communication: Verbalics and Nonverbalics]. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russ.)
11. Molchanova G.G. 2015. *Koncept-simvol i smysly kul'turnyh universalij* [Concept-Symbol and Meanings of Cultural Universals]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. XXI, pp. 91–97. (In Russ.)
12. Molchanova G.G. 2018. *Metaforicheskaya ekspansiya kak skrytyj kod teksta* [Metaphorical Expansion as a Hidden Text Code]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. XXXV, pp. 232–241. (In Russ.)
13. Molchanova G.G. 2019. *Kognitivnaya anti-memetika v formirovanii kartiny mira* [Cognitive Anti-Memetics in Shaping the World Picture]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. XXXVI, pp. 87–94. (In Russ.)
14. Pavilenis R.I. 1983. *Problema smysla: sovremennij logiko-filosofskij analiz yazyka* [The Problem of Meaning: A Modern Logical and Philosophical Analysis of Language]. Moscow, Mysl'. (In Russ.)
15. Stepanov Yu.S. 1997. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants: A Russian Culture Dictionary. Research Experience]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". (In Russ.)
16. Teliya V.N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turolo-gicheskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". (In Russ.)

В.З. Демьянков

**ОБ УСВОЕНИИ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА
И КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ:
ЧТО ТАКОЕ ХАЙЛИ ЛАЙКЛИ?¹**

ФГБУН Институт языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Усвоение родного языка состоит не только в том, что берутся на вооружение фонологические, грамматические, лексические и другие предписания целевого языка как системы знаков (в сосюрвовском смысле слова), но и в неосознанных наблюдениях над контекстами, в которых эти знаки употребляются, в «анамнезе» реальной коммуникации. Усвоение же неродного языка взрослым человеком отличается невозможностью провести достаточно большое число наблюдений. Многоязычные корпуса текстов помогают преодолеть такой дефицит информации. Под этим углом зрения рассматривается статистика контекстов выражения *highly likely* в английском корпусе. Сопоставление со статистикой выражений со значением «высокая вероятность» в русском корпусе демонстрирует различия, которые заставляют с осторожностью относиться к буквальному переводу этого словосочетания как «в высшей степени вероятный». В статье анализируется большой корпус оригинальных (непереводных) английских художественных и научных текстов, в которых встречается лексема *likely* и ее производные, классифицируются контексты этих слов, особенно эпитеты, устанавливается их относительная частота. Эти данные сопоставляются с результатами анализа большого русского корпуса оригинальных художественных текстов, выявляются сходства и различия и показывается, что английское выражение *highly likely* в английских текстах обладает коннотациями, не передаваемыми прямо русским выражением *с высокой степенью вероятности*. В таких случаях русская транслитерация лучше соответствует целям «транскультурной» коммуникации, чем буквальный перевод.

Ключевые слова: усвоение языка; адаптация дискурса; многоязычный корпус текстов; транскультурная коммуникация.

Демьянков Валерий Закиевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН (e-mail: vdemiank@mail.ru).

¹ Разделы 1 и 3 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Аккомодация к употреблению единиц чужого языка

«Природный», или «биологический» носитель языка, освоивший систему своего родного, «первого», языка (L1), отличается от выучившего этот язык как иностранный (как L2) не только легкостью в следовании грамматическим, фонетическим, лексическим и другим правилам, но и подсознательным ведением своеобразной статистики того, что и как говорят на данном языке, а о чем и как, редко или даже никогда не говорят, хотя и могли бы. При L2 возможностей для такой статистики меньше. Дефицит ее у взрослого учащегося не гасится бессонными ночами над учебниками и словарями, требуется и значительное время для восприятия спонтанной иноязычной продукции, и мотивация для такой «вовлеченности» в чужую культуру.

Недавно выучившему язык как неродной явно не хватает знаний об употребительности и единиц языка, и сюжетов коммуникации, без этого речь иностранного учащегося напоминает детскую. Двухязычные словари XX–XXI вв. докладывают нам о случаях, когда глагольное управление и сочетаемость с предикатами и эпитетами существительного в одном языке резко отличается от свойств переводного эквивалента: такая фиксация была не всегда и не во всех типах словарей представлена раньше. Но кроме того, очень употребительная единица родного языка может соответствовать в выученном языке совершенно нечастой единице, в целевом тексте неуместной. Как мы знаем из переводческой и преподавательской практики, использование в переводе единиц, отличающихся по частотности, а потому и по типичности, от оригинальных, приводит к смене «регистра»: например, деловой стиль оригинала растворится из-за употребления неформальной лексики в переводе. Скажем, на реплику русскоязычного начальника «Я ненадолго отлучусь в министерство» иностранный стажер может ответить: «Дуйте» или «Валите» не по злобе, а потому что «краем глаза» увидел такое соответствие в словаре.

При этом в межкультурной коммуникации нередки случаи, когда сообщения трудно или принципиально невозможно адекватно, с сохранением регистра, передать средствами целевого языка. Осоз-

навая безнадежность ситуации, прибегают к открытому приему: явно указывают на неполную неэквивалентность выражений двух культур, прося снисхождения за такую неудачу. Уже с давних пор вполне легитимно передавать такое выражение, произнеся его в фонетически адаптированной версии оригинала с комментарием вроде: «Шишков, прости...»

В этой связи очень важно иметь в виду, что «когнитивный анализ не/успешности акта межкультурной коммуникации должен основываться не только на прототипической, но и на экземплярной категоризации, включать весь комплекс знаний и внеязыковой опыт языкового сообщества, совокупность лингвистической и экстралингвистической информации, которые существенно разнятся в разных лингвокультурах» [Молчанова, 2014: 11]. На границе между лингвистической и экстралингвистической информацией как раз и лежит усвоение знаний о ситуативной уместности.

Компенсировать дефицит опыта в восприятии иноязычных текстов, пройдя детскими «семимильными» (или, как говорят сами дети, «семенильными») шагами, взрослому учащемуся, как правило, трудно. Составить представление о типичных контекстах для лексических единиц помогает анализ словоупотребления в большом корпусе конкретного языка. Контекст создает и предопределяет условия для интерпретации текста уже в самый момент речи [Günthner, 2000: 29], когда происходит «контекстуализация» языка [Halliday, Matthiessen, 1999: 602], стирающая границы, любовно проводимые, по [Stockwell, Schachter, Partee, 1968], между «ингредиентными» и контекстно обусловленными семантическими свойствами получаемого текста. В отличие от простой лингвостатистики, такой корпусный подход позволяет непосредственно и наглядно предъявить типичные контексты для каждой единицы с указанием частотности самой единицы. Это позволяет сделать наглядными расхождения и схождения в естественности таких контекстов для разных единиц, особенно, но не только, в рамках различных синтагм. Естественность, «прагматичность» употребления становится одним из индексов контекстной обусловленности (и истинности) высказываний, ср. [Récanati, 2010: 27]. Представление о контексте как об «общем фоне», как об «игровой площадке» для обмена высказываниями на разные темы, ср. [Stalnaker, 2014: 4], погружается в такую концепцию представительности и даже «солидности» контекста. А при этом сам контекст рассматривается и как то, что существует

независимо в физическом пространстве (в том числе, поза, окружающие предметы и т.п.), и как то, что создается фактом обмена высказываний в самом широком представлении о человеческой коммуникации, ср. [Гее, 2011: 203], включая все новые и новые мнения и знания. То, что называют «контекстной нейтрализацией» в семантике лексических единиц [Bender 1998: 58], предстает как ворота к тому изменяемому и уязвимому в семантической системе языка, что носители языка не всегда серьезно и решительно охраняют. Однако при этом имеют представление о конъюнктуре и моде, о том, что нынче «носят» в разговоре, что более ожидаемо и/или естественно упоминается в живом общении, а о чем говорить не стоит.

Для сопоставления же языков под этим углом зрения при выборе наиболее адекватной единицы в конкретном контексте поможет большой многоязычный корпус текстов. Такой корпус русского и западноевропейских языков с программным сопровождением был построен мной давно, со временем он обрастает объемом и программами обработки непрепарированных текстов.

Примером актуальным для последних лет может служить передача интернационально модного английского выражения *highly likely* в политических дискурсах российских СМИ². Ведь на 179 395 случаев употребления основы *вероят-* в русской части корпуса приходится 102 словосочетание *высокая вероятность*. *По всей вероятности* — абсолютный рекордсмен в русском корпусе для всех сочетаний с основой *вероят-* (7136), *весьма вероятно-* зарегистрировано 1672 раз, а *очень вероятно-* 745. «Грамотный» переводчик осознает к тому же, что по-английски интернациональным соответствием для русского *вероятно* является адаптация латинского *probabilis* (о соотношении понятий возможного и вероятного в русском и в западноевропейских языках см. [Демьянков, 2020]), звучащая по-английски как *probable*.

² Ср.: «Хакеры, вполне вероятно, действовали как «часть российских спецслужб». <...> Хакеры являются частью группы под названием АРТ29. В течение 2020 года АРТ29 нацелилась на различные организации, занимающиеся разработкой вакцин против COVID-19 в Канаде, Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве, «хайли лайкли», с целью кражи информации и интеллектуальной собственности, связанных с разработкой и тестированием вакцин от COVID-19», — цитирует 16 июля заявление центра ВВС. (Фраза *highly likely*, то есть «весьма вероятно», была использована премьер-министром Терезой Мэй для обвинения России в атаке на Скрипалей. Позже фраза стала мемом. — Прим. ред.). URL: <https://www.fontanka.ru/2020/07/16/69370621/> (дата обращения: 28.11.2020).

На этот материал мы и обопремся в следующем разделе. В под-
боре документирующих примеров преимущество отдается произ-
ведениям несовременным, для того чтобы сделать выводы как
можно менее зависимыми от нынешней злобы дня, очень едкой и не
всегда справедливой. Наша задача здесь — увидеть, что же заложено
в языке не как в сосюрговской *langue* (чистой системе потенци-
альных противопоставлений), выброшенной на «рынок» знаков и
постоянно на нем «креативно» обновляемой, а как в сосюрговском
langage, тесно привязанном к потребительскому «спросу». оконча-
тельный же выбор знаков остается за заинтересованным «потреби-
телем» родного или благоприобретенного языка. Именно этот выбор
характеризует навыки креативности и создателя текста, и его пере-
водчика.

2. Поле *likely* и пределы его креативности в английском корпусе

Всего предложений, в которых встречаются лексемы класса
“*likely*” (*likely, likelihood, likeliness* и т.п.), — 133000, *unlikely (unlike-
liness, unlikelyhood* и т.п.) — значительно меньше, 11800. Это без
учета диалектных форм типа *onlikely*, также представленных в ху-
дожественной литературе, напр.: *You ‘m as likely or onlikely to get a
big answer as a little* (Eden Phillpotts, *Children of the Mist*, 1898).

Для сравнения, в английском корпусе по убыванию частотности
имеем для романских потомков — синонимов «родного» англий-
ского *likely*:

- *possible / possibility*: 423761,
- *probable / probability*: 295357,
- *impossible / impossibility*: 155991,
- *improbable / improbability*: 11899.

Это значит, что самый первый смелый шаг к креативности при-
родный носитель английского языка совершает, употребив *likely*
вместо *probably*. Но не будем забывать: что позволено природному
носителю, вежливому иностранному «гостю» дозволено использо-
вать осторожно. *Quod licet Iovi, non licet bovi*.

Рассмотрим непосредственные контексты лексем нашего класса:
справа (то, что в предложениях корпуса идет сразу после данной
лексемы и обычно входит в ту же синтагму) и слева (то, что в пред-
ложениях корпуса имеем сразу перед данной лексемой и обычно
входит в ту же синтагму). В скобках даются сведения о частотности,

а после двоеточия приводится один реальный пример из корпуса с указанием автора, названия произведения и года издания. Символ «>» означает, что по частотности один контекст в перечислении превосходит последующий. Поскольку этот список значительно длиннее, чем допускает объем небольшой статьи, мы его обрываем, когда видим, что и этого достаточно для выводов.

Всего примеров с *likely* 126571, с *likelihood* 5335 (плюс с написанием *likelyhood* 45), с *likeliest* 695, с *likelier* 422, с *likelihoods* 77, с *likeliness* 23.

Всего примеров с *unlikely* 11566, с *unlikelyhood* 112 (с написанием *unlikelyhood* 0), с *unlikelyest* 87, с *unlikelyness* 23, с *unlikelyer* 17, с *unlikelyhoods* 9.

Наблюдательному читателю предлагается сопоставить эти два ряда и сделать некоторые предварительные выводы.

2.1. Правые контексты *likely* (126571)

По убыванию частоты имеем:

likely to (71520): *Wild life is **likely to** be busiest about the lower pine borders* (Mary Austin, *The Land of Little Rain*, 1903);

> *likely that* (10210): *He thought it most **likely that** he could secure the appointment without that gentleman's influence* (Nancy Huston Banks, *Round Anvil Rock*, 1903);

> *likely* в самом конце предложения (4108): *No doubt, it will occur to you that Vernon might have taken a can or two of meat; but that's not **likely*** (Harold Bindloss, *The Long Portage*, 1912).

Список очень велик, поэтому здесь мы завершим сплошное перечисление контекстов и из оставшихся случаев укажем только сочетаемость с существительными. Среди таких контекстов лидируют именование места и неодушевленного предмета, и только в третью очередь человека:

likely place (362): *It strikes me as quite a **likely place*** (Harold Bindloss, *Prescott of Saskatchewan*, 1913);

> *likely story* (263): *It's a **likely story** that a ragamuffin like you would be trusted with so much money* (Horatio Alger, Jr., *Ben, the Luggage Boy; or, Among the Wharves*, 1876);

> *likely thing* (147): ***Likely thing** for a British officer to sneak off and leave one of his men like this!* (George Manville Fenn, *Blue Jackets*, 1900);

> *likely spot* (146): *Indeed that very idea seems to have struck the fisherman too, and he marks the **likely spot**, and will go there to-morrow,*

not to-day — no, he will always stick one day at one place (John MacGregor, *The Voyage Alone in the Yawl “Rob Roy”*, 1893);

> *likely person* (130): *The next day both Godwin and Rough called upon their host, each man expressing his regard for the other, and each asking Robinson if he thought the other would be a **likely person** to lend him fifty pounds* (Agnes Repplier, *Americans and Others*, 1912);

> *likely man* (129): *Moses is by far the most **likely man** to have written them, of all of whom we read in Scripture* (Charles Kingsley, *The Gospel of the Pentateuch: A set of Parish Sermons*, 1863);

> *likely places* (120): *In **likely places** traps are set for marten, mink or fox* (Dillon Wallace, *The Story of Grenfell of the Labrador: A Boy’s Life of Wilfred T. Grenfell*, 1922).

2.2. Левые контексты *likely*

Лидирует *not likely* (12964): *You, hearing Charlie painted in the blackest colours, are **not likely** to raise any protest either to yourself or to anyone else* (Firth Scott, *The Rider of Waroona*, 1912);

> *more likely* (12221): *Two of Gladwyne’s party left him; and of those two which would be the **more likely** to succumb to extreme exertion, exposure, and insufficient food?* (Harold Bindloss, *The Long Portage*, 1912);

> *is likely* (12125): *I have discovered a field within a day’s journey that nobody else knows of — that nobody else is **likely to** know of* (Edward Dyson, *In the Roaring Fifties*, 1906);

> *most likely* (10682): *Never mind; most likely nothing of the kind will ever come in your way, and they have not the slightest claim on you* (Charlotte M. Yonge, *Hopes and Fears: Scenes from the life of a spinster*, 1899);

> *very likely* (10542): *But I need not write, for I think it very likely that now the sale of Kaburie is ‘off’ with Mr Gerrard, she will come back there to live* (Louis Becke, *Tom Gerrard*, 1904).

Из-за нехватки места первем и это перечисление. Отметим только, насколько статистически незначительно наше модное словосочетание в предыдущие эпохи английской словесности:

> *highly likely* (83): *In the end he thought it **highly likely** that Gurseys and Red would have quartered themselves here* (Brian Penton, *Landtakers: The Story of an Epoch*, 1934).

3. Адаптация контекста и к контексту в переводе

Для перевода *likely* на русский язык, особенно в отрицательном или ограничительном контекстах, конструкцию иногда перекраи-

вают, напр.: *You are not a very **likely** person to do such a thing* «Ты не очень годишься на такое» (James Fenimore Cooper, *Jack Tier*; or *The Florida Reef*, 1800); ср.: [...] *the only person **likely** to be disconcerted by my action was Ferrari himself* (Marie Corelli, *Vendetta: A Story Of One Forgotten*, 1886).

Английское *highly likely* на слуху у интернационального читателя в последние годы с дежурным переводом «очень вероятно, с большой долей вероятности». В английском корпусе это словосочетание встречается сравнительно редко, а противоположное по значению *highly unlikely* (212) «очень маловероятно» примерно в 3 раза чаще, особенно в художественной литературе, напр.: *Until tonight, finding animals in **unlikely** locations was explained either through migration, which is **highly unlikely**, or cataclysm, like the shifting of the earth on its axis, which is also **unlikely*** (James F. David, *Footprints Of Thunder*, 1995). Еще чаще, из глубины веков дошло до нас *not likely* (12892), самый частотный на сегодня контекст, пример см. выше. Напрашивается гипотеза, что по-английски о *likely* мы говорим тогда, когда думаем, что это не *likely*. Это как рычание внутреннего голоса: «Сейчас мы говорим о сомнениях!» А такой тип самоиронии, как мы знаем из опыта межкультурной коммуникации, очень типичен для англосаксонского стиля и не безопасен для наивного пришельца, привыкшего у себя дома чуть ли не все из рук «чужеплеменника» воспринимать всерьез и буквально. Англосаксам щадящий режим в общении с «чужими», не исключено, гораздо менее свойственен, чем континентальным европейцам.

В то же время в качестве левого контекста прилагательного *improbable* модификатор *highly* лидирует (470): *Secondly, as there is someone else who knows a passage, you must think it **highly improbable** I should saddle myself with a lunatic like you* (Robert Louis Stevenson, *The Master of Ballantrae*, 1888). Дальше по убыванию частотности идут: *very* (460) > *most* (372) > *more* (171) > *extremely* (170) > *wildly* (88) > *exceedingly* (58) > *altogether* (56) > *quite* (46) > *utterly* (41) = *rather* (41) > *equally* (35) и т. д. Получается так, что лексему *likely* помещают в наиболее частый контекст ее более частого антонима (*highly improbable*).

Для контраста возьмем пример, когда *likely* выступает в общем контексте со своим закадычным семантическим конкурентом *probably*: *And lastly, the profound depth of the ocean between the islands, and their apparently recent (in a geological sense) volcanic origin, render it*

highly unlikely that they were ever united; and this, **probably**, is a far more important consideration than any other, with respect to the geographical distribution of their inhabitants (Ch. Darwin, *The Voyage of the Beagle*, 1839). Слетая с вершин буквального неправдоподобия (*highly unlikely*), автор подчеркивает субъективность мнения, употребив затем все-таки *probably*. Этот высший пилотаж «пикирующей маловероятности» по плечу русскому обороту *можно было бы предположить*, а не простодушно-заносчивому *очень возможно* и *весьма вероятно* в русской версии официальных заявлений Лондона.

4. Заключение

1. При установлении адекватности перевода контекстов для конкретной единицы можно предположить, что билингвы опираются на следующую процедуру. Из двух вариантов перевода адекватнее оригиналу тот, который на иерархии единиц того же класса в другом языке занимает близкую по частотности позицию. Скажем, в английском языке для *likely* в левом контексте наиболее высокую позицию, близкую к лидирующим *not* и *more*, занимает *most*, обладающая семей позитивного превосходства; *highly* в качестве модификатора находится на задворках частотности (см. выше). Удивительным образом, в русском языке «высокая вероятность» и «высокая степень вероятности» (при том, что *степень вероятности* в корпусе зарегистрирована 302 раза) на соответствующей иерархии тоже занимают по частотности не самую высокую позицию! Эта близость статистик говорит о каком-то сходном представлении о высоте в русском и английском языках и свидетельствует в пользу буквального перевода.

2. Дело усложняется тем, что *likely*, «родная» для английского единица, в корпусе значительно реже романского заимствования *probable*. В русском же такого соперничества нет: как в немецком языке, возможность и вероятность именуется у нас «родными» основами. Перевод *likely* на русский язык с помощью той же лексемы, с помощью которого мы перевели бы *probable*, — вынужденная неадекватность. Что-то при таком употреблении «на вырост» теряется.

3. Заявления с *highly likely* (но не *highly unlikely*) должны вызывать ощущение недосказанности, самоиронии, перекрещенных пальцев, выдающих неуверенность, подсознательное «самонедоверие». Но за пределами британской культуры они воспринимаются не так же, как британцами, и такого отношения не вызывают. Недаром эта

фраза с заслуженной обидой на необъективность повторяется в связи с известными событиями, по поводу которых она у нас неожиданно воссияла.

4. Деловой жанр, принятый по умолчанию в серьезных разговорах, ставит интерпретатора в неловкое положение при креативно выбранном «саксонском» стиле оригинала. Смятение вызывает английский дискурс, переведенный в формат деловой русской культуры. Чувство такое, будто деликатный английский кукиш засунули в широкий русский карман. Ну так надо ли так широко этот карман держать? Да и совать в него все подряд? Эти вопросы адресованы не донорской культуре англосаксов, которые имеют право на свой стиль, им удобный. Скорее это этическая проблема для воспринимающей культуры: следует ли высказывания с *хайли лайкли* воспринимать как ни на чем не основанное (преднамеренно «вздорное» или «дурашливое») обвинение — или как сигнал безразлично-усталого сомнения?

Подобные случаи, вызывающие трудности перевода, можно называть **транскультурной коммуникацией**: знаки культуры-донора «врастают» в целевую культуру не только своей звуковой оболочкой («телом») и своими значениями («душой»), но и (в нашем случае, ироническими) коннотациями и экспектациями (ожиданиями). Механизмы такого «вращения» напоминают атаку коронавирусных шипов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.
2. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М., 2014.
3. Bender B.W. Markedness and iconicity: Some questions // Case, typology and grammar: In honor of Barry J. Blake. Amsterdam; Philadelphia, 1998. P. 57–70.
4. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and method. Third Edition. N.Y.; L., 2011.
5. Günthner S. Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion: Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen. Tübingen, 2000.
6. Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.M.I.M. Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. L.; N.Y., 1999.
7. Récanati F. Truth-Conditional Pragmatics. Oxford, 2010.
8. Stalnaker R. Context. Oxford, 2014.
9. Stockwell R.P., Schachter P., Partee B.H. Integration of transformational theories of English syntax. Los Angeles, 1968.

Valery Z. Demyankov

ON SECOND-LANGUAGE ACQUISITION AND CORPUS LINGUISTICS: WHAT IS ‘HIGHLY LIKELY’?

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1/ 1B. Kislovsky per., Moscow, 125009*

L1 learning consists not only in acquiring phonological, grammatical, lexical, etc. prescriptions of a Saussurean ‘langue’ as a system of signs, but also in subconscious inferences concerning prototypical usage and creativity measures of linguistic signs actually used by adult native speakers in communication. L2 acquisition by adults differs from L1 acquisition due to practical limitations. Multilingual text corpora are helpful as a means of overcoming this deficit of information. Non-native speakers relying on statistics of the right-hand and left-hand contexts of lexical items, and not only on frequency of separate lexical items, can measure the degree of creativity of original texts and of their own linguistic production in a foreign language. Thus, the English phrase ‘highly likely’ is used in English texts rather differently from the way it is cited and understood outside English texts proper, e. g. in Russian mass media. The paper analyzes statistics and semantics of the contexts of the English expression ‘highly likely’ and its synonyms in a big English corpus of original texts. Thus, in my English corpus, ‘highly likely’ is less frequent than ‘highly unlikely’, which signals negative rather than positive expectations of the propositions supplied with such hedges. These and similar data are compared with the use of their correspondences in a big Russian corpus of original texts. Pragmatic and semantic differences of these expressions in Russian and in English have to do with expectations, connotations and ‘implied inferences’ not always immediately perceived by Russian speakers citing the fashionable English phrase in their Russian discourse. The Russian transliteration of the English phrase, and not the literal translation, may be the only adequate way of rendering irony in trans-cultural communication.

Key words: language acquisition; discourse adaptation; multi-lingual text corpus; trans-cultural communication.

About the author: *Valery Z. Demyankov* — Dr.habil in Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (e-mail: vdemiank@mail.ru).

REFERENCES

1. Demyankov V.Z. 2020. O jazykovykh teknikakh adaptacii mnenija [On linguistic techniques of adapting opinions]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 4, pp. 5–17. (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaja polikodovost’ mežkul’turnoj komunikacii: verbalika i neverbalika* [Cognitive plurality of codes in inter-cultural communication: Verbal and non-verbal means]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2014. (In Russ.)

3. Bender B.W. 1998. *Markedness and iconicity: Some questions*. In A. Siewierska, J.J. Song (eds.) *Case, Typology and Grammar: In Honor of Barry J. Blake*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, pp. 57–70.
4. Gee J.P. 2011. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and method*. Third Edition. N.Y.; L.
5. Günthner S. 2000. *Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion: Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen*. Tübingen, Niemeyer.
6. Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.M.I.M. 1999. *Construing Experience Through Meaning: A Language-based Approach to Cognition*. L.; N.Y.
7. Récanati F. 2010. *Truth-Conditional Pragmatics*. Oxford, Clarendon Press.
8. Stalnaker R. 2014. *Context*. Oxford, Oxford University Press.
9. Stockwell R.P., Schachter P., Partee B.H. 1968. *Integration of Transformational Theories of English Syntax*. Los Angeles, UCLA.

Acknowledgments: The research presented in sections 1 and 3 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00429 “Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in section 2 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 “Parametrization of linguistic creativity in discourse and language” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Т.Ю. Загрязкина

**ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ
И КУЛЬТУРЕ, ИЛИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ»
ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОСТИ¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Изучение феномена множественности/разнообразия является актуальной темой, связанной с взаимодействием языка, общества и культуры ср. понятия «множественные современности»; «множественная социальность»; «множественный человек»; «множественность культуры и языка» и др. Феномен множественности/разнообразия в языке и культуре имеет несколько трактовок и соответствующих им терминов, близких, но не идентичных, принятых в российской и франкоязычной научных литературах: *поликультурализм / полилингвизм, мультикультурализм; pluriculturalisme/plurilinguisme; multiculturalisme / multilinguisme*. С учетом концепций Д.В. Иванова, З. Баумана, М. Бернардо, В. Фёсси, Б. Лаира и др. рассматриваются отраженные в языке представления о множественных гетерогенных образованиях, компоненты которых не имеют четких границ и свободно перетекают один в другой. Анализируются функционирование и взаимосвязь ряда лексем французского языка: *pluralité (plurilinguisme, pluriculturalisme), diversité, hétérogénéité, mobilité, hybridité, métissage, mélange, liquidité, fluidification*. Подтверждается, что данные лексемы связаны между собой и составляют «лингвистический узел», отражающий/формирующий фактор множественности в дискурсе современности, разворачивающемся в контексте глобализации и глокализации. В качестве перспективы исследования делается предположение о выделении в потоках слов, понятий и концептов дискретных «территорий», среди которых сфера языкового образования.

Ключевые слова: глобализация; глокализация; французский язык; культура; множественность; разнообразие; мобильность/подвижность/неподвижность; гибридность; метисация; перемешивание; текучесть; жидкость; дискурс; языковое образование.

Загрязкина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

«Общество, которое входит в XXI столетие, не менее “современно”, чем общество, которое вступило в XX в.; самое большее, что можно сказать — это что оно современно другим образом» — писал британский социолог З. Бауман [Бауман, 2008: 18]. С опорой на концепции российских и французских авторов в статье мы рассмотрим ряд лексем французского языка, отражающих/формирующих фактор множественности в «дискурсе современности» — *pluralité (plurilinguisme, pluriculturalisme), diversité, hétérogénéité, mobilité/immobilité, hybridité/métissage/mélange, liquidité/fluidification*.

В исследованиях последних лет восприятие современности претерпело значительные изменения. На смену представлениям о более или менее гомогенных обществах, культурах и языковых формах пришли представления о негомогенных образованиях, компоненты которых не имеют четких границ и свободно перетекают один в другой: триада высокая — народная — массовая культура утратила неподвижность и оказалась связанной множеством переплетающихся линий; культура молодежи распространилась на более старшие возрастные группы, ненормативные формы языка активно используются не только в спонтанной, но даже в официальной речи. В лингвистике все чаще заостряются вопросы «отклонений» от нормы и существования многочисленных вариантов; понятие «референтный язык», не имеющий четкого центра и единой социальной базы, заменяет понятие нормы; противопоставление «центра» и «периферии» в пространстве языка и культуры оказывается условными, границы между ними — подвижными и изменчивыми. Между тем на смену исчезнувшим границам, в том числе культурным и языковым, пришли новые [Загряжская, 2015]. Произошел сдвиг к постглобальному миру и глокализации пространства, актуализирующий особенности территорий [Иванов, 2019].

Изучение отдельных территорий и континуума в целом всегда было в центре внимания лингвистов (диалектология, лингвогеография, ареальные исследования), однако в наше время глобализация потоков и дифференциация мест становятся кросс-дисциплинарными темами, позволяющими рассмотреть фактор множественности с точки зрения разных наук. «Мондиализация (*mondialisation*), сопровождающая метаморфозу капитализма в финансовый, во многом способствовала внезапному возникновению “локального”. Произошел переход от территории к территориям, идет ли речь об обустройстве территории, общественной деятельности или экономическом развитии. Этот переход от единственного числа ко множественному числу не нейтрален. Территории сегодня обозначают локальное, имеющее особенность при включении в глобальное: в “мондиализованном” пространстве места в большой степени связаны между собой. Все

более и более усложняющиеся взаимозависимые системы порождают “глокальное”» [Ghora-Gobin, Reghezza-Zit, 2016]. К этому можно добавить, что французский термин *mondialisation* (от *monde* — «мир») является аналогом интернационального термина «глобализация», вошедшего в языки мира под влиянием английского языка (*globalization*). По мнению французских авторов, французское слово, в отличие от английского, имеет значение образа мира, а не только этапа развития финансового капитала [ibidem].

«Переход ко множественному числу» отражен и в терминологии научных работ: *философия во множественном числе* [Философия во множественном числе, 2020]; *множественные современности/multiple modernities* [Иванов, 2019]; *множественная социальность* [там же]; *множественный человек/l’homme pluriel* [Lahir, 1998]; *множественность культуры и языка/culture au pluriel/pluriculturalisme/plurilinguisme* [Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme, 2009]; *множественности в языках и культурах/pluralités linguistiques et culturels* [Feussi, 2015]. Этот переход можно рассматривать с разных точек зрения, в том числе в дискурсивном аспекте с учетом использования ключевых слов и понятий. Полагая, что «современность многозначна» (т.е. множественна), З. Бауман показывает это на примере ключевого слова и понятия *liquidity/текучесть* как основного в «дискурсе современности» [Бауман, 2008: 2, 6]. М. Бернардо развивает этот модус исследования, но переходит от социологического анализа к лингвистическому, выявляя ключевые слова, составляющие «лексический узел постмодерности», *nœud linguistique post moderne* [Bernardot, 2018: 9]. Этот подход мы используем в данной статье.

Феномен множественности/разнообразия в языке и культуре имеет несколько трактовок и соответствующих им терминов, близких, но не идентичных, принятых в российской и франкоязычной научных литературах: поликультурализм / полилингвизм, мультикультурализм; *pluriculturalisme/plurilinguisme*; *multiculturalisme / multilinguisme*. Это интернациональные лексемы, различающиеся первым формантом слова: а) в русских словах префикс *поли-* (от др.-греч. *πολύς* «многочисленный») — *поликультурализм, полилингвизм*; б) в русских и французских словах префиксы *мульти-, multi-* — *мультикультурализм, мультилингвизм; multiculturalisme, multilinguisme*; в) во французских словах префикс *pluri-* — *pluriculturalisme, plurilinguisme*. Этимоны этих интернациональных лексем близки между собой и соотносятся с идеей множества, разнообразия: *поли-, poli-* восходит к др.-греч. *πολύς* «многочисленный»; *pluri-* и *multi-* представляют собой разные формы латинского слова: лат. *plus, pluris* — сравнительная степень от *multu-*, многочисленный; мн.ч.

*multi — plures*². Р.А. Будагов любил приводить мнение А.М. Пешковского о роли оттенков в лингвистике: «Все дело здесь в этих “почти” и “как бы”, на которых зиждется вся грамматика»³. Действительно, использование близких, но разных приставок соотносится с близкими, но различающимися значениями терминов, которые используют разные авторы.

Так, В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев используют термин «мультикультурализм» в значении: а) идеологии, направленной на интеграцию различных этнических и расовых групп в единое сообщество; б) доктрины единства в многообразии, поддержанной властями и ставящей своей целью гармонизировать взаимодействия между этническими и расовыми составляющими государства. Мультикультурализм соотносится также с федеральной и региональной практикой и этнополитикой государства, впервые провозглашенный в Канаде (1971). Авторы выявляют противоречия между идеалами мультикультурализма и реальной практикой, когда «общины и группы присваивают себе миссию представительства всего этнического сообщества». По мнению А. Меркель и Н. Саркози, такая ситуация может квалифицироваться как «провал мультикультурализма» в Германии и Франции [Тишков, Шабаев, 2013: 236].

Расхождения между теорией и практикой культурного разнообразия стали одним из аргументов для разграничения *мультикультурализма* и *поликультурализма*, которое может осуществляться по нескольким параметрам, хотя и не вполне однородным: а) по результату (если мультикультурализм «потерпел крах», то поликультурализм должен иметь иной результат); б) по характеру взаимодействия культур: мультикультурализм направлен на сохранение культурных различий, поликультурализм содержит идею взаимодействия культур. Так, Г.С. Трофимова и М.И. Сираева определяют *поликультурализм* как теорию, практику и политику неконфликтного существования разнородных культурных групп, взаимодействующих через координацию, а не через субординацию [Трофимова, Сираева, 2012: 81]. В этой формулировке подчеркивается направленность поликультурализма на неконфликтное существование, с одной стороны, и на взаимодействие культур — с другой. (Остается надеяться, что цель политики совпадет с результатом.)

Во французской традиции термины имеют другие особенности.

Так, в «Европейском словаре философских концепций», изданном во Франции под ред. Б. Кассен, заголовочное слово дано в английской транслитерации *multiculturalism*, хотя язык всего словаря и данной

² Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986. С. 595, 498.

³ Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX–XX вв.: из истории лингвистических учений. М., 1988. С. 155.

статьи — французский. По замыслу составителей, оформление заголовочных слов отсылает к истокам философских теорий, в данном случае — англосаксонским. Действительно, один из основоположников доктрины Ч. Тейлор представляет Канаду, при том что первую работу на эту тему он написал на французском языке и использовал пример Квебека [Taylor, 1992]. Французская лексема *multiculturalisme* в тексте словарной статьи присутствует, но лишь как аналог английского слова *multiculturalism*. Термин и понятие *plurilinguisme* в этом авторитетном словаре отсутствует [Vocabulaire européen des philosophies, 2009].

Во французских работах более прикладного характера, чем словарь философских концепций, происходит разграничение данных терминов. Интересно, что в одной и той же работе могут использоваться разные форманты: в статье, посвященной вопросам языкового образования в Северной Америке, С. Бомон и Д. Мур используют префикс *pluri-* (*plurilinguisme*) во всей работе, префикс *multi-* (*multiculturalisme*) — в контексте, где упоминается доминирование английского языка: “des contextes <...> qui se construisent comme mono ou bilingues ou multiculturels, mais où l’anglais prédomine <...>”⁴. По мнению К. Крамши, Д. Леви и Ж. Зарат, французы предпочитают префикс *pluri-* (*plurilinguisme*, *pluriculturalisme*) префиксу *multi-* (*multilinguisme*, *pluriculturalisme*). Основанием для такого разграничения может быть длительность культурной памяти: формант *multi-* в большей степени характерен для английских слов (*multiculturalism* и др.), отсылающих к типам обществ, «лишенных истории» (под ними авторы подразумевают США и Канаду), и неприменимых к обществам, имеющим «более длительную историю» (Франция). Кроме того, термин с формантом *pluri-* может характеризовать отдельного индивидуума (франц. *pluriculturalisme*), *multi-* — общество в целом (англ. *multiculturalism*) [Kramsch, Lévy, Zarate, 2020: 22]. Так, в Словаре лингводидактических терминов под ред. Ж.-П. Кюка есть статья *plurilinguisme*, в которой отмечена способность человека использовать разные идиомы в зависимости от ситуации, но нет статьи *multilinguisme*; данный термин приводится в статье *polyglossie* для характеристики общества, где сосуществуют разные идиомы (*multilinguisme sociétal*)⁵.

⁴ Beaumont S., Moore D. Plurilinguisme et formation des enseignants de l’Education nationale en Amérique du Nord. Une recherche-action-formation pour le développement d’outils et de pratiques innovantes // Recherches et applications — Le français dans le monde. Didactique du plurilinguisme et formation des enseignants: contextes, dispositifs et perspectives / Coord. par Stéphanie Galligani et Monica Vlad. 2020. № 67. P. 30–40; 38.

⁵ Dictionnaire de didactique du français langue étrangère et seconde / Sous la dir. de J.-P. Cuq. P., 2003. P. 195–197.

Проблематика множественности имеет еще один важный аспект: она связана со сложной структурой человеческой личности, аккумулирующей различные установки и весь предшествующий опыт человека, который в разных ситуациях проявляет разные идентичности. Таким образом, культурные особенности взаимодействуют, переплетаются, а иногда и конфликтуют внутри одного человека — по выражению французского исследователя Б. Лаира, «множественного человека», *l'homme pluriel* [Lahir, 1998]. Полагая, что целостность и когерентность человеческого я всего лишь иллюзия, Б. Лаир развивает идеи П. Бурдьё о гетерогенном габитусе человека (*habitus* [Bourdieu, 1980]) и показывает, каким образом «компоуется» его идентичность. Среди факторов разнонаправленные установки, заложенные семьей, школой и всеми другими коллективами, с которыми человек соприкасался в прошлом и настоящем. Нет главной линии действий, есть разные способы реагировать, думать, общаться, которые используются в зависимости от контекста и определяют успешную адаптацию «множественного человека» к окружающему разнообразному миру [Lahir, 1998]. Понятие *множественности/pluralité*, таким образом, соприкасается с понятием *разнообразия/diversité*.

Фактор *diversité/разнообразия* (*divers* <лат. *diversu-*, «обращенный в другую сторону») исследован в работе другого французского автора, В. Фёсси, который считает его и понятием (*notion de diversité*), и концептом (*concept de diversité*). Фёсси отмечает, что начиная с 1970-х годов этот фактор начинает активно использоваться во французских СМИ для характеристики «совместного проживания» (*vivre ensemble*) и выравнивания различий. К концу 1990-х годов использование лексемы становится более частотным в контексте франкофонии, ср. слоган «единство в различии» (*l'unité dans la diversité*). По В. Фёсси, этот слоган не способствует единству: идентификация различий парадоксальным образом ведет к их закреплению. В конце XX — начале XXI в. в научной литературе появляются дифференцированные трактовки данного понятия: 1) как сравнение различий (*diversité-comparaison*); 2) как результат гибридизации (*diversité — hybridité*); 3) как относительной категории (*diversité-relation*) [Feussi, 2015: 5, 6].

Сравнение различий (*diversité-comparaison*) подразумевает наличие неодинаковых частей и отсылает к представлению о гетерогенности/*hétérogénéité*. Уже упоминалось, что для Фёсси разграничение различий закрепляет сами различия и их границы, так как оно исходит из гипотезы о «чистых» формах, которые противопоставлены друг другу и находятся в иерархических соотношениях. Рассмотрение разнообразия сквозь призму гибридизации (*diversité* —

hybridité) подразумевает скрещивание изначально «чистых» субстанций, которые при контактах перемешиваются, и образуется новое качество, в том числе новые идентичности. По Фёсси, эта теория также неоднозначна. Несмотря на то что в ней ставится под сомнение понятие идентичности как стабильного и гомогенного феномена (это сомнение ученый разделяет), она закрепляет устойчивые характеристики идентичности как предварительные, предшествующие гибридизации, а гибридизация предстает как плохо очерченное, причудливое образование [ibidem: 8; 10–11].

Тезис об относительном разнообразии (*diversité-relation*) основан на предположении об отсутствии границ между культурами, языками, людьми. В качестве примера В. Фёсси приводит теорию креолизации Е. Глиссана — франкофонного писателя, философа, публициста из Мартиники. Е. Глиссан стремится пойти дальше концепций метиссации, гибридизации и «плавильного котла» и рассмотреть комбинированные, непредсказуемые и запутанные характеристики общества, которое развивается в том числе (и очень часто) благодаря проникновению в центры выходцев с периферий. Вместо шока цивилизаций, основанном (по Глиссану) на стремлении центра подмять под себя «другого» — постоянная изменчивость отношений между членами общества и жителями всего мира, ср. уже упоминавшийся французский термин *mondialisation*, от *monde*, мир. Развивая концепцию ризомы, выдвинутую ранее Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, Е. Глиссан использует метафору переплетенного корневища (*rhizome* — подземные корни), и дополняет ее другой метафорой — встречи/свидания (*rendez-vous*) [Glissant, 1999]. Метафору встречи использовали и другие поэты, философы, общественные деятели в контексте обоснования франкофонии. Так, Л.С. Сенгор (Сенегал) и Э. Сезер (Мартиника) писали об «обмене дарами» при «свидании» Африки и Франции. Для Х. Бургибы (Тунис) франкофония обозначала встречу «белой» (арабо-берберской) и «черной» Африки [подробнее: Загрязкина, 2018: 51].

Трактовка разнообразия как относительного явления (*diversité-relation*), по Фёсси, содержит идею движения, *mouvement* [Feussi, 2015: 13]. (Напомним в этой связи более раннюю концепцию Парижской лингвистической школы (начало XX в.) о плавном переходе одних пространственных форм в другие, создающем иллюзию движения. Г. Парис, П. Мейер, Ж. Жильерон отрицали границы диалектов и близкородственных языков и считали сами диалекты произвольной концепцией нашего ума: диалектов нет, есть лишь незаметно накапливающиеся диалектные различия. Сравнения языкового пространства с ковром, цвета которого переходят один в другой, с цепью

людей, из которых каждый понимает своего соседа справа и слева⁶ образно передавали идею перетекания, перемещения.)

Наконец, В. Фёсси связывает фактор *pluralité/множественности* со структурным разнообразием личности и теорией индивидуальных ролей человека. Параллельно эту же мысль высказала французский историк М. Озуф: в разные моменты своей жизни человек может чувствовать себя французом — гражданином Франции, а также бретонцем, исследователем, членом клуба, какой-либо партии, профсоюза или другого сообщества [Ozouf, 2009: 241, 243]. Для В. Фёсси множественность — это свойство личности существовать по-другому (*une possibilité d'être autrement*), изменяться и никогда не быть равной себе: «Люди не существуют, а постоянно становятся, и становятся разными» [Feussi, 2015: 14], ср. также у З. Баумана: «Необходимость становиться тем, кем является человек» [Бауман, 2008: 20].

В этом понимании множественности/разнообразия В. Фёсси отводит большую роль языку: язык — это «символ с метафорическими контурами», который подразумевает интерпретацию, извлечение смысла или смыслов. Нестабильность и инаковость лежат в основе разнообразия, в том числе языкового. Все это приводит к тому, что из трех модальностей в трактовке *diversité/разнообразие* — объективистское сравнение различий; учет смешиваний; понимание структурного разнообразия личности — наиболее обоснованной оказывается последняя [Feussi, 2015: 14, 15]. Таким образом круг замыкается: понятие «множественного человека» Б. Лаира (*l'homme pluriel*) коррелирует с тезисом «относительного разнообразия» В. Фёсси (*diversité-relation*).

Эволюция слов и понятий общего характера *diversité; pluralité* переключается с новациями в кросс-дисциплинарной терминологии, отражающей видение современности как совокупности потоков. Расширяя сферу своего использования за счет смежных, а иногда и далеких, областей, кросс-дисциплинарные термины «перетекают» из одной науки в другую, проникают в СМИ и другие дискурсы. См., например, исследование З.Н. Афинской и А.В. Алтухова о номадическом («кочующем») термине *платформа/platforme*, который используется при трансфере понятий из одной области в другую [Афинская, Алтухов, 2020].

Французский материал предоставляет богатый материал для исследований кросс-дисциплинарных терминов и понятий, характеризующих дискурс современности в разных его аспектах — линг-

⁶ Paris G. Les parlers de France // Revue des patois gallo-romans. V. 2. 1888. P. 162–173.

вистическом, культурологическом, политическом, экономическом, социологическом и др. Французский исследователь М. Бернардо полагает, что «с помощью слов, нарративов и образов [можно] передать процессы ускоренной трансформации социальной, культурной и политической жизни» [Bernardot, 2018: 1]. Среди «слов» и «образов» (Бернардо называет их «ключевыми словами», «метафорами», «понятиями» и «концептами», «терминами») три основных: *mobilité* (мобильность), *hybridité* (гибридность), *liquidité* (текучесть, жидкость). Они представлены в разных дискурсах: научных (гуманитарных и естественнонаучных), общественно-политических, повседневных; они имеют большой коннотативный потенциал и метафорические функции. Взаимодействие ключевых слов объединяет их в единое целое - «глобальную иконическую метафору» (*métaphore iconique globale*): *mobilité*/мобильность побуждает к пересмотру места, положения, статуса; *hybridité*/гибридность изменяет представления о расе, идентичности, норме. *Liquidité*/текучесть угрожает стабильности, постоянству и даже существованию привычной реальности [ibidem: 1–3; 9]. Указание на иконичность отсылает к сенсорному восприятию ассоциаций, связанных со свободным движением, смешениями, текучестью и отсутствием формы.

Все три лексемы являются интернациональными. Возникшие во французском языке, они были заимствованы английским и под влиянием последнего стали использоваться в других языках с разной степенью интенсивности. Так, в русском языке слова «гибридность» и «мобильность» употребляются в более широких контекстах, в то время как лексема «текучесть» («жидкость») общества/структур/институтов и т.д. используется скорее в специальных работах как альтернатива «твердости» структур и границ. См. русский перевод книги «Текучая современность», *Liquid Modernity*, З. Баумана, считавшего *текучесть/жидкое состояние (liquidity)* основной метафорой современности: «Таковы основания для того, чтобы считать «текучесть» или «жидкое состояние» подходящими метафорами, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях нового, этапа в истории современности» [Бауман, 2008: 2].

В отличие от З. Баумана М. Бернардо анализирует совокупность — триаду — лексем и начинает со слова *mobilité* (мобильность) < лат. *mobilis*, «подвижный», «легкий» (< *movibilis* от *moveo*). Идея движения (*mouvement*) была намечена В. Фёсси при трактовке «относительного разнообразия» (*diversité-relation*, см. выше), однако специально этот вопрос он не рассматривал. М. Бернардо обращается к слову и понятию *mobilité*/мобильность, ассоциированным с движением, и показывает эволюцию его употребления. Долгое время лексема использовалась для обозначения перемещения капи-

талов и вплоть до конца XX в. имела неоднозначную коннотацию. Связанная с идеей циркуляции и ускорения, она соотносилась с риском, нестабильностью, угрозой. Постепенно слово расширило сферу употребления и стало ключевым в ряде дискурсов для обозначения перехода от оседлости и фиксированного статуса к глобальному движению [Bernardot, 2018: 4].

Вторая составляющая *hybridité/гибридность* восходит к < лат. < *hybrida*, «смесь». Термин заимствован из биологии, где он использовался для обозначения скрещивания видов и нередко имел (и все еще имеет) уничижительную коннотацию, усиленную в рамках националистических и расовых теорий. Слово стало использоваться в широком контексте, в том числе в повседневной речи, когда за норму принимались «чистые» формы, а гибридные трактовались как «испорченные» и «странные». Эту коннотацию отмечал и В. Фёсси, критикуя идею разнообразия — гибридизации (*diversité - hybridité*, см. выше). Впоследствии слово получило новое — положительное — значение: М. Бернардо отмечает семы креативности, силы и специфичности [op. cit.: 6].

Сходную динамику показывает и лексема *métissage/метисация*, смежная с *hybridité*. Как отметил ранее Ж. Одине, слово *métissage* долгое время было синонимом нестабильности, двусмысленности, «нелегитимного» и «незаконного» перекрещивания, приводящего к рождению бастардов, однако со временем получило значение нового качества, свободы, находки, изобретательности [Audinet, 1999]. По мнению С. Грузински, значения *hybridité* и *métissage*, а также близкого им *mélange/смешение* заключают определенный парадокс: «В принципе перемешать можно то, что еще не перемешано, чистые тела, основные цвета, однородные элементы», на самом же деле «любая система — это постоянный переход от одного вида равновесия к другому, и нет механизма возврата к “норме”» [Gruzinsky, 1999: 36; 54]. Трактовка *hybridité/métissage/mélange*, осуществленная этими авторами, пересекается с интерпретацией *diversité — hybridité* по В. Фёсси.

Liquidité/текучесть, жидкостность завершает триаду М. Бернардо. Восходящее к лат. *liquidus* — «жидкий», «текущий», «разжиженный», «расплавленный», слово стало частотным прежде всего как экономический термин с несколькими значениями: *наличность; ликвидность* как свойство активов быть быстро проданными и др. К концу XX в. оно приобрела статус «базового воображаемого» (выделено нами. — Т.Ю.) [Bernardot, 2018: 7] — общего концепта, обладающего широким полем коннотаций, связанных с отсутствием формы. Глобализация экономики и «американизация» ее словаря (англ. *liquidity, liquid*) способствовало распространению термина

во многих языках. Отрицательные коннотации этого образа отмечал З. Бауман в рамках концепции «текучей современности»: хрупкость, бесправие, бессодержательность, непостоянство; сокращение и текучесть кадров под воздействием экономической глобализации; разрыв социальных связей в контексте индивидуализации потребления; ликвидация институтов вследствие циркуляции капиталов и товаров, иными словами — «расплавление защитной брони» общества и человека [Бауман, 2008: 3].

Между тем М. Бернардо рассматривает слово *liquidité/текучесть* как многополярное. Среди значений французской лексемы и ее производных: а) позитивные, отсылающие к идее свободного развития; б) нейтральные и специальные — *сжигения, ожигения (liquéfaction)*; в) негативные, ассоциированные с *уничтожением, ликвидацией (liquider, liquidation)*. Это метафора широкого значения, содержащую идеи расхода (вытекания), циркуляции, гибкости и обладающая спектром оттенков от свободы, прозрачности, ясности до непрозрачности, непредсказуемости, коррупции и разрушения. Такое развитие лексемы оказалось на пересечении с повседневными представлениями о губительных последствиях военных и разрушительных действий (*liquidation de l'ennemi*, «ликвидация противника») и природных катаклизмов (миграция как *половодье/crue, бушующая волна/déferlante, цунами/raz-de-marée*). Наряду с отрицательными коннотациями отмечаются и положительные, отражающие отношение к мигрантам как динамичным и мобильным участникам экономических отношений [Bernardot, 2018: 8]. В некоторых случаях для уточнения значения *liquidité* используется синонимичная лексема *fluidification/разжижение*, от *fluide/жидкость, текучая среда; текучий*, ср. лат. <*fluidu-*, текучий.

Как уже упоминалось, М. Бернардо объединяет *mobilité-hybridité-liquidité* в единое целое: мобильность, с одной стороны, способствует размыванию, текучести устоявшихся институтов, границ, представлений, с другой — оказывается катализатором развития новых, гибридных форм, идентичностей, языков, культур. Мобильное, долгое время незаметное в оседлых обществах, становится центральным: «потoki победили места, приезжие растолкали местных жителей, пространство и время, сузившееся или ускорившееся, стали подвижными и нестабильными, неясными» [ibidem: 9]. Нестабильность приводит к гибридности, гибридное вытесняет расовое/национальное и генетическое — те принципы, которые структурировали представления об обществе в течение столетий и ставит под вопрос фиксированные идентичности, классификации и границы. Текучее обладает совокупной всепроникающей силой и универсальной способностью создавать образы (жизни, смерти, времени, власти).

Триада обладают «перетекающими», переплетающимися характеристиками и представляет собой множественное единство. В зависимости от модальности рассмотрения М. Бернардо обозначает это множество по-разному: «центральные понятия»; «ключевые слова глобализированной современности», «лингвистический узел тропов», «лингвистический узел постмодерности», «глобальная метафора», «глобальная иконическая метафора», «концептуальный триптих», «метамодель», «гипертекстовый фон», «архитект глобального мира» [ibidem: 3; 9–10]. Каждый отдельно взятый текст отсылает к общему подвижному фону сквозных категорий, типов дискурса, литературных текстов, видов высказываний и т.д. Узел цифровых, ценностных и языковых потоков объединяет коллективное воображаемое с его интерпретацией, инструменты власти с инструментами языка, отражает идеи глобализации и консюмеризма, с одной стороны, и сопротивления и эмансипации от них, с другой. М. Бернардо не выражает своего мнения относительно того, какой из компонентов превалирует, и делает акцент на их взаимосвязи. И все же его анализ начинается с лексемы *mobilité*. Не утверждая, что именно *mobilité/мобильность* является важнейшим компонентом триптиха, отметим широкое распространение этого термина и понятия в дискурсах о языковом образовании (ср. *академическая мобильность студентов/mobilité des étudiants*). На повестке дня рассмотрение идентитарных проблем в контексте академической мобильности, а также самого феномена «иностранный студент». Но это уже тема другой статьи.

В заключение отметим, что дискурс современности содержит идею множественности, которая имеет несколько трактовок и соответствующих им терминов, близких, но не идентичных, принятых в российской и франкоязычной научных литературах: поликультурализм / полилингвизм, мультикультурализм; *pluriculturalisme/plurilinguisme*; *multiculturalisme / multilinguisme* и др.

Идея множественности отражается/формируется в дискурсе комплексом ключевых слов, образующих «лингвистический узел» («глобальную метафору», «метамодель», «гипертекстовый фон», «архитект глобального мира» и т.д.). Можно сказать, что это даже не «узел», который можно было бы развязать, а «клубок», который очень трудно распутать. Лексемы *pluralité, diversité, hétérogénéité, mobilité/immobilité, hybridité/métissage/mélange, liquidité/fluidification*, рассмотренные в статье, связаны между собой множеством переплетающихся нитей. Они перемешиваются, перетекают друг в друга, отражают движение разных потоков — цифровых, ценностных (во всех смыслах этого слова), социальных, языковых и разных

дискурсов — научных, общественно-политических, повседневных; дискурсов о культуре, языке, языковом образовании и др.

На смену глобализации приходят процессы глокализации, и в потоках рассмотренных слов, понятий и концептов можно выделить «отдельную территорию» языкового образования, которая имеет особенности, сформированные или получившие преимущественное развитие именно в этой сфере. Все это побуждает к продолжению исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афинская З.Н., Алтухов А.В.* Номадические термины в процессе циркуляции знания: платформа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 146–153.
2. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
3. *Загряжкина Т.Ю.* Центр и периферия франкофонии: франкоязычная Африка и роль чувства в защите языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018-б. № 4. С. 48–59.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Вариантология как направление в изучении языков, культур и регионов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 22–48.
5. *Иванов Д.В.* От глобализации к постглобализации: анклав дополненной современности и перспективы социального развития // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 3. С. 12–18. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/2019/2019-1-02.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
6. *Тишков В.А., Шабаетв Ю.П.* Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2013.
7. *Трофимова Г.С., Сираева М.Н.* Концептуальные основания поликультурализма как характеристики постиндустриального культурного пространства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2012. № 2. С. 78–83.
8. *Философия во множественном числе /* Сост. и отв. ред. А.В. Смирнов, Ю.В. Синеева. М., 2020.
9. *Audinet J.* Le temps du métissage. P., 1999.
10. *Bernardot M.* Mobilité, hybridité, liquidité: un architecte de la globalisation? // Variations. 2018. № 21. P. 1–16. URL: <https://journals.openedition.org/variations/937> (дата обращения: 10.01.2021).
11. *Bourdieu P.* Le sens pratique. P., 1980.
12. *Feussi V.* Pluralités linguistiques et culturelles : les tendances actuelles de la recherche en sociolinguistique // Cahiers Internationaux de Sociolinguistique. 2014. № 5. P. 5–22.
13. *Ghora-Gobin C., Reghezza-Zitt M.* Entre local et global. Les territoires dans la mondialisation. P., 2016. URL: <https://www.scholarvox.com/catalog/book/88900857?locale=fr> (дата обращения: 10.01.2021).
14. *Glissant Ed.* La poétique de la relation. P., 1999.
15. *Gruzinski S.* La pensée métisse. P., 1999.

16. *Kramsch Cl., Lévy D., Zarate G.* Introduction générale // Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme / Dir. de G. Zarate, D. Lévy, Cl. Kramsch. P., 2008. P. 15–23.
17. *Lahir B.* L'Homme pluriel: les ressorts de l'action. P., 1998.
18. *Ozouf M.* Composition française. Retour sur une enfance bretonne. P., 2009.
19. Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme / Sous la dir. De G. Zarate, D. Lévy, C. Kramsch. P., 2009.
20. *Taylor Ch.* Rapprocher les solitudes. Sainte-Foy, Québec, 1992.
21. Vocabulaire européen des philosophies / Sous la dir. de Barbara Cassin. P., 2009.

Tatyana Yu. Zagryazkina

**PLURALITY IN LANGUAGE AND CULTURE,
OR “LINGUISTIC NODE” OF MODERN DISCOURSE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The study of the phenomenon of plurality / diversity is a relevant topic related to the interaction of language, society and culture cf. the concept of “multiple modernities”; “multiple sociality”; “multiple person”, “plurality of culture and language”, etc. The phenomenon of plurality / diversity in language and culture has several interpretations and terms corresponding to these interpretations, which are close but not identical to those adopted in Russian and French-speaking scientific literature: *pluriculturalism / plurilingualism; multiculturalism / multilingualism; pluriculturalisme/plurilinguisme; multiculturalisme / multilinguisme*. Considering the concepts of D.V. Ivanov, Z. Bauman, B. Lahir V. Feussi, M. Bernardot et al., the article discusses the concept of multiple heterogeneous formations reflected in the language, the components of which do not have clear boundaries and freely flow into one another. The article examines the functioning and interconnection of a number of French lexemes: *pluralité, diversité, hétérogénéité, mobilité, mobiliser, motilité, immobilité, hybridité, métissage, mélange, liquidité, fluidification*. It is confirmed that these lexemes are interconnected and form a “linguistic node”, reflecting / forming the factor of plurality in the discourse about modernity, which is developing in the context of globalization and glocalization. As a research perspective, an assumption is made about the allocation of discrete “territories” in the streams of words, terms and concepts, including the sphere of language education.

Key words: globalization; glocalization; French; culture; plurality; diversity; mobility / immobility; hybridity; crossbreeding; mixing; fluidity; discourse; language education.

About the author: *Tatyana Yu. Zagryazkina* — Dr.habil in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: tati-ana_zagr@mail.ru).

REFERENCES

1. Afinskaya Z.N., Altukhov A.V. 2020. Nomadicheskie terminy v protsesse tsirkulyatsii znaniya: platforma [The heuristic potential of nomadic notions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 146–153. (In Russ.)
2. Bauman Z. 2008. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. Saint Petersburg, Piter. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2018. Tsentr i periferiya frankofonii: frankoyazychnaya Afrika i rol' chuvstva v zashchite yazyka [The center and the periphery of francophonie: French-speaking Africa and the role of feeling in the protection of language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 48–59. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2015. Variantologiya kak napravlenie v izuchenii yazykov, kul'tur i regionov [Variantology in learning of languages, cultures and regions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 22–48. (In Russ.)
5. Ivanov D.V. 2019. Ot globalizatsii k postglobalizatsii: anklavy dopolnennoi sovremennosti i perspektivy sotsial'nogo razvitiya [From globalization to post-globalization: enclaves of augmented modernity and prospects for social development]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], no. 3, pp. 12–18. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/2019/2019-1-02.pdf> (accessed: 10.01.2021). (In Russ.)
6. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. 2013. *Etnopolitologiya. Politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology. Political functions of ethnicity]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. (In Russ.)
7. Trofimova G.S., Siraeva M.N. 2012. Kontseptual'nye osnovaniya polikul'turalizma kak kharakteristiki postindustrial'nogo kul'turnogo prostranstva [Conceptual foundations of polyculturalism as characteristics of post-industrial cultural space]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"*, no. 2, pp. 78–83. (In Russ.)
8. *Filosofiya vo mnozhestvennom chisle* [Philosophy in the plural]. 2020. In A.V. Smirnov, Yu.V. Sineokaya (eds.). Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russ.)
9. Audinet J. 1999. *Le temps du métissage*. Paris, Les éditions de l'atelier. (In French)
10. Bernardot M. 2018. Mobilité, hybridité, liquidité: un architecte de la globalisation? *Variations*, no. 21, pp. 1–16. URL: <https://journals.openedition.org/variations/937> (accessed: 10.01.2021). (In French)
11. Bourdieu P. 1980. *Le sens pratique*. Paris, Minuit. (In French)
12. Feussi V. 2014. Pluralités linguistiques et culturelles: les tendances actuelles de la recherche en sociolinguistique. *Cahiers Internationaux de Sociolinguistique*, no. 5, pp. 5–22. (In French)
13. Ghora-Gobin C., Reghezza-Zitt M. 2016. *Entre local et global. Les territoires dans la mondialisation*. Paris, Le Manuscrit. https://www.scholarvox.com/catalog/book/88900857?_locale=fr (accessed: 10.01.2021). (In French)
14. Glissant Ed. 1999. *La poétique de la relation*. Paris, Gallimard. (In French)
15. Gruzinski S. 1999. *La pensée métisse*. Paris, Fayard. (In French)
16. Kramsch Cl., Lévy D., Zarate G. 2008. *Introduction générale*. In G. Zarate, D. Lévy, Cl. Kramsch. *Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme*. Paris, pp. 15–23. (In French)

17. Lahir B. 1998. *L'Homme pluriel: les ressorts de l'action*. Paris, Nathan, coll. Essais & Recherches. (In French)
18. Ozouf M. 2009. *Composition française. Retour sur une enfance bretonne*. Paris, Gallimard. (In French)
19. *Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme*. 2009. In G. Zarate, D. Lévy, C. Kramsch (eds.). Paris, Editions des archives contemporaines. (In French)
20. Taylor Ch. 1992. *Rapprocher les solitudes*. Sainte-Foy, Québec, Presses de l'Université Laval. (In French)
21. *Vocabulaire européen des philosophies / Sous la dir. de Barbara Cassin*. 2009. Paris, Le Robert-Seuil. (In French)

В.С. Елистратов

**«ДВА ИВАНА», ИЛИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ
БАСЕННЫЙ ДИАЛОГ
(ЛАФОНТЕН И КРЫЛОВ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Басня — древнейший литературный жанр, фундаментально изученный гуманитарными науками, но, вместе с тем, его актуальность в современной жизни очевидна, а перспективы его развития изучены недостаточно. Басня — интернациональный жанр, но он глубоко национален. Сравнительное изучение языков и культур особенно перспективно, если рассматривать их общие основания. Французская и русская басни (Лафонтен и Крылов) наглядная иллюстрация этого тезиса. Используя самые общечеловеческие сюжеты, баснописцы неизбежно развивают самые национально-специфические черты своих лингвокультур. В этом и заключается глубинная диалектика их творчества. Лафонтен и Крылов — одни из ключевых фигур в русской и французской лингвокультурах. Их архетипическое влияние на дальнейшее развитие не только литературных процессов, но и общекультурного диалога Франции и России очень высоко. «Здоровый» дух этих писателей, их «здравый смысл» в самом высоком значении этого словосочетания делают их наследие в высшей степени актуальным в наши дни, когда и русская, и французская культуры в той или иной степени все больше стремятся к так называемым традиционным ценностям. Французский и русский баснописцы своим творчеством как бы выстраивают позитивную перспективу развития наших культур. И сам жанр басни как древнейший литературный жанр в человеческой цивилизации приобретает новый смысл и дает твердую надежду на то, что в дальнейшем диалог культур станет еще более плодотворным.

Ключевые слова: басня; басенный диалог; дидактика; лингвоцентризм; языковая личность; диалог культур; лингвокультура; самоирония; онтология.

О жанре басни написано и сказано очень много, и, разумеется, большая часть из написанного и сказанного весьма оригинальна и ценна.

Елистратов Владимир Станиславович — кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vse.slova@mail.ru).

В нашу задачу не входит освещение огромного филологического — и шире: лингвокультуроведческого — «басневедения».

Тем не менее мы можем констатировать тот факт, что басня, несмотря на, казалось бы, доскональную ее изученность, остается большой тайной (загадкой, величайшей энигмой культурологии). Практически по любому вопросу относительно басни можно найти диаметрально противоположные ответы.

Взять хотя бы фундаментальную проблему происхождения этого жанра. Что было первичным (ср. так называемый центральный вопрос европейской философии о первичности материи или сознания) — мораль, которая по сути является фразеологизмом-паремией (половицей, афоризмом, греческим гноме и т.п.), т.е. в конечном счете языковой единицей, или же эпическое, повествовательное начало, т.е. «большой текст», восходящий к мифу. Басня — это путь от Слова к Мифу или от Мифа к Слову? Согласимся, фундаментальнейшая проблема.

Все определения басни в обязательном порядке включают словосочетание «дидактический жанр». Но все работы об Эзопе, Федре, Лафонтене или Крылове тут же вам скажут, что величайшие баснописцы мира крайне отрицательно относились к дидактизму. «Крылов» и «дидактизм» (поучение, наставление) — это антонимы (ситуативные, разумеется, как его хрестоматийные «слон» и «моська»). Да и Лафонтену принадлежит почти крылатое выражение — «голая мораль наводит тоску».

Басня — предельно антиномичный, а значит — диалектический жанр. В басне, если использовать китайскую терминологию, всегда сочетается множество сюжетно-языковых «инь» и «ян».

Басня — это то самое сакраментальное «дао», главным качеством которого является его принципиальная неопределяемость. Кстати говоря, очень много сказано об индоевропейской басенной стихии и намного меньше о китайской и других неиндоевропейских баснях, тогда как та же китайская культура насквозь пронизана басенными архетипами.

Такая диспропорция понятна: басня на Западе и у нас изучалась преимущественно в рамках сравнительно-исторической филологии. А греческая басня и китайская — это что-то как бы из области филологии контрастивно-конфронтативной. Но это не так. Басня предельно интернациональна.

Лучшие басни мира отражают глубинную структуру человеческой психологии, которую можно назвать *самоироничным здравым смыслом*, а это как раз то, что объединяет лучшие умы человечества, будь то И.А. Крылов, Ж. де Лафонтен или Чжуан-Цзы.

Крупнейшими баснописцами нового (да и новейшего) времени являются француз Жан де Лафонтен, русский Иван Андреевич Крылов. Было и множество других русских и французских баснописцев и баснописцев в других национальных культурах. Но по масштабу влияния с этими двумя людьми сравниться не может никто.

В чем причина?

Разумеется, причин множество. Можно говорить о «масштабе талантов» («гениальности»?). Можно — о художественном мастерстве. Все это в высшей степени верно.

И все же, как нам кажется, существуют и некие, изъясняясь в рамках философского дискурса, онтолого-метафизические причины. Конечно, здесь мы идем по пути индукции, всегда опасного обобщения. Но, на наш взгляд, именно в данном случае необходим элемент «индуктивного риска».

Начнем с того, что Франция эпохи Лафонтена (Людовик-Солнце и т.д.) и Россия эпохи Крылова-баснописца (колоссальный взлет империи при Екатерине II, Александре I и Николае I) — вершинные, «акматические» точки развития этих культур. Что еще объединяет Францию XVII и Россию начала XIX в. (Крылов, кстати, парадоксальным образом почти всегда идет в разделе «русская литература XVIII века», хотя вершина его «басенной славы» приходится уже на XIX в.)? Прежде всего отчетливый лингвоцентризм.

Архитектура, музыка и т.д. — все это прекрасно. Но, говоря современным языком, «рулит» везде и во всем Слово. Монархи покровительствуют поэтам, писателям, драматургам (или — не покровительствуют, как не очень покровительствовал Людовик Лафонтену). Кругом, как говорится, «свирепствует цензура» (или вдруг — не свирепствует, как, к примеру, по отношению к дерзкой крыловской басне «Вельможа», что крайне странно). Абсолютизм и лингвоцентризм обязательно идут вместе, неизменно сопровождаемые басней. А такого абсолютизма и лингвоцентризма, как во Франции — XVII и России — XVIII в. в Европе не было больше нигде. И соответственно — «баснецентризма» тоже.

Для аналогии.

Нигде в мире в XX в. жанр басни так не расцветал, как в СССР. Крупнейший баснописец советской эпохи С. Михалков, он же детский писатель и автор гимна страны (он же — драматург, сценарист, разумеется, крупный функционер и т.д.). И опять же речь идет об эпохе абсолютизма в его новом исполнении и крайне напряженного лингвоцентризма, когда «поэт в России больше, чем поэт» (в наши дни, перефразируя известный афоризм Е. Евтушенко, «поэт в России меньше, чем кассир») и т.д., т.е. когда Слово максимально сакраль-

но — как в положительном, так и в отрицательном смысле: это уже как захочет абсолютизм с его пониманием лингвоцентризма «здесь и сейчас».

Любая напряженная абсолютистско-лингвоцентрическая эпоха неизбежно требует «клапана», «отдушины», говоря фрейдистским языком, сублимации.

Ей нужно что-то в высшей степени человеческое, естественное, теплое, что встало бы между абсолютистской пассионарностью и пассионарностью лингвоцентричности «творческих масс». Чтобы появился какой-нибудь умиротворяющий «вселенский» афоризм. Тут-то и должны появиться гениальные баснописцы как мудрые «исполнители» древнейшего жанра на земле — басни, синтезирующего все «инь» и «ян» Бытия, дающего естественный ход развития «Дао», не позволяющего всей политико-социокультурной системе «лопнуть от напряжения».

Лафонтен и Крылов и явились такими французским и русским «даосами», которые уже при жизни превратились в живые воплощения народной мудрости, идеального национального «бренда».

Здесь важен еще один ключевой момент. Баснописец — это не просто автор басен. Это — абсолютно живой человек с его причудливой биографией, легендами вокруг его жизни и проч. Баснописец всегда — «сосуд апокрифов». «Просто» авторы басен «лингвоцентричной общественности» не нужны. Ей нужны живые, желательные, соответствующие пристрастиям данной лингвокультурной общественности персоны. И оба баснописца идеально ложатся в этот этнокультурный ландшафт. Они — абсолютные *национальные* типы. Говоря по-шукшински: *чудики*.

Лафонтен — «обормот», «гуляка», якобы не узнающий даже своих собственных подросших детей. Это не нравится — по законам абсолютизма — Людовику, не нравится всем остальным. Огромное количество сплетен, интриг, слухов, домыслов, анекдотов.

То же и с Крыловым. Только здесь свой национальный оттенок: Емеля на печи. Якобы он все время спит или дремлет, объедается всем, в том числе и блинами (отчего — по апокрифу — и умер) и т.п. Все это — из фольклора. И страшно привлекательно для «масс».

«Стопроцентный француз» Лафонтен и «стопроцентный русский» Крылов налицо. Их объединяет и важнейший лингвистический момент: насколько они естественно-непредсказуемы в жизни, настолько же они и естественно-непредсказуемы в языке. И Лафонтен и Крылов — это вершины такой непринужденности в свои эпохи. Да, у французов потом появится Бомарше, у нас — Грибоедов с Пушкиным. Но на тот момент естественность и непринужденность Лафонтена и Крылова были непревзойденными.

Это то, что онтологически роднит Лафонтена и Крылова. Но оба эти идеальные «исполнения» народного духа имеют и существенные различия.

Лафонтен, при всей его индивидуальной оригинальности и самобытности, все же остается человеком, поэтом и драматургом эпохи рационализма и классицизма. И заметим: именно в эту эпоху Франция находится в своем «акме» и является мощнейшей державой Европы, а французская культура — эталоном для всех европейских культур. Да, «шлейф» этой «эталонности» будет тянуться и в XVIII, и XIX вв. Надлом французской пассионарности (здесь терминологию Л.Н. Гумилева мы используем, как говорится, в рабочем порядке) произошел во времена Великой французской революции и особенно при Наполеоне, который, будучи великим человеком, тем не менее надорвал силы французской нации. Об этом очень убедительно писал, в частности Стендаль.

Но — возвращаясь к Лафонтену и рационализму. Случайно ли получилось так, что Франция достигла своего пика именно в эпоху рационализма? Конечно же, нет! «Острый галльский смысл» (по выражению А. Блока) имеет в своей, опять же, онтолого-метафизической подоснове именно мощнейшее рациональное начало. Французы в первую очередь — рационалисты в самом лучшем, апологетическом смысле этого слова. Французский романтизм, сентиментализм (за исключением женева Руссо) куда слабее, скажем, немецкого или английского. И это понятно. Французы дали миру, например, Декарта. Они же дали миру Лафонтена. Кажется, на первый взгляд, странно ставить рядом Лафонтена и Декарта. Но оба они — воплощения настоящей стихии французского, «острого галльского» разума, рацию, в первую очередь — жизнеутверждающего. Сколько бы уже в XX в. Сартр не писал про «Тошноту», Фуко про то, что «человек умер, остались структуры», все равно рационально-жизнеутверждающая стихия Лафонтена будет доминировать во французском менталитете.

Басни Лафонтена очень строго, рационально выстроены. Об этом писали многие исследователи его творчества. Можно сказать, что они выстроены строго математически (ни одна нация, кстати, не дала миру такого количества выдающихся математиков, как французы). Его басни классицистичны (рационалистичны, аналитичны) в самом высоком смысле. Чего нельзя сказать о баснях Крылова. Крылов — никак не «классицист», не «сентименталист», не «романтик» и даже не «реалист». За свою жизнь видел все эти «измы» и прошел через их влияние. Родившись в год смерти Тредьяковского, он пережил на восемь лет Пушкина. Он жил в эпоху колоссаль-

ной компрессии различных художественных методов, а значит — и мировоззрений. Такая напряженная калейдоскопичность, синтетический драматизм эпохи — это и есть стихия Крылова, она же — в высшей степени русская стихия, стихия живого «драматического синтеза». Неслучайно все пишут о том, что Крылов сделал из басни «сценку», т.е. драматическое произведение «иронично-лукавого» характера. Здесь у него были предшественники, хотя и не жанра басни (Эмин, Чулков, Плавильщиков и др., так называемая слезная комедия).

В баснях Крылова есть то, что Пушкин назвал «веселым лукавством ума, насмешливостью и живописным способом выражаться», причем — с глубочайшим мировоззренческим подтекстом. Не будет преувеличением сказать, что Крылов продолжает линию русского скоморошества — с одной стороны, и юродства — с другой. Он как бы «мудро дурачится», «балбесничает», в первую очередь — в языке. Надо сказать, что именно эта стихия, «лингвоцентричность» Ивана-дурака — скомороха-юродивого свойственна многим русским классикам: Гоголю, Лескову, Достоевскому, Чехову. Главная единица стиля здесь — так называемая произвольная, или детская, метафора (иногда ее называют инопией). В мировой культуре такие феномены встречаются не так часто. Судя по всему, в подобных «лингвистических дурачков» играли греческие киники, мусульманские дервиши, китайские чань-буддисты (соответственно — японские дзен-буддисты). У французов это что-то типа актеров Луи де Фюнеса и Пьера Ришара, некоторых французских шансонье (например, Ж. Brassens с его нарочито серьезной «придурковатой» карнавальностью и др.). И все же — «французские дурачки» — периферийные персонажи.

Заметим, что знаменитый карнавальный роман Рабле — в высшей степени серьезное, рациональное творение, можно сказать — научный трактат, хотя и со всеми комико-риторическими атрибутами.

И еще один момент. На наш взгляд, понятие «заимствования» (например, сюжетов) в сфере басни совершенно неприемлемо. Басня есть интернациональный архетип. Крылов ничего не «заимствовал» у Лафонтена, как и Лафонтен — у Эзопа. Басня — это как колодец, из которого все вольны брать воду и делать с этой водой все, что они хотят. Является ли, к примеру, «заимствованием» у Крылова басня Н. Эрдмана и В. Месса «Ворона и сыр»?

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру.

Читатель скажет: Бога нет!

Читатель милый, ты придира.

Да, Бога нет. Но нет и сыра.

Басня — как двуликий Янус: с одной стороны — исторична (см., например, советскую басню С. Михалкова «Рубль и доллар»), с другой — принципиально внеисторична, она — словно шарообразная и неизменная Алетейя Парменида. В одну и ту же басню, как по Гераклиту, нельзя войти дважды. И вместе с тем — нельзя войти в одну басню, не войдя в другую. Басня абсолютно интернациональна и в то же время неизбежно национально специфична. Таково ее диалектико-метафизическое «дао». И лучшими иллюстрациями этого факта являются тексты русско-французских «двух Иванов» (или «двух Жанов» — как угодно) Жана Лафонтена и Ивана Крылова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bunnet V.B.* Формирование классицизма во французской поэзии начала 17 века. М., 1967.
2. *Bury E.* L'esthétique de La Fontaine. P., 1995.
3. *Duchêne R.* Jean de La Fontaine. P., 1990.

Vladimir S. Elistratov

“TWO IVANS”, OR RUSSIAN-FRENCH FABLE DIALOGUE (LAFONTAINE AND KRYLOV)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Fable is the oldest literary genre, fundamentally studied by the humanities, but, at the same time, its relevance in modern life is obvious, and the prospects for its development have not been sufficiently studied. Fable is an international genre, but it is deeply national. A comparative study of languages and cultures is especially promising if we take into consideration their common foundations. French and Russian fables (La Fontaine and Krylov) are a clear illustration of this thesis. Using the most common universal subjects, fabulists inevitably develop the most nationally specific features of their linguistic cultures. This is the deep dialectic of their creativity. Lafontaine and Krylov are one of the key figures in Russian and French linguocultures. Their archetypal influence on the further development of not only literary processes, but also the general cultural dialogue between France and Russia is very strong. The “healthy” spirit of these writers, their “common sense” in the highest sense of this phrase make their heritage highly relevant today, when both Russian and French cultures in some way are increasingly striving for so-called traditional values. The French and Russian fabulists with their creativity seem to build a positive perspective for the development of our cultures.

Key words: fable, fable dialogue; didactics; linguocentrism; linguistic personality; dialogue of cultures; linguoculture; self-irony; ontology.

About the author: *Vladimir S. Elistratov* — PhD in Philology, Dr.habil in Culturalology, Professor at the Department of Area Studies of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vse.slova@mail.ru).

REFERENCES

1. Vipper V.B. 1967. *Formirovanie klassicizma vo frantsuzskoy poezii nachala 17 veka* [Formation of classicism in French poetry in the early 17th century]. Moscow. (In Russ.)
2. Bury E. 1995. *L'esthétique de La Fontaine* [Lafontaine aesthetics]. Paris, Sedes.
3. Duchêne R. 1990. *Jean de La Fontaine* [Jean de la Lafontaine]. Paris, Fayard.

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

Л.И. Богданова

ОЦЕНКИ И ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛОВ ‘СТЫДА’¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья продолжает серию публикаций, посвященных «активной» грамматике русского языка. Грамматика «активного» типа, включенная в социокультурный контекст, создает возможность для выявления и описания закономерностей выбора тех или иных форм актантов в зависимости от значения, которое стремится выразить говорящий (пишущий) субъект. Изучение синтагматического поведения глаголов проводится от значения глагола к способам оформления актантных позиций. Данная работа посвящена выявлению роли оценочного компонента значения глаголов с общим значением ‘стыд’ в реализации их синтагматических свойств в рамках актантной структуры. Цель статьи — показать, как отрицательная оценка субъектом своих поступков влияет на способ обозначения глагольных актантов. Анализ актантной структуры глаголов ‘стыда’ показал, что негативная самооценка требует особой расстановки актантов, один из которых является объектом оценивания, а второй — обозначает свидетеля, реального или потенциального очевидца неприятного для субъекта события. Способ оформления этих позиций зависит от значения глагола, от характеристик самих объектов и от понимаемой в культуре «позиции ответственности» как позиции для лица или группы лиц, в социальной иерархии занимающих более высокое положение, чем субъект. Таким образом «статусный» характер русской культуры находит косвенное выражение в заполнении актантных позиций при рассматриваемых глаголах.

Ключевые слова: актантная структура; глаголы со значением ‘стыд’; грамматика «активного» типа; негативный оценочный компонент; лексика и грамматика.

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: libogdanova1@mail.ru).

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором на пленарном заседании Международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», МГУ имени М.В. Ломоносова, ФИЯР, 17 ноября 2020 г. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Язык, как известно, передает человеку знание ценностей, норм мышления и социального поведения. Как особый способ концептуализации знаний о мире, он способен отражать «коллективную философию» его носителей. При этом транслятором знаний о мире может являться не только лексика, но и грамматика. Лексика и грамматика дополняют и уточняют друг друга в отражении и передаче ценностных установок культуры.

Рассмотреть проблему взаимодействия лексики и грамматики становится возможным на примере взаимообусловленности значения глагола и глагольной сочетаемости. Изучение оценочных характеристик внутри актантной рамки глагола помогает частично эксплицировать запечатленное в языке отношение человека к себе, к другим людям, к миру. Запросы практики побуждают искать новые способы представления глагола в русской грамматике. К настоящему моменту всё более очевидной становится потребность в создании грамматики для «активных» речевых действий [Милославский, 2018]. Построение грамматики «деятельного» типа — применительно к русским глаголам — может быть основано на актантной теории [Теньер, 1988], реализующейся на уровне предикатных слов. Актантная рамка глагола — это своего рода окно в мир взаимоотношений актантов, среди которых в данном исследовании особенно значимыми оказываются субъект, объект и адресат-наблюдатель.

Семантическими признаками, обладающими объяснительной и предсказуемой силой, нередко оказываются оценочные значения, связанные с теми или иными культурными ценностями. Такого рода оценочно-ценностные значения формируют субъективный компонент семантики глагола.

Субъективный фактор оказывается особенно значимым при рассмотрении глаголов, обозначающих эмоциональное состояние, связанное с самооценкой, с отношением к себе, к своим поступкам и качествам. Самооценка предполагает два эмоциональных полюса, которые выражают положительное или отрицательное отношение к себе. Предметом анализа в настоящей работе является отрицательная самооценка, которая в целом может быть охарактеризована как недовольство собой.

Недовольство собой считаем продуктивным состоянием человека, ведущим его к самосовершенствованию, к нравственному формированию личности. Как писал Лев Толстой, «недовольство собой есть необходимое условие разумной жизни»²: только оно побуждает к работе над собой. Осознание своей неправомерности, предсудитель-

² НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.11.2020).

ности своих поступков выражается отчетливее всего в таком чувстве, как *стыд*. Стыд, наряду с совестью, является внутренним нравственным регулятором поведения человека. Утрата чувства стыда связана, как правило, с ослаблением межличностных отношений, с угасанием значимости мнения коллектива, с усилением тенденции к развитию индивидуалистических настроений.

В культурной антропологии и социологии принято выделять так называемые культуры стыда, к которым относят восточные культуры (сюда же включают и некоторые славянские культуры), и «культуры вины», представленные преимущественно западными культурами, особенно протестантскими. Такое противопоставление культур во многом условно, поскольку «чувство стыда универсально», различны лишь его проявления [Гергилов, 2016: 176]. Чувства вины и стыда нередко взаимообусловлены, что подтверждает следующий пример³: *Я выпустил её, и она умчалась, а я остался с сознанием своей вины и жгучего стыда* (В.Г. Короленко).

Последнее время всё чаще можно слышать призывы психологов поднимать самооценку и даже избавляться от стыда, который стал восприниматься как фактор разъединения людей⁴. Однако стыд как феномен, ориентированный на реакцию общества, продолжает выполнять психосоциальную функцию, связанную с регулированием поведения, управления поступками. Как отмечал Л. Блумфилд, изучение языка должно стать «тем плацдармом, где наука впервые укрепится в понимании человеческих поступков и управлении ими» [цит. по: Звегинцев, 1968: 20].

Рассмотрим, как идея ‘стыда за себя перед Другими’ представлена в лексикографических источниках.

По данным этимологических словарей⁵, *стыд* (первоначально *студь*) происходит от *студить*, *стыть*, т.е. переживание стыда метафорически осмыслялось ранее как ощущение **холода**. Значение ‘то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть’ объясняло и холод в физическом смысле, и стыд — в нравственном понимании.

Постепенно исчезающая внутренняя форма слова *стыд* говорит нам о том, что от стыда полагается *холодеть*, однако анализ материала показывает, что такое употребление не столь частотно: ... *Гусев весь холодел. Не от страха — от стыда.* (О. Дивов). Гораздо чаще говорят: *жгучий стыд, гореть, пылать от стыда*:

³ Здесь и далее примеры из НКРЯ.

⁴ Почему стыд делает нас изгоями, а совесть — объединяет? [Электронный ресурс]. URL: www.psifact.mirtesen.ru (дата обращения: 01.11.2020).

⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999.

На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо, **сгорая от стыда и смущения**, заговорил, заикаясь... (М.А. Булгаков); *Вышла тогда Вера Николаевна из редакции, пылая от стыда* (В.М. Шапко).

Таким образом, вопреки внутренней форме, от стыда становится жарко, а не холодно: *Ему было жарко от стыда* (М. Петросян).

В толковом словаре С.И. Ожегова⁶ *стыд* представлен в двух значениях: 1) 'чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины'; 2) 'позор, бесчестье'.

В БТС⁷, помимо уже отмеченных значений, выделяется важное в ценностном понимании значение: 'чувство моральной ответственности за своё поведение, поступки'.

В словаре В.И. Даля⁸ *стыд* (*студь*) рассмотрен более детально. В первом значении это 'чувство или внутреннее сознание предосудительного, уничиженье, самоосужденье, раскаянье и смиренье, внутренняя («нутряная») исповедь перед совестью' (1). В качестве второго значения В.И. Даль предлагает следующий синонимический ряд: *срам, позор, посрамленье, поругание, униженье в глазах людей; застыванье крови от унижительного, скорбного чувства* (2). Стыду как нравственному чувству (1) противопоставлены следующие качественные проявления: *бесстыдство, наглость, нахальство, бессовестность, разврат*. Стыду как позору и унижению (2) противостоят *почести, почёт, честь (людская), слава*.

Словарные толкования *стыда* как нравственного чувства не содержат прямых указаний на то, как это чувство оценивается обществом. Чаще всего положительная оценка стыда обнаруживает себя через отрицательную оценку противоположных качеств, таких как *бесстыдство, бессовестность, нахальство*. Особенно ярко это проявляется в отрицательной оценке людей, не способных смущаться, стесняться, стыдиться, на что указывают слова с негативным оценочным компонентом: — *Конечно! — не смутился молодой нахал* (Е. Сафронова). О бессовестном, наглом, игнорирующем нравственные правила человеке обычно говорят с порицанием: *Ни стыда, ни совести у него; Нет в глазах стыда у него. Стыд совсем потерял!*

Не потеряли актуальности выделяемые В.И. Далем виды стыда: прямой стыд и ложный стыд, при этом *прямой стыд* — это 'наружное проявление совести', т.е. «чувство, которое возмущается при всяком нравственном нарушении непорочности, целомудрия и за-

⁶ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

⁷ БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

⁸ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1999.

мыслов разврата», а *ложный стыд* — это ‘стыд суетности, тщеславия — досада, негодование на изобличенье, на нарушение пустых или превратных светских понятий’.

Из этих толкований следует, что стыд сигнализирует о нарушении норм нравственности или установленных в обществе правил. Тем самым стыд обнаруживает эти нормы и правила, что также может быть предметом исследования.

Дефиниции слова *стыд* не включают характеристики его внешнего проявления, которые важны для понимания природы стыда. Анализ данных НКРЯ показал, что чувство стыда может иметь различные симптомы, сводящиеся к тому, что человек хочет стать незаметным, отводит взгляд, отворачивается, краснеет, стремится прервать контакт с травмирующим окружением и т.п.: *Двойник словно от стыда прикрыл лицо руками* (А. Иванов); *Он вжался ... в сиденье, весь красный от стыда и страха...* (А. Азольский); *От стыда я готов был бежать прочь* (В. Бурлак).

Интенсивность переживания стыда получила в русском языке устойчивый характер. Значение ‘испытывать сильный стыд’ выражается с помощью следующих средств: *гореть, сгорать от стыда (со стыда), умирать от стыда, провалиться сквозь землю от стыда* и др.: *Пришлось корчить из себя дурака. Чуть от стыда не умер.* (А. Геласимов); *От стыда я готов был провалиться сквозь землю* (М. Шишкин).

Анализ значения слова *стыд* позволяет предположить, что обобщенный сценарий возникновения и развития этого чувства предполагает трех участников: 1) субъект — тот, кто переживает стыд; 2) объект или причина стыда — плохой поступок субъекта или лица, близкого субъекту; 3) адресат-свидетель — лицо или группа лиц, общность, люди, которые оценивают поступки человека.

Общий компонент ‘стыд’ (разной степени интенсивности) является в следующих глаголах: *стыдиться, стесняться, смущаться, тушеваться, конфузиться, совеститься, краснеть* (включая их дериваты: *застыдиться, постесняться, стушеваться, сконфузиться* и др.), сюда же относятся аналитические конструкции типа *испытывать неловкость, смущение, прийти в замешательство* и др.

Негативная «внутренняя» самооценка, присущая данным глаголам, требует оформления актантной рамки следующим способом: **кто / чего (за что) / перед кем:** *стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться, смущаться, конфузиться чего-н. перед кем-н., тушеваться перед кем-н., испытывать неловкость за что-н. перед кем-н. и т.п.*

Ситуации стыда, стеснения, смущения чаще всего приводят к оформлению объектной позиции, если она оказывается необходимой, с помощью родительного падежа без предлога: *стыдиться своей внешности, стесняться своей бедности, совеститься своего поведения*. Лексическое наполнение объектной позиции позволяет обнаружить, чего именно люди стыдятся: *Он стыдился этой связи, но она была удобна* (И. Грекова); *... он совестился про себя этой внезапно наступившей скуки жизни* (А.П. Платонов); *...[он] не стесняется своего поражения, он посмеивается, разглядывая те проигранные Зубру схватки* (Д. Гранин).

Проанализированный материал обнаруживает связь эмоций 'стыда' и 'страха', которая проявляется на синтагматическом уровне. Стыд в своей основе воспринимается как страх отвержения обществом. Когда человек чего-то боится, он стремится отторгнуть от себя этот пугающий объект. Так и человек в состоянии стыда отчуждает от себя то, что причиняет ему мучения или дискомфорт. И в этом плане показательно, что объектная позиция и при глаголах 'страха', и при глаголах 'стыда' оформляется одинаково — с помощью родительного падежа без предлога: *опасаться инфекции / стыдиться болезни, бояться экзаменов / стесняться полноты*. Ср.: *Он не волновался, не стыдился своих недавних слёз, не страшился своей судьбы, не хотел хорошего исхода* (В. Гроссман).

Объектное значение при глаголах, описывающих эмоциональное состояние, всегда осложняется причинным значением, поэтому закономерно, что объектная позиция может быть оформлена и с помощью прямого указания на причину такого состояния: *стыдиться, смущаться, стесняться из-за чего*: *От начальника не укрылся этот её жест стыда, и он решил, что она стесняется перед ним из-за своих ложных показаний* (Фазиль Искандер).

Если речь идет о стыде за ситуацию, которую субъект способен контролировать (слова, поступки, действия), то становится возможным оформление объектной позиции с предлогом *за* (*стыдиться своих слов и стыдиться за свои слова*): *И, конечно, сконфузился за свою неловкость* (Г. Полонский).

Если в объектной позиции при глаголе представлен неотчуждаемый объект, то на употребление предлога *за* накладывается запрет. Нельзя сказать: **он стыдился за свою внешность, за свою болезнь, за свои руки, ноги и т.п.*:

Он натягивает простыню (стесняется своего большого и жирного тела)... (В. Маканин);

Сижу перед тобой почти голая, но почему-то застеснялась именно ног, пальцев. (М. Шишкин);

... она вдруг **застыдилась своих** измазанных рук и быстро спря-
тала их за спину (Фазиль Искандер);

И моргал он ими постоянно... — будто **совестился глаз своих**
(Е.И. Замятин).

Стыд за другого человека, входящего в «личную сферу» субъекта [Апресян, 1995], за его предосудительное поведение, недостойные поступки, во многих языках получил обозначение в виде устойчивых словосочетаний или специальных лексем: *vergüenza ajena* (исп.) — в значении ‘стыд за других’; *Spanish shame* (англ.) — букв. ‘испанский стыд’ (в значении ‘смущение, стыд за другого’), *fremdschämen* (нем.) — ‘стыдиться за другого’. В русском языке, наряду со сленговым обозначением *кринж* (в американском сленге его буквальное значение: ‘съёживаться, содрогаться’), *испанский стыд* также получает распространение при обозначении стыда за слова и поступки другого человека (иногда его называют также «эмпатический стыд»). На уровне грамматики такое значение, как правило, требует оформления объектной позиции с помощью предлога **за**:

С одной стороны, ему стало стыдно за бестактный приезд сестры, стало стыдно **жгучим**, удручающим **стыдом за другого** (А.И. Куприн);

...и **за дочь она застыдилась**, и своей, и колхозной захудалости (Г.Е. Николаева).

Позиция объекта при глаголах ‘стыда’ далеко не всегда бывает востребована: причина стыда, смущения или неловкости, как правило, проясняется благодаря ситуации или вообще не требует особого пояснения: *Это было нехорошо, некрасиво. Срывался, потом страдал, стыдился* (Д. Гранин); *Тот, кто их записывал, совестился, извинялся...* (В.П. Авенариус); *Думает не о себе, а о нем. И как по-девичьи застеснялась!* (Л. Зорин).

Оценка субъектом самого себя, своих действий, поступков, качеств, возможна только на фоне зримого или незримого присутствия Другого. Человеку важно сравнивать себя с другими людьми, ориентироваться на мнение других. Для обозначения позиции адресата — позиции наблюдателя, «позиции ответственности» — в русском языке выработан особый способ грамматического оформления: **перед кем-н.** Ср. *отвечать за что-то перед кем-то, нести ответственность перед кем-то* и др.

Оформление этой позиции маркирует более высокий статус лица (лиц), перед которым субъект отчитывается за свои ошибки, что демонстрирует также и «статусный» характер русской культуры с высокой вертикальной дистанцией [Hofstede, 1991].

В актантной рамке глаголов 'стыда' могут быть одновременно представлены обе позиции: объекта-причины и позиция адресата-арбитра:

*Но теперь он чувствовал, что **стесняется перед дочкой своей работы*** (Д.Н. Гуцко);

*... я же не познакомил бы Штейна со своей матерью, ибо **совестился бы перед Штейном за свою мать*** (М. Агеев);

— ***Чего стыдиться? Перед кем стыдиться?*** (К. М. Станюкович).

Позиция адресата-наблюдателя сохраняется и при отсутствии объектной позиции:

*... некого было бояться и даже **не перед кем стыдиться*** (О. Павлов);

*Кажется, я теперь единственный человек, кого она почему-то не стесняется, **перед кем не конфузится**, не краснеет и не извиняется...* (Ф. Кнорре).

Позиция адресата может быть представлена метонимически в том случае, когда акцент делается не на человека как такового, а на его интеллектуальные или моральные качества: *Он полагал, что Софья **смущается перед его умом и его знаниями** и что никакой сердечной привязанности тут не может быть.* (Е.П. Карнович); *В первое мгновение этот человек **смущается перед полнотой доброжелательного внимания**, ему кажется, что богатства его ума и души преувеличены, не стоят такого внимания* (Фазиль Искандер).

Позиция адресата может формально не замещаться, но семантически она всегда значима, поскольку без взгляда со стороны невозможно до конца себя понять и оценить: *И когда пришёл Михаил Михайлович, позвал посмотреть на работы, Таня **застыдилась и подозрений, и своей мелочности*** (С.Ф. Буданцев).

Примечательно, что в том случае, если отрицательная оценка полностью затрагивает субъекта, оценивающего себя самого, то субъект оценки может выполнять в актантной рамке функцию и объекта, и адресата:

*Карл Адамович пил сперва нехотя; потом... уже не переставая пил ... по целой неделе, пока, наконец, **вытрезвившись, совестился самого себя...*** (М.С. Жукова) — объект оценки;

*Да не то противно, что нашалил, — **skonфузился Цахилганов перед самим собою...*** (В.Г. Галактионова) — адресат.

Особую группу внутренней самооценки представляют собой глаголы и фразеологические глагольные единицы разной стилистической маркированности со значением 'моральной неудачи': *срамиться / осрамиться, оскандальиться, ославиться, оконфузиться, сплеховать, оплошать, опростоволоситься* (разг.), *замараться, скомпрометировать себя, ударить в грязь лицом, потерять лицо, сесть в лужу перед кем-н.* и др.

Эти глаголы, как правило, не открывают позицию для объекта негативной оценки. В позиции адресата может быть как отдельная личность, так и группа лиц, обладающих определенным социальным, семейным, интеллектуальным, моральным или гендерно значимым статусом: *Никто не хотел ударить в грязь лицом перед столичными гостями* (С.В. Ковалевская); *И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своею красотой, парадной и кокетливой дамой, — как он опозорился перед ней!* (Б. Хазанов).

Собранный материал позволяет предположить, что степень морального падения может осознаваться субъектом тем страшнее для него, чем больше было свидетелей его позора, поэтому *опозориться перед начальником*, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее значительным событием, чем *опозориться перед коллегами, коллективом, перед людьми*, поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая несоизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо [Богданова, 2018]: *Тут только одна дума: не опозориться перед товарищами* (М. Беляев); *Все хотят быть обеспеченными, чтобы не ударить в грязь лицом перед белым светом* (Сельская новь, 2003.11.11); *Как всякого неопытного преподавателя меня угнетало сознание недостаточной подготовленности и пробелов в знаниях, и я до смерти боялся каверзных вопросов, какие бы могли меня оконфузить перед всем честным народом* (О.В. Волков).

Однако в исключительных случаях значимость одного или нескольких человек, особенно важных для субъекта, может превысить мнение коллектива, даже мнение всего общества: *И мне опозориться перед этими людьми — насмешить, стать любимцем 10 миллионов каких-нибудь, но опозориться перед Игорем Иртеньевым, моим другом — да?* (А. Клейн, В. Шендерович).

Итак, обращение к сфере самосознания личности позволило выделить группу глаголов, выражающих общую идею недовольства собой, своими поступками. Негативная самооценка характеризует семантику глаголов, включающих компонент 'стыд' (*смущаться, стесняться, конфузиться, стыдиться, совеститься*). Умение оценивать себя критически, способность стыдиться, стесняться, положительно оценивается русским социумом. Следует отметить, что в нравственной жизни человека отношение к поступкам нередко оказывается важнее самих поступков. Негативная самооценка, отраженная в семантике рассматриваемых глаголов, указывает на характер их синтагматического поведения, что косвенным образом связано с русской ментальностью в ее проекции на способ концеп-

туализации объектов. Самооценка, представленная в значении глаголов, требует для своей реализации «взгляда со стороны» — позиции адресата, понимаемой как «позиция ответственности», которая в русской культуре осмысливается как позиция для лица или группы лиц, занимающих в разных видах иерархии (социальной, семейной, интеллектуальной или моральной) более высокое положение, чем субъект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные работы: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
2. *Богданова Л.И.* Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
3. *Гергилов Р.Е.* Стыд. СПб., 2016.
4. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
5. *Милославский И.Г.* О лингвистических источниках для обеспечения производства речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 21–36.
6. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. Вступ. статья и общ. ред. В.Г. Гака. М., 1988.
7. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. L., 1991.

Liudmila I. Bogdanova

ESTIMATES AND VALUES IN THE STRUCTURE OF VERBS WITH THE MEANING OF ‘SHAME’

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article continues the series of publications on the “active” grammar of the Russian language. The grammar of the “active” type, included in the socio-cultural context, makes it possible to identify and describe choice patterns of certain forms of actants depending on the meaning which the speaking (writing) subject aims to express. The research was conducted in the direction from the meaning of the verb to the expression form of its actant positions. This article is devoted to the role identification of the evaluative component of the meaning ‘shame’ of the verbs in the realization of syntagmatic properties within the actant structure. The purpose of the article is to demonstrate how the subject’s negative assessment of his actions affects the way of designation of verbal actants. Analysis of the actant structure of ‘shame’ verbs has shown that the evaluative component requires a special arrangement of actants, one of which is the object of evaluation, and the second designates a witness, a real or potential eyewitness to an event unpleasant for the subject. The way these positions are formalized depends on the meaning of the verb, on the characteristics of the objects themselves, and on the value attitudes of the culture. In Russian culture, the “position of responsibility” is understood as a position for a person or a group of persons who occupy a higher position in the social, family or

intellectual hierarchy than the subject. The “status” of Russian culture is indirectly reflected in verb syntagmatics.

Key words: actant structure; verbs of ‘shame’; grammar of the “active” type; negative evaluative component; vocabulary and grammar.

About the author: *Liudmila I. Bogdanova* — Dr.habil in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: libogdanova@mail.ru).

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. 1995. *Integral'noye opisanie yazyka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. In *Izbr. trudy' v dvux t. t.* Vol. 2. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
2. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystviy [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18 (In Russ.)
3. Gergilov R.Ye. 2016. *Styd* [Shame]. Saint Petersburg, Svoyo izdatel'stvo (In Russ.)
4. Zvegintsev V.A. 1968. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye, 1968. (In Russ.)
5. Miloslavskiy I.G. 2018. O lingvisticheskikh istochnikakh dlya obespecheniya proizvodstva rechi [About linguistic sources for speech production]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 21–36 (In Russ.)
6. Tesniere L. 1988. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [The Basics of Structural Syntax]. Moscow, Progress. (In Russ.)
7. Hofstede G. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.

М.Г. Кочетова

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ
КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О COVID-19)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена роли грамматики в образовании новых понятий и терминов. На материале англоязычных публикаций в ведущих научных журналах за 2020 г. показано, что английский язык научного стиля речи отличается от бытового английского наличием большого количества грамматических метафор, придающих тексту дополнительную убедительность и фундаментальность и используемых в качестве терминов, в том числе новых. В статье приводится определение грамматической метафоры, анализируется ее место в предложении и объясняются причины ее употребления. Грамматическая метафора вызывает трансформацию предложения, сохраняя при этом его лексическую составляющую; она позволяет кратко, но емко сформулировать его основную тезис. С развитием науки и появлением в 2020 г. новых фактов, связанных с пандемией, вызванной коронавирусной инфекцией, появилось множество научных публикаций на эту тему, содержащих новые термины и понятия. Для придания дополнительной убедительности своим статьям в СМИ журналисты используют в них эти новые лексико-грамматические формы, заимствованные из научных публикаций, таким образом вводя их в широкое употребление и открывая новые возможности для развития современного английского языка.

Ключевые слова: грамматическая метафора; сложные существительные; развитие английского языка; научный стиль речи; номинализация; COVID-19.

На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что английский язык научного стиля речи отличается от бытового языка, который осваивается его носителями самостоятельно в первые годы жизни, не только лексически — терминами и смысловыми понятиями, но и грамматически [Глинская, Черезова, 2019: 29; Parkinson, 2000]. Этот стиль узнаваем, а носителями языка он узнаваем инту-

Кочетова Мария Германовна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mgkochetova@yandex.ru).

итивно, поскольку среди прочего, для него характерна семантическая насыщенность, бытовая «неестественность», что является следствием доминирования в нем существительных [Halliday, 2004: 104, 111].

Целью данной работы было проанализировать особенности грамматики современных научных текстов на английском языке, выявить в них возможные способы образования и пути распространения новых терминов и понятий. Изложенный в статье материал может быть интересен представителям самых разных профессий: от переводчика и преподавателя иностранного языка до научного работника, который оформляет результаты своего исследования в виде англоязычного текста в иностранный журнал; от специалиста по коммуникации до редактора или ведущего специальной тематической программы / канала, которым нужно придать своему выступлению научно-популярный тон или дополнительный вес.

Яркой отличительной особенностью научных текстов является грамматическая метафора. В русской традиции термин «грамматическая метафора» стал известен благодаря профессору Е.И. Шендельс в 1970-е годы [Шендельс, 1972]. Она рассматривает ее как перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой, нарушая при этом «грамматическую узуальность» [Пантелеев, 2010: 180]. Другие отечественные авторы предлагают схожее определение грамматической метафоры: перенос грамматической категории из одной сферы употребления в другую с целью создания стилистического эффекта, нового смысла [Аксенова, Осокина, 2017: 6; Власова, 2011: 105]. Автор работ по функциональной грамматике, профессор Майкл Халлидэй (Michael Halliday) определяет ее как “an expression in which one grammatical class or structure was replaced with another” / выражение, в котором один грамматический класс или структура заменены на другие (здесь и далее — перевод автора статьи) [Halliday, 2004: 15–16]. Изменение грамматической формы выражения зачастую вызывает трансформацию всего высказывания. При этом достигается требуемый эффект — усиление и акцентирование нового значения (“expansion of meaning potential”) [Halliday, 2004: 38, 79; Halliday, 2014: 699; Tavernier, 2004: 20].

В научных текстах грамматическая метафора проявляется в сложных существительных (noun compounds) и в номинализации других частей речи, главным образом — прилагательных и глаголов.

Сложные существительные представляют собой сочетание двух и более английских существительных, которые в лаконичной форме выражают целое понятие¹. В научных текстах грамматическая ме-

¹ *Master P.* Noun compounds and compressed definitions // English Teaching Forum. 2003. URL: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/03-41-3-b.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

тафора в виде сложного существительного выполняет важную функцию. С ее помощью в краткой, но емкой форме, без употребления множества предлогов и артиклей можно дать характеристику веществу, объекту или явлению. В этом случае английское сложное существительное приобретает устойчивую форму и становится термином:

- *target therapy* / таргетная терапия;
- *host cell protease* / протеаза клетки-хозяина.

В эпоху пандемии 2020 г. за развитием новых явлений в нашей жизни следуют и новые грамматические превращения — возникают новые сложные существительные, позволяющие отобразить эти новые явления:

- *coronavirus disease pandemic* / пандемия коронавирусной инфекции;
- *COVID-19 disease cases* / случаи заболевания, вызванного коронавирусом;
- (to have) *a fitness advantage* / (представлять собой) более устойчивый штамм (коронавируса);
- *Cell Press Coronavirus Resource Hub* / ресурсный центр по коронавирусу научного журнала “Cell”.

Часто метафоричные сложные существительные используются при появлении или первом упоминании какого-либо понятия в научном тексте, например — в заголовке или названии работы:

- *A SARS-CoV-2 infection model in mice demonstrates protection by neutralizing antibodies.* (название статьи в научном журнале “Cell” 2020 г.) [Hassan et al, 2020: 744];
- *SARS-CoV-2 cell entry depends on ACE2 and TMPRSS2 and is blocked by clinically proven protease inhibitor* (название статьи в научном журнале “Cell” 2020 г.) [Hoffman et al, 2020: 271].

Могут они встречаться и после развернутого пояснения какого-либо понятия как его сокращенная форма. Часто это делается для краткости определения, ради «экономии усилий», например:

- Both SARS-CoV and SARS-CoV-2 S protein engage in human angiotensin-converting enzyme 2 (hACE2) as a cellular receptor for entry and infection. After *receptor engagement*, SARS-CoV-2 S protein is ... [Hassan et al, 2020: 744].

Несомненное преимущество и, как следствие, потребность использования сложных существительных состоит в том, что, в отличие от развернутого объяснения — фразы, они представляют собой форму, которой легче оперировать в предложении, существительного. На него возможно «опереться» в речи как на термин, а в последующем повествовании — заменить для краткости на местоимение. Употребляются они, как правило, в качестве подлежащего

или фигурируют в теме сообщения, но встречаются также и в качестве дополнения.

Если всё словосочетание не является известным термином, устойчивым сочетанием слов, принятым в данном научном сообществе, и особенно если сложное существительное представляет собой новый термин, то понимание его может вызвать определенные трудности, несмотря на понятность значения отдельных его компонентов, поскольку оно максимально насыщено семантически и может быть не характерно не только для повседневной речи, но и для научно-технического регистра другого языка. Кроме того, в английском языке отсутствуют падежные окончания, и значение всего сложного существительного очевидно не сразу, поскольку основной его смысл заложен в последнем существительном конструкции:

– ...if subjects with pre-existing reactivity were assorted evenly in different *vaccine dose groups* / *группы испытуемых, которым вводилась вакцины в разной дозировке* [Sette, Crotty, 2020: 457];

– A SARS-CoV-2 variant carrying the *Spike protein amino acid change D614G* has become the most prevalent form in the global pandemic / *изменение D614G в аминокислотной последовательности S-белка коронавируса, формирующего шипы на поверхности вириона...* [Korber et al, 2020: 812].

Еще одной отличительной чертой грамматической метафоричности научных текстов можно считать номинализацию, или образование существительного от прилагательного или глагола, в том числе путем добавления суффиксов *-tion*, *-ity*, *-ment*, *-ence* и др. Процесс номинализации позволяет «упаковать» сложную информацию в лаконичную форму, простую и понятную с грамматической точки зрения в окружающем ее контексте. Таким образом достигается большая емкость понятия [Dudley-Evans and John, 1998: 78].

– ...sex steroids regulate SARS-CoV-2 *infectivity* [Stelzig et al, 2020: L1280].

Особенно это характерно для заголовка статьи:

– The cell biology of *inflammation*: From common traits to remarkable immunological *adaptations* [Weavers, Martin, 2020].

Для привлечения внимания читателя к тексту научного сообщения современные авторы часто используют в заголовках нетривиальные номинализации, особенно отличающиеся своей метафоричностью:

– Pre-existing immunity to SARS-CoV-2: *the knowns and unknowns* [Sette, Crotty, 2020: 457].

Предложения могут содержать сразу несколько метафоричных форм, в них могут использоваться вместе и номинализация, и сложные существительные:

– This might have implications for COVID-19 *disease severity, herd immunity and vaccine development*... [Sette, Crotty, 2020: 457].

Метафоричные грамматические формы существительных останавливают «движение» глагола, формируя «ступени» в исследовании — терминологические слои, придают основе для аргументации определенную «устойчивость», упаковывают в свою структуру семантически связанные между собой понятия для образования нового емкого понятия [Halliday, 2004: 20, 47–48, 71, 95]. Таким образом в тексте формируются так называемые информационные поля, характерные для научного стиля речи.

Вслед за научными текстами новые термины и понятия появляются и в других регистрах речи, для которых грамматические формы и предложения научно-технического дискурса можно считать не совсем обычными с точки зрения нормативной стилистики. Тем не менее эта необычность есть не что иное, как намеренное и закономерное отступление от норм «бытового» английского языка с целью придания тексту дополнительной убедительности и фундаментальности. В первую очередь ими начинают широко оперировать журналисты. Они используют их в статьях, посвященных самой актуальной и обсуждаемой на сегодняшний день теме — текущей эпидемиологической ситуации в мире:

– What is *herd immunity*? And how do we get there on COVID-19? (заголовок статьи в газете “Chicago Tribune” от 17 июля 2020 г.)²;

– *Vaccine development for a new pathogen traditionally takes many years or even decades.* (статья от 9 июня 2020 г. в журнале “The New York Times Magazine”)³;

– At that point, 8% of all *U.S. COVID-19 disease cases* and 41% of all *U.S. COVID-19 disease deaths* were linked to nursing homes (статья в местной газете штата Южная Дакота, США “Mitchell Daily Republic” от 25 сентября 2020 г.)⁴.

На официальных правительственных сайтах англоязычных стран появляются грамматически метафоричные формы научного дискурса, связанные с текущей эпидемиологической ситуацией:

² Dardick H. What is herd immunity? And how do we get there on COVID-19? // Chicago Tribune, July 17, 2020. URL: <https://www.chicagotribune.com/coronavirus/ct-cb-coronavirus-covid-herd-immunity-explained-20200717-jr2waugpzzgmhof4pazrcife5q-story.html> (дата обращения: 17.09.2020).

³ Mukherjee S. Can a vaccine for Covid-19 be developed in record time? // The New York Times Magazine, June 9, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/06/09/magazine/covid-vaccine.html> (дата обращения: 10.09.2020).

⁴ Traxler M. Platte leader takes fight for nursing home causes to the White House // Mitchell Daily Republic, September 25, 2020. URL: <https://www.mitchellrepublic.com/business/healthcare/6679270-Platte-leader-takes-fight-for-nursing-home-causes-to-the-White-House> (дата обращения: 07.10.2020).

– There is a spectrum of *COVID-19 disease severity*, ranging from ... (информация на сайте www.canada.ca правительства Канады в рубрике, посвященной эпидемиологической ситуации, связанной с коронавирусом пандемией)⁵.

При этом внешнее «величие» метафоричного повествования не умаляет его функционального предназначения. Номинализация позволяет не следовать динамической последовательности событий в дискурсе. Текст с ее помощью организован таким образом, чтобы сообщение выглядело объективным, а не субъективным; чтобы тезис исходил не из авторских размышлений — «глаголов», а из фактов, событий, причин и следствий — «существа» научной мысли. Таким образом грамматически метафоричные формы, отражающие новые жизненные реалии, выходят за рамки научных публикаций и появляются в повседневной речи, в активно обсуждаемых темах, для наименования новых явлений и фактов.

Подытоживая представленный в статье материал, можно сделать следующий вывод. В 2020 г. научный текст стал одним из основных источников развития современного английского языка, а грамматическая метафора — инструментом этого развития. С ее помощью образуются новые понятия и термины, связанные с актуальной на сегодняшний день и широко обсуждаемой темой — пандемией коронавирусной инфекции. Средства массовой информации получают сведения о текущей эпидемиологической ситуации и распространяют их в своих публикациях. Желая придать материалу дополнительный вес и авторитет, журналисты широко используют в них грамматически метафоричные формы, характерные для научного стиля речи, вводя, таким образом, эти формы в широкое употребление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксенова Н.В., Осокина Н.Ю.* Об оценочности грамматической метафоры на основе интенсионального семантического сдвига с глаголом *to feel* (внутреннее ощущение — внешние признаки) // *Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве. Материалы III международной научно-практической конференции.* Псков, 2017. С. 5–9.
2. *Власова Ю.Н.* Стилистические возможности категории рода и грамматическая метафора // *Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки.* 2011. № 12 (107). Вып. 10. С. 105–110.
3. *Глинская Н.П., Черезова Т.Л.* Современная медицинская терминология в свете глобализации // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 3. С. 28–33.

⁵ URL: <https://www.canada.ca/en/public-health/services/diseases/2019-novel-coronavirus-infection/guidance-documents/signs-symptoms-severity.html> (дата обращения: 07.10.2020).

4. *Паптелеев А.Ф.* Грамматическая метафора в художественном тексте // Современный русский язык: система языка, речь, общение. Монография. Ростов н/Д., 2010.
5. *Шендельс Е.И.* Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. № 3. С. 48-57
6. *Dudley-Evans T., John M.J.* Developments in English for specific purposes. A multi-disciplinary approach. Cambridge, 1998.
7. *Halliday M.A.C.* The language of science. Continuum. L.; N.Y., 2004.
8. *Halliday M.A.C.* Halliday's Introduction to functional grammar. L.; N.Y., 2014.
9. *Hassan A.O. et al.* A SARS-CoV-2 infection model in mice demonstrates protection by neutralizing antibodies // Cell. 2020. Vol. 182. № 3. P. 744–753.
10. *Hoffman et al.* SARS-CoV-2 cell entry depends on ACE2 and TMPRSS2 and is blocked by clinically proven protease inhibitor // Cell. 2020. Vol. 181. № 2. P. 271–280.
11. *Korber B., et al.* Tracking changes in SARS-CoV-2 Spike: evidence that D614G increases infectivity of the COVID-19 virus // Cell. 2020. Vol. 182. № 4. P. 812–827.
12. *Parkinson J.* Acquiring scientific literacy through content and genre: a theme-based language course for science students // English for specific purposes. 2000. № 19. P. 369–387.
13. *Sette A., Crotty S.* Pre-existing immunity to SARS-CoV-2: the knowns and unknowns // Nature Reviews Immunology. 2020. № 20. P. 457–458.
14. *Stelzig K.E. et al.* Estrogen regulates the expression of SARS-CoV-2 receptor ACE2 in differentiated airway epithelial cells // Lung cellular and molecular physiology. 2020. Vol. 318. № 6. P. L1280–L1281.
15. *Tavernier M.* Grammatical metaphors in English // Moderna Sprak. 2004. Vol. 98. № 1. P. 17–26.
16. *Weavers H., Martin P.* The cell biology of inflammation: From common traits to remarkable immunological adaptations // Journal of cell biology. 2020. Vol. 219. № 7. URL: <https://doi.org/10.1083/jcb.202004003> (accessed: 01.08.2020).

Mariya G. Kochetova

GRAMMATICAL METAPHOR IN SCIENTIFIC PUBLICATIONS ON COVID-19: A SOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN ENGLISH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article describes the role of grammar in the development of new terms and meanings in the English language. As applied to scientific texts in most recognized journals published in 2020, scientific English is shown to differ from General English in that it contains grammatical metaphor that adds weight and authority to the message and functions as a tool for generating new terms and meanings. The article discusses the definition of grammatical metaphor, its place in a sentence and reasons for its use. Grammatically metaphorical discourse with altered word order sounds clear, concise and meaningful. With changes in life and new developments in science due to the pandemic of coronavirus disease (COVID-19) caused by severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 (SARS-CoV-2) there appear new lexical forms

in scientific publications that are grammatically metaphorical. As new terms, they get via mass media into General English opening up new horizons in its development.

Key words: grammatical metaphor; compound nouns; development of English; scientific English; nominalized forms; COVID-19.

About the author: *Mariya G. Kochetova* — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English Language for the Humanities Faculties, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mgkochetova@yandex.ru).

REFERENCES

1. Aksenova N.V., Osokina N.Ju. 2017. Ob ocenochnosti grammaticheskoy metafory na osnove intencional'nogo semanticheskogo sdviga s glagolom to feel (vnutrennee oshhushhenie — vneshnie priznaki). [On the evaluation of grammatical metaphor based on an intentional semantic shift with the verb to feel (internal sensation — external signs)]. *Jazyk i kul'tura v bilingval'nom obrazovatel'nom prostranstve. Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Pskov, Logos, pp. 5–9. (In Russ.)
2. Vlasova Ju.N. 2011. Stilisticheskie vozmozhnosti kategorii roda i grammaticheskaja metafora [Stylistic possibilities of the category of gender and grammatical metaphor]. *Nauchnye vedomosti. Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 12 (107), issue 10, pp. 105–110. (In Russ.)
3. Glinskaja N.P., Cherezova T.L. 2019. Sovremennaja medicinskaja terminologija v svete globalizacii [Contemporary medical terminology in view of globalization]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 28–33. (In Russ.)
4. Panteleev A.F. 2010. Grammaticheskaja metafora v hudozhestvennom tekste [Grammatical metaphor in a literary text]. *Sovremennyy russkij jazyk: sistema jazyka, rech', obshhenie. Monografija*. Rostov-na-Donu, PI JuFU. (In Russ.)
5. Shendel's E.I. 1972. Grammaticheskaja metafora [Grammatical metaphor]. *Filologicheskie nauki*, no. 3, pp. 48–57. (In Russ.)
6. Dudley-Evans T., John M.J. 1998. *Developments in English for specific purposes. A multi-disciplinary approach*. Cambridge, Cambridge University Press.
7. Halliday M.A.C. 2004. *The language of science*. Continuum, London, New York.
8. Halliday M.A.C. 2014. *Halliday's Introduction to functional grammar*. L. and New York, Routledge.
9. Hassan A.O. et al. 2020. A SARS-CoV-2 infection model in mice demonstrates protection by neutralizing antibodies. *Cell*. Vol. 182, no. 3, pp. 744–753.
10. Hoffman et al. 2020. SARS-CoV-2 cell entry depends on ACE2 and TMPRSS2 and is blocked by clinically proven protease inhibitor. *Cell*. Vol. 181, no. 2, pp. 271–280.
11. Korber B., et al. 2020. Tracking changes in SARS-CoV-2 Spike: evidence that D614G increases infectivity of the COVID-19 virus. *Cell*. Vol. 182, no. 4, pp. 812–827.
12. Parkinson J. 2000. Acquiring scientific literacy through content and genre: a theme-based language course for science students. *English for specific purposes*, no. 19, pp. 369–387.
13. Sette A., Crotty S. 2020. Pre-existing immunity to SARS-CoV-2: the knowns and unknowns. *Nature Reviews Immunology*, no. 20, pp. 457–458.

14. Stelzig K.E. et al. 2020. Estrogen regulates the expression of SARS-CoV-2 receptor ACE2 in differentiated airway epithelial cells. *Lung cellular and molecular physiology*. Vol. 318, no. 6, pp. L1280–L1281.
15. Tavernier M. 2004. Grammatical metaphors in English. *Moderna Sprak*. Vol. 98, no. 1, pp. 17–26.
16. Weavers H., Martin P. 2020. The cell biology of inflammation: From common traits to remarkable immunological adaptations. *Journal of cell biology*. Vol. 219, no.7. URL: <https://doi.org/10.1083/jcb.202004003> (accessed: 01.08.2020).

М.А. Арапова

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРИЙ В ПЬЕСЕ ИВАНА ВЫРЫПАЕВА «ИРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Представления о своих и чужих, о разных социальных группах постоянно формируются и распространяются в обществе в процессе коммуникации. Одной из форм такой коммуникации является театр, где драматург и режиссер ретранслируют сложившиеся в их сознании образы широкой публике. В данной статье на материале текста пьесы Ивана Вырыпаева «Иранская конференция» обсуждаются следующие вопросы: как российская творческая интеллигенция в лице автора представляет себе ученых-гуманитариев и их научные конференции, а также какими средствами эти образы создаются в драматическом тексте. Поскольку действие пьесы ограничено одним заседанием конференции, происходящей в Копенгагене, а все поступки героев исключительно речевые (доклады, вопросы, прения), для выявления характерных черт образа европейского гуманитария выбрано описание совокупного речевого портрета (РП) докладчиков. Неожиданно для контекста научной конференции ученые-гуманитарии у Вырыпаева весьма эмоциональны, откровенны и часто переходят на личности. Вместе с тем их речь подчеркнута вежлива, они используют клише, свойственные научному дискурсу. Все докладчики показаны умелыми ораторами. Наиболее частотные слова: человек, жизнь, бог, правда, свобода – отражают вопросы, волнующие участников, и тематику пьесы. Драматический текст передает индивидуальное видение автора, которое может, в то же время, отражать черты представлений, свойственных его социальной группе. Кроме того, важно учитывать, что Иван Вырыпаев использует этот сюжет для изложения собственных философских взглядов.

Ключевые слова: речевой портрет персонажа, частотность лексем, образ социальной группы.

Яркий представитель российской и европейской творческой интеллигенции Иван Вырыпаев написал и поставил пьесу, в которой раскрывает публике свои философские взгляды через анализ современной политической ситуации, социальных проблем и вопросов, волнующих многих современников. При этом автор выбрал необыч-

Арапова Мария Александровна — кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mariaarapova@gmail.com).

ный для театра сюжет: зрителям показан один день гуманитарной научной конференции, посвященной проблеме культурных, социальных и политических различий между современной Западной Европой и Ираном как частью мусульманского мира. В цели данного исследования не входит театроведческий анализ пьесы «Иранская конференция». Нам интересно то, как драматург представляет себе научную конференцию по гуманитарным вопросам, и главное, участников такой конференции – ученых-гуманитариев. Поскольку действие пьесы развивается в рамках одного пленарного заседания по обозначенной в названии теме, а кроме представления докладчиков, самих выступлений, вопросов и прений ничего другого на сцене не происходит, образы выступающих создаются практически исключительно их речью. Общий речевой портрет (РП) выступающих, по нашему мнению, должен отражать основные черты образа европейского гуманитария, каким его видит сценарист и режиссер Иван Вырыпаев.

Описание РП в данном случае проводилось по исходному русскому тексту пьесы¹. Мы анализируем речь героев пьесы по алгоритму, представленному в тематическом обзоре Н. Гордеевой [Гордеева, 2008], которая ссылается, в частности, на работы Л. Крысина [Крысин, 2001], Т. Николаевой [Николаева, 1991] и других, где авторы описывают особенности языковых единиц и речевого поведения выбранных для анализа социальных групп. К сожалению, в нашем описании нет анализа произносительных характеристик, так как основным материалом является текст в отсутствие полной записи театральной постановки. При анализе языковой составляющей РП мы учитывали частотность лексем, опираясь на опыт описания РП и языковой картины мира литературного героя, данного в монографии Л. Чурилиной [Чурилина, 2017] и в работах других авторов, в которых демонстрируется смысловая нагруженность частотных слов в речи персонажа. Фактор частотности рассматривается в работах лингвистов и культурологов как показатель значимости слова в национальной картине мира [Вежбицкая, 1999], как «единица коллективного тезауруса» [Чурилина, 2017: 26]. Относительная частотность лексем в речи персонажа также помогает выявить психологические и мировоззренческие черты, которые автор придает своему герою.

Для подсчета частотности слов в лексиконе персонажей пьесы Вырыпаева был использован корпус-менеджер AntConc, который не только определяет относительную для исследуемого текста частотность лексем, но также помогает быстро находить контексты для

¹ *Вырыпаев И.А.* Иранская конференция // текст пьесы на сайте фестиваля молодой драматургии «Любимовка». URL: <http://lubimovka.ru/lyubimovka-god/518-vnekonkursnaya-programma-2018> (дата обращения: 07.05.2020).

определения реализуемой в каждом случае семантической составляющей слова. Сравнение относительной частотности лексемы в речи персонажа с общей частотностью в языке, представленной в Новом частотном словаре русской лексики на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [Ляшевская, Шаров, 2009], дало нам возможность делать выводы об особенностях лексикона персонажа, о тематике его выступления и базовых идеях.

Герои пьесы – участники конференции, которая хоть и носит название иранской, в гораздо большей степени посвящена жизни европейцев. Как говорит один из докладчиков, *«нас волнует вопрос, как быть людям западной цивилизации, глядя на то, как живут люди в Иране и подобных странах»*. Организаторы этой конференции приглашают участников обсудить причины столкновения и непонимания двух разных культур и систем ценностей. В пьесе десять персонажей (семеро мужчин и три женщины), и все они, по словам организатора, *«авторитетная и уважаемая публика»*. Среди участников четыре университетских профессора, два журналиста-политолога, писатель-философ, председатель международной благотворительной организации, дирижер национального оркестра Дании, а также специальный гость – иранская поэтесса и общественный деятель. Как видно из этого списка, размытость тематики и широкий спектр предлагаемых для обсуждения вопросов создают возможность демонстрации различных подходов и столкновения противоположных взглядов. При этом речь героев пьесы Вырыпаева различается очень слабо, а в цели данного исследования не входит изучение гендерного аспекта или профессиональных особенностей (теолог, политолог) в понимании автора. Мы описываем речевой портрет всех участников в совокупности, что позволяет выявить характерные черты созданной в пьесе коллективной языковой личности европейского гуманитария, где словом «коллективная» мы обозначаем усредненного представителя социальной группы внутри языковой общности, опираясь на работы Л.П. Крысина [Крысин, 2001], Л.В. Полубиченко [Полубиченко, 2020] и других авторов. Следует заметить, что изначально пьеса была написана на русском языке, хотя по сюжету предполагается, что ее персонажи говорят на международном языке науки – английском. Впоследствии был сделан перевод и постановки на обоих языках. Мы исключили из анализа выступление иранской поэтессы Ширин Ширази, кроме того, доклад дирижера Паскуаля Андерсена не включен в частотный анализ лексем. Оба этих героя в определенной степени противопоставлены автором остальным участникам конференции как представители мира искусства, а не ученые.

Самым частотным словом лексикона участников Иранской конференции является местоимение «я». С нашей точки зрения, это заслуживает внимания и может быть интерпретировано. Несмотря на то что в любом тексте служебные слова и местоимения занимают первые позиции по показателю индекса частотности, а личное местоимение первого лица единственного числа лидирует в частотном списке местоимений Нового частотного словаря НКРЯ, трудно себе представить научный доклад, в котором лексема «я» используется чаще других слов. Лидирующее положение местоимений в разговорной речи и в текстах, ее имитирующих, зафиксировано различными словарями. Однако в «Иранской конференции» изображается научный дискурс, а в этом функциональном стиле частотность личных местоимений меньше. Следует принять во внимание, что по данным о частотности частеречных классов всего НКРЯ первые позиции занимают существительные и глаголы, за которыми следуют предлоги, прилагательные и союзы, и только на шестом месте оказываются местоимения. Это дает нам основание полагать, что активное употребление местоимения «я» в речи выступающих на Иранской конференции является яркой чертой РП этих героев, которая передает их стремление к самопрезентации, эмоциональную реакцию на обсуждаемые вопросы, не отстраненный, обычно свойственный научному дискурсу, а напротив, включенный, личностный взгляд на проблемы, о которых они рассуждают. Кроме того, в русской традиции научной речи все еще предпочтительно использование так называемого авторского «мы» вместо местоимения «я». Эта особенность совсем не представлена в русском тексте пьесы, частотность употребления местоимения «мы» (190) уступает «я» (650) почти вдвое.

Среди знаменательных частей речи в тексте пьесы наблюдается преобладание существительных и следующих за ними по частотности глаголов, что соответствует норме по данным НКРЯ. Слов, относящихся к научному стилю речи, не так много: *структура, схема, программа, смысл, ген, геном, конференция, знание, являться, ценность, цивилизация* и несколько других. Ярким маркером оказалась высокая частотность глагола *хотеть* в речи одного из героев, профессора гуманитарного факультета Орхусского университета. В его выступлении автор вербализует критику потребительской основы сегодняшнего бытия. С помощью назойливого повторения конструкции «я хочу» докладчик описывает структуру получения или приобретения благополучия и покоя как свой и общеевропейский геном. В соответствии с этой идеей в его докладе часто употребляются глаголы *брать* и *приобретать*, а кроме этого весьма частотным является слово *структура*, которому профессор дает

следующие синонимы: *схема, формула, узор, ген, механизм и компьютерная программа*. Наконец, в своей речи профессор Кристенсен несколько раз употребляет антоним глаголу *брать – отдавать*. Главная мысль его сообщения заключается в том, что люди западной цивилизации не понимают мусульман, потому что не умеют отдавать и принимать в жизни то, что послано богом, а иранец знает, что означает *«отдавать Богу все то, что он потребует»*.

Слово *бог* является одним из самых частотных в лексиконе участников конференции (82 употребления), а тема бога, пожалуй, центральной темой «Иранской конференции». Практически с первого доклада участники обсуждают значение этого концепта, понимание роли бога в мусульманском обществе, религиозное сознание, ощущение присутствия бога в жизни, отсутствие или потерю этого ощущения, духовность и бездуховность. Разные участники конференции употребляют слово *бог* со следующими глаголами: *решать (все решает бог), выбирать (то есть это вы будете выбирать себе бога, ...который будет вас устраивать), найти, остаться (останетесь без бога, как большинство современных жителей запада), (не)устраивать кого-то (бог, который вас (не)устраивает), допустить (бог, который допускает хамство), послать (бог, который послал вам глупого шефа), создавать (бог, который создал западную демократию), отдавать, требовать, служить (в церкви служат богу), признавать (не признают никакого бога), быть (в мире есть бог), поверить (поверить в бога)*. Существительных, сочетающихся с этой лексемой, меньше, но они также отражают представленный в пьесе дискурс по данной теме: *понятие, цель, предназначение, принцип, присутствие, роль*. Следует также отметить использование местоименных слов, выражающих оценку данного концепта, а именно: *«только бог»* со значением исключительности, *«такой бог»*, *«какой бог»* с оттенком неуверенности, *«никакого бога»* с отрицанием, *«тот же самый бог»* и *«какой-то там бог»* с явной пренебрежительной коннотацией. Двое участников конференции – теологи, профессора соответствующего факультета Копенгагенского университета. Один из них, Оливер Ларсен, говоря о том, что для большинства европейцев понятие «бог» ничего не значит, употребляет такие его определения, как *инфантильный, устаревший, неопределенный*. На примере из жизни он объясняет этот концепт ощущением того, что есть что-то более важное, чем наша повседневная жизнь, наши удачи и падения: *«Бог, – говорит профессор Ларсен, – это что-то более важное, чем все остальное»*. Основная идея его речи заключается в том, что *«ни западная демократия, ни западный протестантский гуманизм не вписываются в мировоззрение огромного числа населения земного шара, и поэтому прежде*

чем кинуться спасти этих людей от их тоталитарных режимов, мы должны попытаться понять ту логику, по которой живут эти люди». В речи другого теолога, священника отца Августина, наибольшей частотностью обладают слова *предназначение* (10), *форма* (4), *содержание* (3), *традиция* (6), *право* (6) и *свобода* (5). Этот список передает основное содержание его доклада, в котором говорится о предназначении человека, о необходимости соответствия формы содержанию, о том, что традиция соединяет нас с источником всего, и только мастер, овладевший традицией, имеет право ее менять, о том, что свобода человека заключается в выборе и принятии своего предназначения.

Что касается слов *право/права* и *свобода*, вошедших в десятку наиболее частотных в совокупном лексиконе участников конференции, чаще всего они встречаются в докладе журналистки-политолога Астрид Петерсен, а также ее антагониста философа и писателя Густава Йенсена. Астрид Петерсен призывает участников конференции обратиться к обсуждению насущных социальных проблем людей, живущих в Иране и лишенных, по ее мнению, «*четырёх универсальных вселенских прав*», которыми человек наделен по рождению. Она перечисляет эти права: право на жизнь, на получение знания, на собственное мировоззрение и сексуальную ориентацию. Речь журналистки очень эмоциональна, говоря о дискриминации в Иране, она использует прилагательные *трагический*, *страшный*, *страшнейший* с яркой эмоционально-оценочной коннотацией. Лексема *человек / люди* встречается в речи Астрид чаще, чем у других (40 из 99 употреблений), отражая ее систему ценностей. Еще одно часто используемое слово этого докладчика – *жизнь* в дискурсе Иранской конференции реализует следующие семантические составляющие: физиологическое существование живых существ (у всех), эволюционный процесс (у Астрид Петерсен), форма существования материи (у Густава Йенсена), реальная действительность (у всех), деятельность общества и человека (у всех).

Помимо Астрид Петерсен в конференции принимает участие еще один журналист-политолог Магнус Томсен. Оба критикуют других участников за уход в сторону от насущных проблем и «*опускание до уровня дискуссии об ощущении божественного в своих сердцах*». Разговоры о божественном кажутся им надуманными и даже пошлыми. Не раз в своих пламенных выступлениях во время прений они призывают участников вернуться к научному дискурсу: «*давайте вернемся с небес к реальной жизни и продолжим конференцию в научном ключе, обратимся к настоящей современной науке*». Журналисты в пьесе Вырыпаева представляют мировоззрение прагматичное, лишенное религиозности, рациональное, возможно,

более актуальное сегодня. Не случайно эти герои – представители более молодого поколения.

Магнус Томсен так эмоционально реагирует на доклады выступающих, что позволяет себе ненормативную лексику («какой на хер секрет») и довольно грубые реплики: «вы в своем уме, профессор», «Вы вообще отдаете себе отчет ...» Правда, он извиняется за то, что не сдержался, и просит прощения у всей публики за свою вспыльчивость. Отчасти с помощью такого героя с несвойственной научному дискурсу патетикой автор старается привнести драматическую напряженность в свой «нетеатральный» материал. Жаркие дискуссии и прения участников конференции способствуют развитию действия пьесы.

Для более полной характеристики речевого поведения участников конференции в пьесе Вырыпаева следует указать, как они обращаются друг к другу. Адресуя речь ко всей аудитории, докладчики используют форму *дамы и господа, (уважаемые) коллеги, (дорогие) друзья*. В личном обращении используются апеллятивы *господин / госпожа такой/ая-то, извините, профессор/коллега*. Вырыпаевские гуманитарии вежливы: они часто извиняются, они благодарят за возможность выступить, за интересный вопрос, за объяснение, за внимание аудитории. *Спасибо* входит в десятку самых частотных слов на конференции. Нередко они используют выражения «если позволите», чтобы начать, продолжить выступление или задать вопрос, а также «разрешите», «позвольте» и даже «осмелюсь спросить» с определенной долей иронии, но не без уважения.

Немаловажным штрихом к РП ученых-гуманитариев в этой пьесе являются клише, которые применяются в научной дискуссии, вопросах и ответах: «возможно это звучит не совсем научно», «на этом примере я и попробую объяснить», «из ваших слов вытекает, что», «в продолжение затронутой вами темы», «позвольте мне сначала ответить на предыдущий вопрос». Нередко участники выясняют и обсуждают значения употребляемых в докладах терминов. Так, например, Оливер Ларсен спрашивает коллегу: «Не могли бы вы объяснить, что вы подразумеваете под словом знание?»

Следует отметить, что практически всех участников Иранской конференции автор наделил прекрасными ораторскими способностями. Излюбленным риторическим приемом выступающих являются фигуры прибавления: анафора и эпифора разных вариантов, градация, синтаксический параллелизм. Иногда повторения столь интенсивны, что создается гипнотический эффект. Вот один из множества примеров: «Я – это бесконечное желание брать. Я все время хочу брать. Моя жизнь – это я беру. Я хочу брать. Брать себе. Брать для себя. Вся моя структура – это структура приоб-

речения для себя. Я хочу жить. Я хочу быть здоровым. Я хочу иметь... Я хочу, я хочу, я хочу». Порой выступающие нагромождают ряды синонимов, стараясь донести до аудитории свою мысль, как можно более точно: «Я увидел себя как некий механизм, как некую формулу, если хотите. Я увидел, что мое Я это не одна какая-то личность, а это действительно некая модель, но слово «структура» мне подходит больше всего. Структура, это понимаете ли, как бы некая схема. Это как рисунок, как узор... Это как компьютерная программа. Вот! Это наверное, более точное сравнение».

Невозможно обойтись без анализа такой яркой характеристики личности персонажа, как встречающиеся в его речи прецедентные феномены, поскольку, как пишет К.Ю. Игнатов, реализуемые в них отсылки и аллюзии «значимы с точки зрения художественного содержания произведения» [Игнатов, 2008: 63]. Создавая образы европейских гуманитариев, Вырыпаев наполняет их речь самыми популярными, обладающими высокой степенью аллюзивности прецедентными именами: *Аллах, Кока-кола, Полоний из шекспировского «Гамлета», Иисус Христос, Санта Клаус, Папа римский, Пулитцеровская премия по литературе, теория относительности, Эйнштейн*. В то же время некоторые из них отражают современный исторический контекст: «*Евроислам, Брекзит, Pussy Riot*. И, наконец, есть пара отсылок, подчеркивающих местный колорит северной Европы: *датское hygge* (ощущение комфорта и уюта) и *орден Данеброг* (высшая награда Дании, вручаемая королевой). В целом интертекстуальные отсылки в речи героев пьесы – профессоров, ученых, преподавателей и журналистов – не многочисленны и не отличаются оригинальностью, отражая среднестатистический обывательский уровень.

Судя по описанному речевому портрету, датские ученые-гуманитарии получились у Ивана Вырыпаева достаточно убедительными интеллигентами и европейцами. Автор представляет нам профессионалов, известных благодаря написанным книгам, активной общественной деятельности, но при этом самых обычных людей. Одни демонстрируют свое понимание различий «двух цивилизаций, двух миров, двух мировоззрений: религиозного традиционализма и гуманистического рационализма», другие пламенно отстаивают общность всех культур и всех людей в современном глобальном мире. В большинстве случаев нам представлена исповедь или проповедь. Главное в образах этих героев их равнодушное отношение к окружающей действительности, их привычка рефлексировать, анализировать собственный опыт, обобщать. Уже не первый раз Иван Вырыпаев демонстрирует свое недоверие к научному пути познания, примером могут служить карикатурные образы ученых

в сериале «Бункер или ученые под землей». И даже гуманитарии, хоть и вызывают у него безусловную симпатию, частично озвучивая авторские мысли, оказываются в плену школы и рационализма. Недаром свои главные идеи он вкладывает в уста музыканта и поэтессы, противопоставляя их всем остальным участникам мероприятия. В этом смысле показательна фраза дирижера, резонера Вырыпаева, обращенная к аудитории ученых-гуманитариев: «*Понимаете ли вы вообще то, о чем я сейчас говорю?*» Суть его выступления и основного посыла пьесы выражена в следующих словах: «*О Правде не рассказывают на конференциях, Правду не обсуждают в дискуссиях. С Правдой соединяются. К Правде стремятся и ее получают. Правда это и есть цель и главный смысл нашей жизни. Правда это то, что оццуют сердцем. То, что чувствуют.*»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. *Гордеева Н.М.* Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. № 6. С. 89–101.
3. *Игнатов К.Ю.* От текста романа к кинотексту: проблемы сохранения авторского стиля // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 57–74.
4. *Крысин Л.П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.
5. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. Электронная версия. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 10.07.2020).
6. *Николаева Т.М.* Социолингвистический портрет и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Ч. 2. М., 1991. С. 73–75.
7. *Полубиченко Л.В.* Языковой портрет коллективной языковой личности как проблема художественного перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. 2020. № 1. С. 20–25.
8. *Чурилина Л.Н.* «Языковая личность» в художественном тексте. 7-е изд. М., 2017.

Maria A. Arapova

EUROPEAN INTELLECTUALS IN IVAN VYRYPAEV'S PLAY “THE IRAN CONFERENCE”

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In his play created in 2017 Ivan Vyrypaev presents his view of modern European society, and specifically of the problems and difficulties that the intelligentsia in Western Europe is experiencing, discussing and trying to solve today. The play is limited to one day of a scientific humanitarian conference taking place in Copen-

hagen. All actions of the characters are exclusively verbal: they make reports, ask questions, discuss. As a result, a general image of a European intellectual is created on the stage and includes the social status, way of life, relationships within the community, ideology, and worldview. Among the common features of the linguistic construction of the characters, one should mention the frequent use of the pronoun “I”, emotionalism and arguing ad hominem which is not characteristic of scientific discourse. Besides, in the characters’ speech, we have revealed special formulas of politeness, including forms of address, expressions of apology and gratitude and clichés used in scientific presentations and discussions. A distinctive feature is the skillful use of rhetorical devices by all the characters. The high frequency of the words *man, life, god, truth, freedom* reflects the main topics of the play. The imagological approach used in this study presupposes an interest to the author’s special vision, which obviously reflects the image of a scientific conference on humanitarian issues that a part of the Russian creative intelligentsia has. In addition, it is important to take into account that Ivan Vyrpaev uses this plot to present his philosophical views.

Key words: speech portrait; words frequency; semantics; image.

About the author: *Maria A. Arapova* – PhD in Cultural Anthropology, Associate Professor of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University (e-mail: arapova@ffl.msu.ru).

REFERENCES

1. Wierzbicka A. 1999. *Semanticheskie universalii I opisaniye yazykov* [Semantic universals and the description of languages]. Moscow, Languages of Russian culture. (In Russ.)
2. Gordeeva N.M. 2008. Rechevoi portret i sposoby ego opisaniya [Speech portrait: the ways of description]. *Linguistics and linguodidactics*, no. 6, pp. 89–101. (In Russ.)
3. Ignatov K.Y. 2008. Ot teksta romana k kinotekstu: problem sohraneniya avtorskogo stilya [From novel to film: the problem of maintaining the author’s style]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 57–74. (In Russ.)
4. Krysin L.P. 2001. Sovremenniy russkii intelligent: popytka rechevogo portreta [Modern Russian intellectual: the speech portrait]. *Russian Language and Linguistic Theory*, no. 1, pp. 90–106. (In Russ.)
5. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. 2009. *Chastotnyy slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Frequency dictionary of Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik. Electronic version. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 07/10/2020). (In Russ.)
6. Nikolayeva T.M. Sociolingvisticheskiy portret i metody ego opisaniya [Sociolinguistic portrait and the method of its description]. *Russian language and modernity. Problems and prospects for the development of Russian studies*. Part 2, pp. 73–75. (In Russ.)
7. Polubichenko L.V. 2020. Yazykovoy portret kollektivnoy yazykovoy lichnosti kak problema khudozhestvennogo perevoda [Speech Portrayal of a Collective Culturally Conditioned Language Identity as a Problem of Artistic Translation]. *The Humanities and social studies in the Far East*. Vol. 17. Issue 1, pp. 20–25. (In Russ.)
8. Churilina L.N. 2017. “Yazykovaya lichnost’” v khudozhestvennom tekste [Linguistic character in literary texts]. Moscow, Flinta. (In Russ.)

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

Д.А. Шевлякова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМЕДИИ ДЕЛЬ АРТЕ: МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается итальянская комедия дель арте в качестве одного из компонентов культурного наследия Италии и театральные фестивали «Международный день комедии дель арте» в качестве информационного канала продвижения культурно-исторического национального наследия Италии двум адресатам — национальному и мировому сообществам. Приводится краткое описание театральных постановок фестиваля 2019 г., а также проанализирована тематическая, драматургическая, региональная и языковая специфика отобранных для мероприятия комедий, выявлены основные задачи фестиваля на национальной и международной сцене. В плане межкультурной коммуникации анализируется разница в представлении итальянской комедии дель арте в Италии и в зарубежных странах, соответственно выявляются разные подходы к позиционированию культурно-исторического наследия в зависимости от адресата. В статье выделяются три общие тенденции позиционирования комедии дель арте: за пределами Италии преобладают классические постановки комедии дель арте с целью ознакомления иностранных зрителей с традицией театра масок; на территории Италии на сцене предпочитают экспериментировать с традиционными сценами из комедии дель арте, чтобы обновить исторический посыл комедии в современных социальных реалиях, а также максимально вовлечь в актуализацию исторической традиции юных итальянцев, будущих носителей национальной культурной памяти; мастерские по моделированию масок комедии должны сохранить традиционное для театральной традиции ремесло, которое находится на пути «вымирания», а также послужить стимулом для современных итальянцев тактильно

Шевлякова Дарья Александровна — доктор культурологии, профессор кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: scevliakova@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

прочувствовать комедию дель арте как нечто осязаемое, материальное, принадлежащее им.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие; продвижение культурно-исторического наследия; сохранение культурного наследия; культура Италии; комедия дель арте.

В последние десятилетия сохранение культурно-исторического наследия разных народов стало одной из самых актуальных тем в мировой политической практике. Вопросы, посвященные определению культурного наследия, механизмам сохранения и повышения его востребованности в социальной реальности, нашли свое отражение в трудах таких исследователей, как Д.С. Лихачев, О.В. Галкова, А.Н. Дьячков, А.В. Лисицкий; проблемы продвижения итальянского культурного наследия на региональном и государственном уровне были затронуты в работах Т.Н. Миронова, С.А. Сидневой и Е.П. Яценко.

На основании общетеоретических исследований можно выделить два направления деятельности любого национального государства по сохранению и продвижению культурно-исторического наследия: это трансляция культурных достижений страны вовне, на вненациональную территорию [Миронова, 2009], а внутри страны — это сохранение и популяризация исчезающего [Лисицкий, 2005]. В данной статье мы задаемся целью выявить основные способы передачи культурно-исторических ценностей итальянского национального сообщества. Задачи статьи: определить основные подходы в трансляции элементов культурного наследия Италии как международному сообществу, так и своим соотечественникам на национальной территории. Гипотеза статьи заключается в предположении, что подходы в представлении в своей и чужих странах будут отличаться, инструменты актуализации наследия будут разные. Метод статьи: количественный и качественный анализ при сплошной выборке мероприятий театрального фестиваля 2019 г. В качестве объекта исследования выбран театральный фестиваль — Международный день комедии дель арте (La Giornata internazionale della Commedia dell'arte), он рассматривается в статье как своеобразный информационный канал по представлению и продвижению культурно-исторического (театрального) наследия Италии. Предмет статьи — мероприятия театрального фестиваля 2019 г. как на территории Италии, так и за рубежом.

Итальянская комедия дель арте, безусловно, является неотъемлемой частью культурного наследия страны, так как представляет

собой первый профессиональный национальный театр, зарождение которого относят к XVI в. Собственно определение комедии “dell’arte” (*umal*: «искусная, профессиональная») противопоставляет данную форму театральной постановки ранее существовавшим придворным комедиям, которые играли непрофессиональные актеры. Спектакли комедии дель арте создавались методом импровизации, но на основе сценария, содержащего краткую сюжетную схему представления, с участием актеров, носящих традиционные маски. Маска включала и костюм, и собственно маску, и фиксированный характер персонажа. Комедия дель арте была подлинным народным театром; хотя она пережила свой расцвет в XVI–XVIII вв., но и вплоть до наших дней продолжает оказывать сильнейшее влияние на современную театральную традицию как Италии, так и других стран [Грушевская, 2019: 97]. Более того, комедия дель арте сохраняет свою популярность и в современной итальянской культуре: итальянцы считают персонажей комедии масок неотъемлемым атрибутом культурной идентичности [Павловская, 2008: 80–85]. Свидетельством этой популярности и стал Международный день комедии дель арте, учрежденный в 2010 г. итальянской культурной ассоциацией «Школа театрального обучения» при патронаже итальянского центра «Международного театрального института» и Итальянской комиссии ЮНЕСКО².

Если рассмотреть карту событий театрального фестиваля Дня комедии дель арте 2019 г., выбранного в качестве объекта анализа, то сразу бросается в глаза, что наибольшая плотность мероприятий наблюдается в Италии и Европе, там насчитывается 26 театральных представлений. Однако мы можем отметить 12 мероприятий в Северной Америке, три постановки в Южной Америке (Чили) и по одному спектаклю в отдаленных Израиле, Таиланде и Австралии. Иными словами, итальянский театральный фестиваль действительно может гордиться обширной географией. Какие же цели преследуют театральные деятели Италии, позиционируя средневековую комедию дель арте на таких далеких, вненациональных территориях?

Первая стратегическая цель в деле сохранения и продвижения комедии дель арте — ознакомить иностранцев с исторической итальянской комедией. В качестве примера приведем спектакль под названием «Дон Кихот с Арлекином и Коломбиной», поставленный в Мексике в рамках Дня комедии 2019 г., на испанском языке. Пьеса

² Здесь и далее материалы Международного дня комедии дель арте будут представлены с официального сайта мероприятия. URL: <https://www.commediadellarteday.org> (дата обращения: 01.11.2020).

представляет собой адаптацию произведения Мигеля де Сервантеса Сааведры, испанского писателя, никак не связанного с исторической традицией комедии дель арте. Однако испанский является государственным языком в Мексике, а Сервантес входит в программу обязательного школьного образования, поэтому его можно использовать как инструмент культурной аккомодации. Главными героями постановки являются два архетипических персонажа комедии дель арте: Арлекин и Коломбина, они выступают как рассказчики славных деяний Дон Кихота. Именно через их повествование, которое периодически превращается в песни, под аккомпанемент их звонких голосов перед зрителем проходят все подвиги идальго: гиганты, ветряные мельницы, колдуны, сражения и прекрасные дамы.

Еще одна постановка классической комедии дель арте служит все той же стратегической цели — ознакомить иностранцев с исторической театральной традицией Италии: это пьеса под названием «Виктория уходит на покой» (на английском языке), поставленная американской труппой “I Firenze” в США, во время Международного дня комедии дель арте 2019 г. Сюжет комедии повествует о веселой вдовушке Виктории, проживающей в средневековой Равенне; она уже похоронила значительное количество богатых мужей и наслаждается свободной жизнью, более не обременяя себя замужеством. У нее две прелестные дочери, одна из которых унаследует состояние, а другая должна будет зарабатывать самостоятельно, вокруг борьбы за наследство и строятся веселые перипетии комедии. Другими словами, за пределами Италии есть тенденция ставить классические представления комедии дель арте, чтобы иностранные зрители могли ознакомиться с прославленной традицией театра масок, хорошо известной в Италии, но, как справедливо предполагают итальянцы, менее известной за рубежом.

В пределах национальной территории в Италии, напротив, режиссеры-постановщики предпочитают экспериментировать с хорошо всем известными, традиционными сюжетами комедии дель арте с целью интерпретировать исторический посыл комедии в контексте современных итальянских реалий.

Цель — дать современное, злободневное прочтение традиционного сюжета комедии дель арте для катарсического решения проблем современности в рамках театральной реальности. Первым примером данной целевой установки будет театральное представление «Поможет ли мертвому припарка?», поставленное в итальянском городе Тренто местной театральной мастерской “Bottega Buffa CircoVacanti” и театральной труппой “Theatremuseum” из Вены,

2019 г. Комедия представляет собой антологию историй, переплетенных одним мотивом: бурлящей жизнью традиционной итальянской площади. Спектакль разделен на два действия, в первом царят запутанные любовные похождения знатных влюбленных, что является традиционным сюжетом данного жанра. Зато второй акт преподносит нам бурную трудовую жизнь слуг комедии дель арте, которым приходится столкнуться с проблемой: Баланцоне, главный шарлатан-врач города, покидает площадь, чтобы посвятить себя наукам других миров и изучению новых форм жизни. Следовательно, слуги должны будут заботиться о бедняках, обеспечивая им базовое медицинское обслуживание, которое раньше хоть как-то оказывал шарлатан Баланцоне. Таким образом, слуги поневоле окажутся дантистами, акушерами, хирургами и могильщиками, однако Фортуна на их стороне: итальянская народная площадь будет продолжать процветать несмотря ни на что, так как всегда побеждает упорство тех, кто всегда готов засучить рукава! Практически, используя жанр комедии дель арте, актеры обращают внимание на проблемы, которые затрагивают всех нас: например, отсутствие надлежащей медицинской помощи. В момент, когда куда-то подевались все врачи, бедняки должны выживать самостоятельно. Но мораль истории в том, что простые люди, сталкиваясь с трудностями, демонстрируют способность не падать духом, преодолевать все препятствия и заново воссоздавать себя, становясь сильнее и опытнее.

Другим примером современной интерпретации комедии дель арте является комедия «Поезд, который нам нравится», поставленная в Риме театральной труппой “Circomare teatro” во время Дня комедии дель арте в 2019 г. “Circomare Teatro” — любопытное явление современных культурных практик. Театр был основан в 2002 г. как мастерская начинающих актеров при студенческом общежитии в Риме. С момента своего создания театральная труппа ратовала за социальный театр, сочетающий популярную зрелищную комедию дель арте с постановкой злободневных проблем, таких как расизм, маргинализация отдельных слоев населения, экономическое и социальное неравенство.

В спектакле «Поезд, который нам нравится» мы видим типичную итальянскую забастовку поездов и возникающую вслед за ней демонстрацию протеста со стороны недовольных пассажиров. Демонстранты собираются возле дома железнодорожного предпринимателя Панталео, и начинается акция протеста с перепалками, остроумными выпадами, шутками, насмешками. В данном случае маски комедии дель арте дают нам возможность рассказать о теку-

ших проблемах, которые затрагивают всех итальянцев, таких как непрерывные забастовки поездов, рассказ преподнесен в комической, ироничной или сатирической, самоуничижительной форме.

Вторая национальная тенденция в актуализации исторической комедии дель арте проявляется в желании экспериментировать, сочетая традиционную народную комедию с другими литературными жанрами, чтобы соответствовать запросам определенных адресатов, например, молодому поколению, которое страшно далеко от национального культурного наследия. Примером может служить пьеса «О любви и о прочих демонах», поставленная в Риме театральной компанией “Fitalab”. Данная театральная лаборатория работает с подростками региона Лацио, возрастом от 15 до 23 лет; за год ставится одно театральное представление любительского характера. Спектакль «О любви и о прочих демонах», предложенный в 2019 г., основан на крайне свободной интерпретации «Пира» Платона. Пьеса представляет собой горячую дискуссию между шестью персонажами, которые утверждают, что лучше не влюбляться, чтобы избежать несчастий и пороков любви. Инсценируются различные эпизоды платонической и плотской любви, развитие действия идет и через шутки, розыгрыши, и через подлинно драматические моменты. Любопытным является тот факт, что и текст, и сценарий произведения — это результат работы юных актеров; они же отбирали типажи из традиционной комедии дель арте. Здесь мы видим акцентированный образовательный компонент, когда делается все, чтобы подростки включались в активное освоение и репродуцирование национального культурного наследия через театральные опыт и инструментарий комедии дель арте.

Третий подход к сохранению и актуализации культурного наследия на национальной территории на материале Международного дня комедии дель арте 2019 г. представляют мероприятия, которые получили широчайшее распространение по всей Италии. Речь идет о различных мастерских (ателье) для создания собственно самих масок комедии. Адресат подобных мастерских — итальянцы всех возрастов, желающие соприкоснуться с ремесленной традицией изготовления масок. В качестве примера приведем мастер-класс, проведенный в итальянском городе Порденоне в рамках Международного дня комедии дель арте 2019 г. ремесленной мастерской “Porto Arlecchino”, специализирующейся на изготовлении театрального реквизита. Участники мастер-класса под руководством профессионалов могли пройти этапы дизайна, рисования, моделирования и отделки масок из папье-маше для театра комедии дель арте. Желающие могли создавать собственные маски, используя свое вообра-

жение, а также подсказки организаторов мастерской о свойствах материалов и исторических пропорциях. В итоге для рядового обывателя была предоставлена возможность придумать и выполнить себе персонализированную маску для карнавалов, а также узнать, как моделировать выражения масок персонажей, так, чтобы они оставались в русле великой традиции комедии дель арте. Насколько такого вида проекты относятся к культурной политике государства, а насколько они преследуют чисто коммерческие цели, сказать сложно, как в случае с поддержкой любых региональных традиций в Итальянской республике, например, локальных религиозных праздников [Сиднева, 2019: 155–157].

Еще один пример: в итальянском городе Гроссетто (регион Тоскана) организация театральных исследований “Chicchidarte” организовала мастер-класс «Конструирование маски», где каждый зритель мог уже не только создать свою собственную маску, но и затем надеть ее на себя, попробовать в ней говорить и двигаться, пожить в ней, и все это под руководством молодых актеров, студентов театральных вузов. Цель подобных мастер-классов — сохранение традиционных ремесел театральных костюмов и декораций, которые находятся в процессе «вымирания», но представляют собой пример ремесленного производства в истории народного театра, а следовательно, и культурно-исторического наследия. Кроме того, данное мероприятие является попыткой ввести в тактильный контакт, соприкосновение с традицией в прямом смысле этого слова современных итальянцев.

Подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы. Комедия дель арте, без всякого сомнения, является частью итальянской культурной самобытности и должна быть передана как новым поколениям соотечественников, так и всему человечеству. Именно поэтому был учрежден Международный день комедии дель арте. В типологии проанализированных мероприятий театрального фестиваля 2019 г. можно выделить три общие тенденции: 1) за пределами Италии превалирует тенденция ставить классическое постановки комедии дель арте с целью ознакомить иностранных зрителей с прославленной традицией театра масок и дать им возможность оценить значимость культурно-исторического наследия Италии в области театра; 2) на территории Италии на сцене предпочитают экспериментировать с традиционными сценами из комедии дель арте, чтобы обновить исторический посыл комедии в сегодняшних социальных реалиях, а также максимально вовлечь в актуализацию исторической традиции юных итальянцев, будущих носителей национальной культурной памяти; 3) мастерские по моделированию

масок комедии должны сохранить традиционное для театральной традиции ремесло, которое находится на пути «вымирания», а также послужить стимулом для современных итальянцев тактильно прочувствовать комедию дель арте как нечто осязаемое, материальное, принадлежащее им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галкова О.В.* Культурное наследие: структура и содержание понятия // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/203_st.pdf (дата обращения: 09.11.2020).
2. *Грушевская Е.Г.* Театр футуризма в России и Италии: традиции и инновации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 95–102.
3. *Дзювиллегов А.К.* Итальянская народная комедия dell'arte. М., 1962.
4. *Дьячков А.Н.* Культурное наследие // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 312.
5. *Лисицкий А.В.* Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: Дисс. ... канд. культурол. наук. М., 2005.
6. *Лихачев Д.С.* Декларация прав культуры и ее международное значение // Наука и жизнь. 2006. № 2. С. 23–37.
7. *Миронова Т.Н.* Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия // Культурная политика. 2009. № 4. С. 41–48.
8. *Павловская А.В.* Италия и итальянцы. М., 2008.
9. *Сиднева С.А.* Итальянские праздничные блюда с компонентом-агиономим в названии: сакрально-детерминированная пища или коммерческая стратегия? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 153–160.
10. *Ярыгина Ю.С.* Проблемы сохранения культурного достояния Италии // Культура в современном мире. 2013. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/04/2013-04_r_kvms13.pdf (дата обращения: 13.11.2020).

Daria A. Shevliakova

INTERNATIONAL DAY OF THE ITALIAN COMEDY DELL'ARTE: MECHANISMS FOR THE PRESERVATION AND TRANSLATION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines the Italian commedia dell'arte as one of the components of the cultural heritage of Italy and the theater festival “International Day of Commedia dell'arte” as an information channel for promoting the cultural and historical

national heritage of Italy to two addressees - the national and world communities. The article provides a brief description of the theatrical performances of the 2019 festival; it analyzes as well the thematic, dramatic, regional and linguistic specifics of the comedies selected for the event, identifies the main objectives of the festival on the national and international stage. In terms of intercultural communication, the author analyzes the difference in the presentation of the Italian commedia dell'arte in Italy and in foreign countries, respectively, reveals different approaches to positioning cultural and historical heritage depending on the addressee. The article identifies three general tendencies in the positioning of the commedia dell'arte: outside Italy, the classical staging of the commedia dell'arte prevails in order to familiarize foreign audiences with the tradition of the theater of masks; on the territory of Italy on stage they prefer to experiment with traditional scenes from the commedia dell'arte in order to update the historical message of comedy in today's social realities, as well as to maximally involve young Italians, future carriers of national cultural memory, in the actualization of the historical tradition; workshops for modeling comedy masks should preserve the traditional theatrical tradition, which is on the way of "extinction", and also serve as an incentive for modern Italians to tactilely experience the comedy del arte as something tangible, material, belonging to them.

Key words: cultural and historical heritage; promotion of cultural and historical heritage; preservation of cultural heritage; culture of Italy; comedy dell'arte.

About the author: *Daria A. Shevliakova* — Dr.habil in Culturology, Professor, Head of the Department of Italian of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Moscow State University (e-mail: scevliakova@mail.ru).

REFERENCES

1. Galkova O.V. 2010. Kul'turnoe nasledie: struktura i sodержanie ponjatija [Cultural heritage: structure and content of the concept]. *Electronic scientific and educational journal of VSPU "Facets of Knowledge"*. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/203_st.pdf (accessed: 09.11.2020). (In Russ.)
2. Grushevskaja E.G. 2019. Teatr futurizma v Rossii i Italii: tradicii i innovacii [Theater of Futurism in Russia and Italy: Traditions and Innovations]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 95–102. (In Russ.)
3. Dzhivilegov A.K. 1962. *Ital' janskaja narodnaja komedija dell'arte* [Italian folk comedy dell'arte]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ. (In Russ.)
4. D'jachkov A.N. 2005. Kul'turnoe nasledie [Cultural heritage]. *Russian Museum Encyclopedia*. Moscow, Progress, Rapol-Klassik Publ. (In Russ.)
5. Lisickij A.V. 2005. *Kul'turnoe nasledie kak resurs ustojchivogo razvitija: disertacija na soiskanie stepeni kand. kul'turologicheskikh nauk: 24.00.01* [Cultural Heritage as a Resource for Sustainable Development: Dissertation for Candidate Degree. cultural sciences: 24.00.01.]. Moscow. (In Russ.)
6. Lihachev D.S. 2006. Deklaracija prav kul'tury i ee mezhdunarodnoe znachenie [Declaration of the Rights of Culture and its International Significance]. *Science and life*, no. 2, pp. 23–37. (In Russ.)

7. Mironova T.N. 2009. Sohranenie kul'turnogo i prirodnoho nasledija kak glavnaja cherta kul'turnoj politiki stran Evropejskogo regiona: Italija [Preservation of cultural and natural heritage as a main feature of the cultural policy of the countries of the European Region: Italy]. *Cultural policy*, no. 4, pp. 41–48. (In Russ.)
8. Pavlovskaja A.V. 2008. *Italija i ital'jancy* [Italy and Italians]. Moscow, Centrucheb-film Publ. (In Russ.)
9. Sidneva S.A. 2019. Ital'janskije prazdnichnye bljuda s komponentom-agionimom v nazvanii: sakral'no-determinirovannaja pishha ili kommercheskaja strategija? [Italian festive dishes with a hagianym component in the name: sacredly determined food or a commercial strategy?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 153–160. (In Russ.)
10. Jarygina Ju.S. 2013. Problemy sohranjenja kul'turnogo dostojanija Italii [Problems of preserving the cultural heritage of Italy]. Culture in the modern world. Electronic journal. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/04/2013-04_r_kv-m-s13.pdf (accessed: 13.11.2020). (In Russ.)

О.А. Крюкова

ДИСКУРС О ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена гендерному аспекту изучения литературного произведения на материале сочинений французской писательницы и поэтессы Кристины Пизанской (Christine de Pisan, 1364–1430).

Представление «маскулинного» и «феминного» поведения главенствовало на протяжении многих веков и не утратило своего влияния в современном обществе. Первостепенность патриархатного в традиционной культуре касается и традиционного культурного текста.

Развитие гендерных исследований во второй половине XX в. способствовало трактовке гендера как дискурсивного по своей природе феномена. Эти исследования упрочили в современной философской и культурологической литературе подразделение текстов как явлений культуры на «маскулинные» и «феминные». Цель исследования — выявить и обосновать особенности дискурсивных практик как отражение специфической женской субъектности. В статье анализируются основные признаки «маскулинного» и «феминного» дискурса. Уточняются понятия «женского письма» (*écriture féminine*, термин Э. Сиксу) «феминного стиля письма» (термин Деррида), уделяется внимание вопросам репрезентации и конструктивности субъекта. На примере творчества Кристины Пизанской, положившей начало традиции женских сочинений в защиту представительниц своего пола («Книга о превратности Судьбы» (*Le Livre de la Mutation de Fortune*, 1403); («Книга о Граде женском» *Le livre de la Cité des Dames*, 1405), анализируется специфика дискурса о женской идентичности.

Делается вывод о взаимосвязи в этом типе дискурса интеллектуальной стороны женской идентичности с вопросами женского образования как необходимого условия перехода женщин от роли объекта к роли субъекта культуры.

Ключевые слова: гендерный дискурс; феминный стиль письма; женская идентичность; субъектность, Кристина Пизанская; защита достоинства и прав женщины; женское образование.

Несмотря на то что понятие «гендер» вошло в научный обиход только в начале 1970-х годов, проблема репрезентации мужского и женского принципов в культуре так же, как и проблема взаимоотношения полов, рассматривалась на протяжении нескольких веков

Крюкова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: opakukova@gmail.com).

в рамках философии, истории, сравнительной мифологии, антропологии и других социогуманитарных и естественных наук. Разные аспекты этой проблематики нашли отражение в трудах Сократа, Платона, Аристотеля, французских просветителей Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо; И. Канта, Ф. Ницше, З. Фрейда, А. Шопенгауэра, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, М. Мид, М. Фуко, Ж. Деррида и многих других.

В обыденном сознании закрепилось представление о современном западном обществе как обществе «маскулинном», т.е. характеризующемся гендерной асимметрией с выраженным мужским доминированием. В основе гендерной асимметрии лежит структурная дифференциация общества на приватную (домашнюю, женскую) сферу и публичную, сферу мужской активности. К проявлениям гендерной асимметрии можно отнести и бинарные оппозиции, стереотипно приписываемые мужчине-женщине: культура — природа; материя — дух; власть — подчинение; активность — пассивность; рациональность — иррациональность; логичность — интуитивность; сознательность — бессознательность, абстрактность — конкретность и многие другие. Важный гендерный стереотип состоит в том, что эмоциональные проявления и экспрессивность ассоциируются исключительно с женской социальной ролью, рациональные проявления — с мужской социальной ролью.

Представление «маскулинного» и «феминного» поведения главенствовало на протяжении многих веков и не утратило своего влияния в современном обществе. Первостепенность патриархатного в традиционной культуре касается и традиционного культурного текста. Развитие гендерных исследований во второй половине XX в., включая труды, основанные на психоанализе, постструктурализме и деконструктивизме, экзистенциализме и феноменологии¹, способствовали трактовке гендера как дискурсивного по своей природе феномена. Эти исследования упрочили в современной философской и культурологической литературе подразделение текстов как явлений культуры на «маскулинные» и «феминные». Обращая внимание на особенности этих двух типов дискурса, А.В. Малыгина определяет структуралистский дискурс как «маскулинный», а постструктуралистский как «феминный». В качестве основного признака

¹ Brennan T. *The Interpretation of the Flesh: Freud and Femininity*. L.; N.Y., 1992; Chodorow N. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Los Angeles; L., 1978; Gallop J. *The Ladies' Man // The Daughter's Seduction: Feminism and Psychoanalysis*. Ithaca, 1982. P. 33–42; Kofman S. *The Enigma of Woman: Woman in Freud's Writings: A Collection of Essays on Sarah Kofman*. Ithaca, 1999; Mitchell J. *Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laing and Women*. N.Y., 1974.

«маскулинного» дискурса исследователь выделяет иерархичность и значимые смысловые оппозиции, а для «феминного» — конструирование внутри контекста уже существующих культурных смыслов, при смешении и цитировании которых рождаются новые смыслы. И если «маскулинный» текст утверждает лишь одну истину, «феминный» демонстрирует множественность истин². Дискурсивным практикам как отражению специфической женской субъектности, атрибутируемой как структура, посвящены работы французских теоретиков феминистского дискурса Л. Иригарэ, К. Клеман, Э. Сиксу и итальянского философа и феминистки Р. Брайдотти³.

В середине 1970-х годов Элен Сиксу вводит в научный обиход концепт «женского письма» (*écriture féminine*) в своем эссе манифесте «Хохот медузы» [Сиксу, 2001]. О «феминном стиле письма» писал Ж. Деррида, подчеркивая его способность размывать традиционные культурные стереотипы [Деррида, 1991]. С.Ю. Воробьева, анализируя работу Э. Сиксу и К. Клеман «Вновь рожденная»⁴, где предпринята попытка охарактеризовать феномен «женского письма», выделяет следующие отличительные черты: децентрация культурных стереотипов (относительного традиционного, патриархатного); игнорирование бинарных оппозиций; отсутствие границы между речью и языком: письмо, которое осуществляется с помощью языка, противостоит речи: оно бессознательно и репрезентирует себя через повторения и замещения; обращение к досоциальным ценностям и смыслам; бисексуальность [Воробьева, 2013].

В данном контексте исследования психоаналитика-лингвиста Ю. Кристевой и феминистки-семиотика Т. де Лауретис по вопросам репрезентации и конструктивности субъекта также представляют интерес. Центральное место в теории Ю. Кристевой о субъекте занимает понятие «говорящий субъект», цельность которого реализуется только в дискурсе, «субъекта и значения нет, они создаются в дискурсной деятельности»⁵. Для Т. де Лауретис первостепенным

² См.: Малыгина А.В. Гендерные аспекты как тексты культуры (на примере моды середины XX — начала XXI вв.): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 10–11.

³ См.: Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования: В 2 ч. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 13–22; Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 799–821; Clément C. L'opéra ou la défaite des femmes. P., 1979; Irigaray L. This Sex Which Is Not One. Ithaca, 1985.

⁴ Cixous H., Clément C. The Newly Born Woman. Minneapolis, 1986.

⁵ Цит. по: Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–17.

для становления субъективности является опыт. Каждый субъект находится во взаимосвязи с обществом, и именно эта взаимосвязь — опыт — конструирует субъект, неопределенный, неизменяемый, но постоянно создающий сам себя⁶. О создании литературных текстов как способе стать субъектом рассуждала Н.К. Миллер, американский литературовед и теоретик-феминистка: «Я пишу, значит, я есть. Писание — для публикации — представляет вход в мир других, и через этот вход — возрождение: получение статуса автономного субъекта. Текстуализация женского «я» означает уход из сферы тех «относительных» существ, которые воспринимают мир лишь через посредство мужчин. Писать — значит выйти из тени и оказаться, хотя бы на короткое время, в центре внимания» [Miller, 1988: 29]. Эти слова перекликаются со знаменитым эссе Э. Сиксу, в котором автор призывает женщин писать, чтобы освободиться, «обрести свою речь», утвердить «величайшие ценности, которые изменяют старые правила игры»: «Она вырвется, когда начнет исследовать, работать и анализировать, когда луч прозрения осветит ее и родится текст, прописанный ее собственным языком. Женщина, лишенная тела, немая, незрячая, не может драться за себя. Ей отведена роль слуги агрессивного мужчины, его тени» [Сиксу, 2001: 799–821]. Однако эти идеи не новы, об этом писали Жорж Сталь (*Anne-Louise Germaine de Staël-Holstein*, 1766–1817) и С. де Бовуар (*Simone de Beauvoir*, 1908–1986).

Другой ключевой фигурой в контексте «женского письма» является Кристина Пизанская (*Christine de Pisan*, 1364–1430), одна из немногих женщин Средних веков, кто занимался литературным творчеством профессионально⁷. «Ученая женщина» при дворе короля Карла VI, она является автором 52 произведений, жанровое разнообразие которых впечатляет: лирическая поэзия⁸, парафразы латинских авторов, среди которых труды Сенеки, Плутарха, морализаторские наставления, литературная критика, инструкции для рыцарей и инструкции для дам, ведущих хозяйство. Она написала серию трактатов по важным общественным проблемам того времени: о вреде раскола в церкви и междоусобных раздоров во Франции, об армии, о гражданской войне, об образовании принцев, о политической экономии. Кристина познакомила французское общество с

⁶ Там же.

⁷ Творчеству и жизнеописанию Кристины Пизанской посвящена обширная библиография. URL.: https://www.arlima.net/ad/christine_de_pizan.html (дата обращения: 30.01.2021).

⁸ *Oeuvres poétiques de Christine de Pisan. Tome 1 / publ. par Maurice Roy Christine de Pisan (1364?–1430?). P., 1885.* URL.: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5108q/f3.item.texteImage> (дата обращения: 30.01.2021).

сочинениями Данте, Петрарки, Боккаччо. Она также занималась популяризацией философских, астрономических и медицинских знаний, историческими исследованиями [Успенская, 2003: 10–11]. Кристина пользовалась огромным авторитетом в обществе, приобрела покровительство ряда европейских монархов, ее сочинения копировались для аристократии, учитывая моду на домашние библиотеки.

Именно Кристина Пизанская положила начало традиции женских сочинений в защиту представительниц своего пола. Она была первой женщиной, которая решилась на открытую дискуссию, опираясь на знания литературы и истории. В ответ на многочисленные мизогинистские тексты современных ей авторов Кристина издает ряд критических поэм, отражая нападки «женоненавистников». С ее защитительных произведений начинается традиция женского участия в литературном «споре о женщинах»⁹ с целью теоретической реабилитации женского пола. В 1405 г. появляется одно из самых известных ее произведений — «Книга о Граде женском» (*Le livre de la Cité des Dames*). Книга отражает взгляды автора на сущность женской природы и роль женщины в обществе. Она представляла собой около 200 жизнеописаний женщин и создавалась как возражение последователю Ж. де Мёна Матеолусу, автору популярных в то время «Лamentаций» (*Lamentations*), с целью доказать, что жена не уступает мужу ни нравственно, ни интеллектуально.

Бог же сотворил совершенно одинаковые, равно благие и благородные души
для мужского, и для женского тела. (Гл. 9)

Природа наделила их (женщин) теми же телесными и умственными способностями, что и наиболее ученых и мудрых мужей. (Гл. 27)¹⁰

Лейтмотивом творчества Кристины Пизанской является защита достоинства женского пола и прав женщины. Она последовательно защищает право женщины быть образованной и приводит многочисленные примеры образованных и достойных женщин, большинство из которых она почерпнула из работы Дж. Боккаччо «О знаменитых женщинах». Например, в первой части «Книги о Граде женском» речь идет о женщинах, известных своей ученостью или

⁹ См.: Трофимова В.С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI — начала XVII века // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 338–349.

¹⁰ Пизанская К. Из книги «О Граде женском» / Пер. со старофранц. Ю.П. Малинина // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1991. С. 218–256.

градостроительством, среди которых древнеримская раннехристианская поэтесса Фальтония Проба, царица Пальмиры Зенобия, древнегреческая поэтесса Сафо, древнегреческая художница Тимарет, древнеримская художница Иайя Кизикская, легендарная основательница Карфагена Дидона и др. Кристина Пизанская убеждена в том, что образование и знание — есть путь к самопознанию, освобождению и равенству с мужчинами. Отношение к собственному знанию самой Кристины Пизанской, «дочери образованных отцов»¹¹, примечательно. Так, в аллегорическом автобиографическом произведении «Книга о превратности Судьбы» / «Книга об изменчивости Фортуны» (*Le Livre de la Mutation de Fortune, 1403*)¹² ассоциации знания с мужской прерогативой настолько сильны, что героине приходится отказаться от собственного пола, чтобы получить доступ к этому знанию, а, следовательно, к независимости. Эти странные превращения героиня объясняет играми Фортуны, но признает, что ее особая судьба была предрешена еще в детстве, андрогинная природа женского тела и мужского разума.

*... я проснулась и почувствовала себя совершенно преобразившейся, я знала, что отныне я мужчина... То были не вражеские происки Фортуны... Итак, я научилась всему, чтобы управлять моим судном. Это не было простой задачей, но благодаря моему усердию я все освоила, да так, что стала сама себе господином, ибо так было нужно, чтобы помочь моей семье и самой себе, и чтобы избежать смерти. С той поры я сама стала способна вести мое судно.*¹³
(Перевод. — О.К.)

Осознавая свои таланты и способности, Кристина не принимает их как женские достоинства, но как ошибку природы. Тем не менее преградой на пути к образованию, по мнению Кристины, является не принадлежность к женскому полу, а общественные устои, запрещающие девочкам наследовать (интеллектуальную) собственность своих отцов.

Если бы в обычае было посылать в школу дочерей, как и сыновей, то не сомневайся, что они учились бы столь же усердно и понима-

¹¹ И отец, и дед Кристины Пизанской закончили университет и оба занимали должности в Венецианской республике, а в 1368 г. отец Кристины Томаззо Болонский был приглашен ко двору короля Франции Карла V и получил должность королевского астролога, советника и врача.

¹² *Le Livre de la Mutation de Fortune* URL.: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84514805.image> (дата обращения: 30.01.2021).

¹³ *Christine de Pizan. Le Livre de la Mutation de Fortune*. In Jean-Claude Polet (dir.), *Patrimoine littéraire européen, anthologie de langue française, tome 6*. Bruxelles: De Boeck, 1995 [1403]. P. 136–137.

ли бы тонкости всех наук и искусств столь же хорошо, сколь и сыновья. (Гл. 27)¹⁴

Итак, практический материал исследования позволяет выделить ряд признаков, характерных для «женского письма». Среди них можно назвать прежде всего децентрацию культурных стереотипов, т.е. утверждение новой (женской) субъектности. Прослеживается попытка отойти от традиционных бинарных оппозиций, например, активность/пассивность, интеллект/чувственность в оценке человека. Используются многочисленные реминисценции и аллюзии, так «Книга о Граде женском» во многом создана по модели «Жизнеописаний» Плутарха и популярного сочинения «О знаменитых женщинах» Дж. Боккаччо. Не лишены произведения Кристины Пизанской иносказательности и метафоризации. Однако вопрос о самой природе женского письма остается открытым. Невозможно определить феминный способ письма, утверждает Э. Сиксу, и это никогда не будет возможно, «эта практика не может подвергнуться теоретизированию, классификации, кодированию», но это не значит, что ее не существует. Она всегда выходит за пределы «маскулинного» типа дискурса, она существует, но в сфере иной, чем все философско-теоретические субординации, выстроенные мужчинами [Сиксу, 2001: 808].

Завершая, отметим, что в дискурсе о женской идентичности интеллектуальная сторона почти всегда связывалась с вопросами женского образования. Как показала Т.Ю. Загряжкина, в этом типе дискурса образование рассматривалось как предпосылка творчества, необходимая для перехода женщин от роли объекта к роли субъекта культуры [Загряжкина, 2015: 200–204]. Средневековая культура была важной ступенью в формировании современных представлений о женщине и женской идентичности. Именно Средневековье представило наиболее развернутую и аргументированную концепцию женского несовершенства, однако именно средневековая культура содержала и ростки другого, нового отношения к женщине. Творчество Кристины Пизанской — пример не только реабилитации природы женщины, но и последовательной защиты ее прав, в первую очередь права на образование, неразрывно связанного с развитием женского самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воробьева С.Ю.* Проблема «Женского письма» в контексте теории дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/>

¹⁴ См.: *Пизанская К.* Указ. соч.

- article/n/problema-zhenskogo-pisma-v-kontekste-teorii-diskursa-1 (дата обращения: 30.01.2021).
2. *Загряжкина Т.Ю.* Madame-monsieur-mademoiselle: гендер и пол сквозь призму языка и культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 9–37.
 3. *Загряжкина Т.Ю.* Франция и франкофония: язык, общество, культура. М., 2015.
 4. *Загряжкина Т.Ю.* Другой, или Гендер и пол в языке и культуре Франции // Франкофония: Социальные аспекты языка и культуры: сборник / Под ред. Т.Ю. Загряжкиной. Вып. 5. М., 2014. С. 8–37.
 5. *Деррида Ж.* Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 118–129.
 6. *Мальгина А.В.* Гендерные аспекты как тексты культуры (на примере моды середины XX — начала XXI вв.): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2008.
 7. *Рюткёнен М.* Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–17. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/filologich_nauki_2.htm (дата обращения: 30.01.2021).
 8. *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.
 9. *Успенская В.И.* Теоретическая реабилитация женщин в произведениях Кристины Пизанской: Пособие к курсу по истории феминизма. Тверь, 2003.
 10. *Сиксу Э. Хохот Медузы* // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. СПб., 2001. С. 799–821.
 11. *Berriot-Salvadore E.* Les femmes et les pratiques de l'écriture de Christine de Pisan à Marie de Gournay // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance 1983. № 16. P. 52–69. URL: www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1983_num_16_1_1327 (дата обращения: 30.01.2021).
 12. *Kristeva J.* Le langage, cet inconnu. Une initiation à la linguistique. P., 1981.
 13. *Miller N.* Subject to change. Reading feminist writing. N.Y., 1988.

Olga A. Kryukova

DISCOURSE ON FEMALE IDENTITY IN THE WORKS OF CHRISTINE DE PISAN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the gender aspect of literary studies based on the works of the French writer and poetess Christine de Pisan (1364–1430).

The attitude towards “masculine” and “feminine” behavior has dominated for many centuries and has not lost its influence in modern society. The privilege of the patriarchal view in traditional culture also applies to the traditional cultural text. The development of gender studies in the second half of the twentieth century contributed to the interpretation of gender as a discursive phenomenon by its nature. These studies enhanced the differentiation of texts as cultural phenomena into “masculine” and “feminine” types in modern philosophical and cultural studies. The purpose of the study is to identify and explain the features of discursive practices as a reflection of specific female subjectivity. The article analyzes the main features of “masculine” and “feminine” discourse. The concept of “feminine writing” (*écriture féminine*, H. Cixous’s term), “feminine style of writing” (Derrida’s

term) are specified, special attention is paid to the issues of representation and constructiveness of the subject. A specific nature of the discourse on female identity is analyzed using the works of Christina de Pisan as an example, who laid the foundation for the tradition of women's essays in support of female representatives ("Book of *Fortune's* Transformation" (*Le Livre de la Mutation de Fortune*, 1403); "The Book of the City of Ladies" (*Le livre de la Cité des Dames*, 1405). The conclusion is made about the interconnection between the intellectual side of women's identity and the issues of women's education in this type of discourse, where women's education is a necessary condition for the transition of women from the role of an object to the role of a subject of culture.

Key words: gender discourse; feminine writing style; female identity; subjectivity; Christina de Pisan; the protection of the dignity and rights of women; female education.

About the author: *Olga A. Kryukova* — PhD in Philology, Associate Professor at the department of French language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: opakukova@gmail.com).

REFERENCES

1. Vorobieva S.Yu. 2013. Problema "Zhenskogo pis'ma" v kontekste teorii diskursa [The problem of "Women's writing" in the context of the theory of discourse]. *Volgograd State University Bulletin. Series 2. Linguistics*, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhenskogo-pisma-v-kontekste-teorii-diskursa-1> (accessed: 30.01.2021). (In Russ.)
2. Zagryazkina T.Yu. 2014. Madame-monsieur-mademoiselle: gender i pol skvoz' prizmu yazyka i kul'tury [Madame-monsieur-mademoiselle: gender and gender through the prism of language and culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–37. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2015. *Frantsiya i frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: language, society, culture]. Moscow, Moscow State University. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2014. *Drugoy, ili Gender i pol v yazyke i kul'ture Frantsii* [Another, or Gender and gender in the language and culture of France]. In *Frankofoniya: Cotsial'nyye aspekty yazyka i kul'tury* [Francophonie: Social aspects of language and culture: collection]. Moscow, KDU, pp. 8–37. (In Russ.)
5. Derrida J. 1991. Shpory: stili Nittshe [Spurs: Nietzsche's styles]. *Philosophical sciences*, no. 2, pp. 118–129. (In Russ.)
6. Malygina A.V. 2008. *Gendernyye aspekty kak teksty kul'tury (na primere mody serediny XX — nachala XXI vv.)* [Gender aspects as texts of culture (on the example of fashion in the middle of the XX — beginning of the XXI centuries)]. Author's abstract. dis. ... Cand. philosophy. sciences. Moscow. (In Russ.)
7. Ryutkönen M. 2000. Gender i literatura: problema "zhenskogo pis'ma" i "zhenskogo chteniya" [Gender and literature: the problem of "women's writing" and "women's reading"]. *Philological sciences*, no. 3, pp. 5–17. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1 (accessed: 30.01.2021). (In Russ.)
8. Ryabova T.B. 1999. *Zhenshchina v istorii zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya* [Woman in the history of the Western European Middle Ages]. Ivanovo, Publishing Center "Yunona". (In Russ.)

9. Uspenskaya V.I. 2003. *Teoreticheskaya rehabilitatsiya zhenshchin v proizvedeniyakh Kristiny Pizanskoy. Posobiye k kursu po istorii feminizma* [Theoretical rehabilitation of women in the works of Christine de Pisan. Manual for the course on the history of feminism.]. Tver, FeministPress. (In Russ.)
10. Cixous H. 2001. *Khokhot Meduzy* [*Le rire de la méduse*]. In *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Part 2. St. Petersburg, Aleteya, pp. 799–821. (In Russ.)
11. Berriot-Salvadore E. 1983. *Les femmes et les pratiques de l'écriture de Christine de Pisan à Marie de Gournay*. In *Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance*, no. 16, pp. 52–69. URL: www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1983_num_16_1_1327 (accessed: 30.01.2021). (In French)
12. Kristeva J. 1981. *Le langage, cet inconnu. Une initiation à la linguistique*. Paris, Seuil. (In French)
13. Miller N. 1988. *Subject to change. Reading feminist writing*. New York.

Ю.С. Овчинникова

“LA MUERTE SONRIENTE”: ЮМОРИСТИЧЕСКО-ИГРОВЫЕ ОБРАЗЫ СМЕРТИ В МЕКСИКАНСКОЙ И МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

На материале мифологии, фольклора, музыки, традиционной пищи, народных промыслов и различных форм массовой культуры (карикатур, рекламы, афиш, Интернета, кукольных инсталляций) автор исследует истоки, художественное своеобразие, символику и функции юмористически-игровых образов смерти в мексиканской и мексикано-американской культурах. В качестве культурно-исторических составляющих образа “La Muerte Sonriente” рассматриваются: древняя мезоамериканская традиция почитания Смерти как божества и идея дуальности бытия; влияние культуры Средневековой Европы (сюжет «Пляска смерти», карнавальные традиции, католические праздники Дня всех святых и Дня всех верных усопших); творчество Хосе Гвадалупе Посада и его развитие в мексиканском фольклоре. Автор приходит к выводу, что юмористически-игровые образы смерти, выступающие одним из сущностных оснований культуры Большой Мексики, выполняют следующие функции: трансляция традиционной картины мира и традиционных ценностей; актуализация исторической и родовой памяти; установление живой связи с предками; идентификационная, воспитательно-обучающая, обрядовая, развлекательная и рекламная функции. Для мексикано-американцев особую значимость образы “La Muerte Sonriente” обретают в процессе этнокультурной идентификации, в обозначении границ мира чикано в национальной культуре США и в актуализации культурной связи и диалога с родиной.

Ключевые слова: La Muerte Sonriente; мексиканские юмористически-игровые образы смерти; День Мертвых; культура чикано; мексикано-американцы; традиционная культура Мексики.

В сравнительном изучении национальных культур представляет интерес выявление смыслообразующих элементов, лежащих в

Овчинникова Юлия Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: julia.barkova@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

основании традиционного мироустройства. Одним из таких элементов, имеющих особую этнокультурную значимость для жителей Мексики и Юго-Запада США, выступает концепт “La Muerte Sonriente”. Образ Смеющейся Смерти, рожденный на пересечении древних мезоамериканских верований и европейских религиозных, карнавальных и художественных традиций, находит отражение в современной обрядности и в промыслах, в быту и в массовой культуре, в народном и профессиональном творчестве. Рассмотрим специфику воплощения этого образа в современном мексиканском и мексикано-американском мире, принимая во внимание общность культурного наследия Большой Мексики — довоенной территории страны, включающей Юго-Запад США (до мирного договора Гуадалупе-Идальго 1848 г.), и тот факт, что связь культуры чикано с Мексикой никогда не прерывалась [Сорокина, 2009: 6].

Своеобразие смыслового пространства культуры Большой Мексики П. Вестайм сформулировал следующим образом: «Европеец, для которого представляет ужас мысль о смерти и который не хочет вспоминать о бренности бытия, вдруг видит перед собой мир, который словно свободен от этого кошмара, мир, который играет со смертью и даже смеется над ней...» [Westheim, 2003: 33]. Эта мысль перекликается с известной цитатой Октавио Паса о том, что «... в Нью-Йорке, Париже или Лондоне слова “смерть” не услышишь: оно жжет губы. А у нас с языка не сходит — брань и ласка, самая ненаглядная игрушка и самая старая любовь, без которой и сон не в сон, и праздник не в праздник» [Paz, 1962: 175]. Жизненный путь человека здесь предстает как великая игра, как живой танец-диалог со Смертью, отраженный в ярких образах народного творчества:

Bailemos con la calaca	Потанцуем со скелетом
La gran danza, están de suerte!	Великий танец — вам повезет!
A nadie pareja falta:	Никто не останется без пары:
Cada quien tiene su muerte.	Каждого ожидает своя смерть.

[Mosqueda, 2010: 28].

Концепт “La Muerte Sonriente” неразрывно связан с древней мезоамериканской традицией почитания Смерти как божества (владык загробного мира Миктлантекутли и Миктлансиуатль) и с идеей о дуальности бытия. Согласно мировидению индейцев науа, все умирает и возрождается вновь, а Смерть понимается как рождение в другом мире и в другом качестве [Vásquez Zárate, 2009: 59]. Характерной чертой мезоамериканского мировосприятия было отсутствие страха перед Смертью; страх, который действительно испытывали науа, был связан с неопределенностью и неизвестностью челове-

ской жизни, воплощенной в образе Тескатлипоки — бога творца и разрушителя, бога судьбы и удачи [Westheim, 2003: 11].

С приходом испанцев в Новый Свет символизм Смерти стал расширяться, вобрав в себя европейский сюжет Пляски смерти, смеховые обрядово-зрелищные формы средневекового карнавала и католические традиции празднования Дня всех святых и Дня всех верных усопших. Однако, в отличие от смеховой культуры европейского средневековья с острым ощущением «победы над страхом... в комических образах смерти...» [Бахтин, 1990: 105], мексиканский концепт Смерти несет в себе не столько мотив преодоления страха, сколько утверждения жизни в ее неразрывной онтологической связи со Смертью. Если в европейской культуре «улыбка смерти» предстает как символ ее триумфа, то в мексиканском народном творчестве, начиная с XIX в., образ “La Muerte Sonriente” обретает яркий юмористически-игровой характер. Особую роль в его формировании сыграло творчество мексиканского графика Хосе Гуадалупе Посада (1852–1913), прославившегося своими карикатурами на политические и социальные темы. Одним из наиболее ярких образов, созданных Посадой и прочно вошедших в мексиканскую культуру, стала «Катрина» (дама в виде скелета в широкополой шляпе, одетая в элегантную одежду). Синтез всех перечисленных составляющих в современной мексиканской традиции обуславливает особое этнокультурное переживание смерти: жители Мексики и Юго-Запада США «размышляют о скелете не как о явлении, чуждом нашей культуре, но как о лейтмотиве, который помогает преодолевать неопределенность и непредсказуемость человеческой жизни» [Westheim, 2003: 31], как об учителе, помогающем познавать и проживать жизнь во всей ее полноте.

Наиболее яркая актуализация концепта Смерти в мексиканской и мексикано-американской традиции наблюдается в пространстве Дня Мертвых (El Día de los Muertos), ставшего своеобразным символом страны и средством этнокультурной идентификации местных жителей (подробно данная традиция нами рассмотрена в отдельной статье [Овчинникова, 2017]). При всех «фамильярных отношениях» со Смертью пространство этого праздника и по сей день сохраняет сакральную составляющую, которая обуславливает «выживание культуры, в том числе и на стадии цивилизации» [Вашенко, 2008: 115].

В мексиканском фольклоре образ “La Muerte Sonriente” находит выражение во множестве пословиц и устойчивых выражений, раскрывающих народные наблюдения, связанные с созерцанием Смерти: «Живому всего не хватает, а мертвому всего предостаточно» (“Al

vivo todo le falta y al muerto todo le sobra”); «Не плоха смерть, когда приходит к кому следует» (“No es mala la muerte cuando se lleva a quien debe”); «Мертвый становится тяжелым, когда чувствует, что его несут» (“Se hace pesado el muerto cuando siente que lo cargan”) и др. Мексиканцы с самого детства воспитываются в «приятельском диалоге» со Смертью, которая выступает своеобразным транслятором традиционных ценностей и понятий данной культуры. Программа детского творчества в школе предполагает совместное исполнение песнопений ко Дню Мертвых, изучение поэтических «калаверитас» (стихов на тему Смерти), изготовление касочных масок из картона в форме черепа, кукол-скелетов мужчин и женщин, одетых в элегантную одежду. Игровые образы Смерти окружают мексиканских детей и подростков повсюду, причем не только в контексте Дня Мертвых, но и в повседневной жизни, проникая в разные стороны массовой культуры: среди сувениров можно встретить ярко раскрашенные глиняные черепа, веселые изображения смерти на гофрированной бумаге, малые и большие (в рост человека) фигурки скелетов из папье-маше в виде музыкантов, влюбленных, пьяниц, гимнастов, крестьян и др.

Широкое распространение в Мексике и на Юго-Западе США получили юмористически-игровые изображения Смерти на листовках, плакатах, афишах, например, такого содержания: «Мальчик: О, смотрите, ходячий сахарный череп! — Смерть с косою: Черт побери, меня уже настолько запугали в Мексике, что я уже стала диабетиком!» Дети, привыкая получать на День Мертвых сахарные черепа, шоколадные кости и гробики, воспринимают образ Смерти через сладкий вкус, яркий цвет, игровую форму, что создает возможность живо и радостно пережить на доступном ребенку уровне встречу с ней. С другой стороны, эта «доступность» и повседневность общения со Смертью видится местным жителям «утомляющей» для нее самой. Мексиканцы не только не боятся Смерти, но и порой бранятся с ней как с соперницей, отбивающей жениха:

...No te llesves a mi novio!
No seas liosa, ni cretina,
Que mi novio es solo mío,
Busca el tuyo atrevida!²

...Не отбивай у меня парня!
Не будь лживой кретинкой,
Мой парень — только мой,
Найди-ка себе своего, нахалка!

Одним из популярных рекламных ходов в интернете выступает изображение Катрины, сидящей у компьютера и угрожающей встретиться лично с тем, кто не распространит указанное объявление: «Не забудь поделиться этим с твоими друзьями; а если не поделишь-

² Cisneros B. Calaveritas literarias para Día de Muertos. URL: <https://www.mejorandomihogar.com/calaveritas-literarias-para-dia-de-muertos/> (accessed: 05.12.2020).

ся, я тебя найду даже в Соединенных штатах!»³ Реклама похоронного агентства «Сан Мартин» содержит изображение трех друзей, обнявшихся за плечи, и надпись: «С хорошим другом — вместе до могилы» (“*Con el buen amigo, hasta la sepultura*”). Различные виды рекламы в кафе, ресторанах и магазинах предполагают игровое «включение» в диалог со Смертью: возможность поужинать и выпить пива за одним столиком со скелетом или исполнить музыкальное произведение на рояле в дуэте с Катриной, играющей на скрипке и др.

Презрение к смерти как основной мотив мексиканского фольклора выступает, по мнению Я.В. Сорокиной, одним из устоев «мачистского» мировоззрения, «мужской ипостаси» нации [Сорокина, 2009: 75]. Поэтические калаверы отличаются фамильярностью «общения» со Смертью, что в условиях культурного пограничья с Североамериканской цивилизацией обретает особую смысловую окраску — отсутствие страха перед тем, что другим внушает ужас:

¿Viene la muerte cantando,	Смерть идет, напевая,
Allá por las nopaleras!	Там, среди кактусов!
¿En qué quedamos, Pelona?	Так о чем мы договорились, Пелона?
¿Me llevas o no me llevas?	Ты меня берешь с собой или нет?

[Mosqueda, 2010: 25–26]

Исторический и культурный антагонизм двух культурных миров — патриархального мира чикано и потребительской цивилизацией США [Ващенко, 2013, 79–80] — обуславливает мотив внутреннего противостояния, в котором образ Смерти выступает главным союзником в борьбе против вооруженных деяний северного «миротворца»:

Esos desgraciados gringos	Эти паршивые гринго
Arman jaleo tras jaleo,	Устраивают бедлам за бедламом,
Matan y asesinan niños	Убивают и мучают детей
Por un poco de oro negro....	За горстку черного золота...
...La calaca hoy se los lleva	...Сегодня смерть их забирает,
Por hacerles competencia...	Чтобы составить им конкуренцию...
Quieren imponer la paz.	Они хотят установить мир.
Pero la paz de los sepulcros.	Но мир посреди гробов.

[Mosqueda, 2010: 30]

³ Calaveritas y versos para Día de Muertos. URL: <https://www.neostuff.net/calaveritas-y-versos-para-dia-de-muertos/> (accessed: 05.12.2020).

Другим важным мотивом калавер выступает снятие иерархических, национальных, социальных и классовых барьеров перед лицом Смерти. В песнях Л. Даунс, исполняемых в танцевальном ритме мексиканского сона, Смерть — с которой чикано мирно беседуют, покуривая сигары («А, вот и Смерть пожаловала! Привет!»⁴) — восстанавливает человеческое равенство богатых и бедных, священников и пророков, пьяниц и поэтов, врачей и плотников:

Viene la muerte echando rasero,	Смерть идет, примеряясь
se lleva al joven, también al viejo,	И к молодому, и к старику,
la muerte viene echando parejo,	Смерть идет ко всем без разбора,
no se le escapa ni un pasajero ⁵ .	От нее не может уйти ни один путник.

Танцевальный характер песен о Смерти создает для чикано особое пространство взаимодействия со своей мифологической подругой-покровительницей, помогающей переживать невзгоды и испытания. Т.И. Фраусто определяет эту традицию «как борьбу с забвением, которая позволяет переживать — и, возможно, трансформировать — новую действительность жизни эмигранта» [De Orellana, 2003: 7]. В условиях общей бедности мексикано-американского населения, составляющего в США наибольшее этническое меньшинство (более 43 млн вместе с нелегалами) [Ващенко, 2013: 80], его панибратски-фамильярные отношения со Смертью утверждают духовную связь со своим этнокультурным прошлым, пробуждают внутреннее достоинство.

Самобытным явлением мексиканского и мексикано-американского мира выступает традиция изготовления глиняной скульптуры «Древо Жизни». Особую разновидность такой скульптуры представляет Древо, ствол которого изображен в виде Смерти, а на кроне и ветвях, наряду с яблоками, листьями, цветами, присутствуют улыбающиеся черепа и танцующие, поющие, играющие на гитаре скелеты. Образ Смерти в виде Древа — символа вселенной в единстве и взаимосвязанности времени и пространства — утверждает категорию Смерти как смысловое ядро и сердцевину мексиканского и мексикано-американского бытия, как ствол, соединяющий Нижний (Мир Мертвых), Средний (мир людей) и Верхний (Божественный) миры в целостный космос культуры, а также ее прошлого, настоящего и будущего.

⁴ Downs L. El son de los Difuntos. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4Q-zFEjN-XI> (accessed: 05.12.2020).

⁵ Downs L. Viene la muerte echando rasero. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xwmpLoVX5o> (accessed: 05.12.2020).

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что юмористическо-игровые образы Смерти, выступающие одним из существенных оснований культуры Большой Мексики и самобытным «выражением мексиканского духа» [Reyes Landa, 2008: 65–77], выполняют следующие функции в мексиканской и мексикано-американской культурах: трансляция традиционной картины мира и традиционных ценностей; актуализация исторической и родовой памяти; установление живой связи с предками; идентификационная, воспитательно-обучающая, обрядовая, развлекательная и рекламная функции. Для мексикано-американцев особую значимость образы “La Muerte Sonriente” обретают в процессе этнокультурной идентификации, в обозначении границ мира чикано в национальной культуре США и в актуализации культурной связи и диалога с родиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.
2. *Ващенко А.В.* Возвращение на Итаку: этнокультурный фактор в мировом художественном пространстве второй половины XX в. М., 2013.
3. *Ващенко А.В.* Священное действо в культуре и игра в цивилизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 109–115.
4. *Овчинникова Ю.С.* Традиция песнопений ла кантада в контексте празднования Дня мертвых в г. Наолинко (штат Веракрус, Мексика) // Традиционная культура: науч. альм. 2017. № 4. С. 74–83.
5. *Сорокина Я.В.* Мексиканская Медея: Образ Плакальщицы (Ла Йороны) как фактор становления этнокультурного самосознания мексикано-американцев: Монография. М., 2011.
6. *Сорокина Я.В.* Фольклорный образ Плакальщицы: основные мотивы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 71–79.
7. *De Orellana M.* La Muerte sonriente // Artes de México. Día de Muertos II. Risa y calavera. 2003. N 67. Octubre. P. 6–7.
8. *Mosqueda S.G.* La muerte me pela los dientes. Colección Librería. Libros para todos. EMU editores mexicanos unidos, s.a. Marzo, 2010.
9. *Paz O.* Labyrinth of Solitude: Life and Thought in Mexico. N.Y., 1962.
10. *Reyes Landa R.* La Muerte como expresión de la mexicanidad // Festividad de Todos Santos. Concepción y misticismo acerca de la muerte en el centro de Veracruz. Editor Arturo Sánchez y Gándara. Mexico, 2009. P. 65–77.
11. *Westheim P.* Temor a la Muerte. Angustia de vivir // Artes de México. Día de Muertos II. Risa y calavera. 2003. N 67. Octubre. P. 31–36.

Julia S. Ovchinnikova

**“LA MUERTE SONRIENTE”: HUMOROUS PLAY IMAGERY
OF DEATH IN MEXICAN AND MEXICAN-AMERICAN
CULTURES**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991*

The article focuses on the research of the sources, artistic distinctiveness, symbolism and functions of humorous play imagery of Death in Mexican and Mexican-American cultures based on mythology, folklore, music, traditional food, crafts and different forms of mass culture (caricatures, advertisement, internet, puppet installations). The concept of “La Muerte Sonriente” is regarded as a synthesis of the following historical and cultural components: the ancient Mesoamerican tradition of veneration of the Death as a deity and the idea of duality; the traditions of Medieval Europe (carnival forms, the macabre dance and Catholic traditions of All Saint’s Day and All Soul’s Day); the art of J.G. Posada and its development in Mexican folklore. The author comes to the conclusion, that the humorous play imagery of Death being a key “expression of Mexican spirit” has the following functions in Mexican and Chicano cultures: the transmission of the traditional worldview and values, the actualization of family and historical memory, establishing live connection with ancestors, as well as educating, ritual, entertaining, advertising and identity functions. The concept of “La Muerte Sonriente” has a special significance for Mexican-Americans in the process of their ethno-cultural identification, in marking borders of Chicano world in the national culture of the USA and in the actualization of a cultural dialogue with the motherland.

Key words: La Muerte Sonriente; Mexican Humorous Play Imagery of Death; the Day of the Dead; Mexican-American culture; Chicano culture; traditional culture of Mexico.

About the author: *Julia S. Ovchinnikova* — PhD in Culturology, Associate Professor at the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: julia.barkova@gmail.com).

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2nd ed. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
2. Vashchenko A.V. 2013. *Vozvrashchenie na Itaku: ehcnokul'turnyi faktor v mirovom khudozhestvennom prostranstve vtoroi poloviny XX v.* [Return to Ithaca: Ethnocultural factor in artistic space of the second half of XXth century]. Moscow, FIYAR MGU. (In Russ.)
3. Vashchenko A.V. 2008. *Svyashchennoe deistvo v kul'ture i igra v tsivilizatsii* [The role of religious rites in culture and the role of games in civilization]. *Moscow State*

- University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 109–115. (In Russ.)
4. Ovchinnikova Yu.S. 2017. Traditsiya pesnopenii la kantada v kontekste prazdnovaniya Dnya mertvykh v g. Naolinko (shtat Verakrus, Meksika) [Tradition of the cantada chant in the context of the Day of the Dead celebration (Naolinco, Veracruz, Mexico)]. *Traditional culture: the scholarly almanac*, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.)
 5. Sorokina Ya.V. 2011. *Meksikanskaya Medeya: Obraz Plakal'shchitsy (La Llorona) kak faktor stanovleniya ehtnokul'turnogo samosoznaniya meksikano-amerikantsev* [Mexican Medeya: the Image of la Llorona as a factor of ethnocultural self-consciousness formation of Mexican Americans]: Monograph. Moscow, MAKS Press. (In Russ.)
 6. Sorokina Ya.V. 2009. Fol'klornyi obraz Plakal'shchitsy: osnovnye motivy [La Llorona in folklore: main motifs]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 71–79. (In Russ.)
 7. De Orellana M. 2003. *La Muerte sonriente. Artes de México. Día de Muertos II. Risa y calavera*. Núm. 67. Octubre, pp. 6–7. (In Spanish)
 8. Mosqueda S.G. 2010. *La muerte me pela los dientes*. Colección Librería. Libros para todos. EMU editores mexicanos unidos, s.a. Marzo. (In Spanish)
 9. Paz O. 1962. *Labyrinth of Solitude: Life and Thought in Mexico*. N.Y.
 10. Reyes Landa R. 2009. La Muerte como expresión de la mexicanidad. *Festividad de Todos Santos. Concepción y misticismo acerca de la muerte en el centro de Veracruz*. Editor Arturo Sánchez y Gándara. Mexico, pp. 65–77. (In Spanish)
 11. Westheim P. 2003. Temor a la Muerte. Angustia de vivir. *Artes de México. Día de Muertos II. Risa y calavera*. Núm. 67. Octubre, pp. 31–36. (In Spanish)

В.В. Робустова

**КОДИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЛЬВА КАССИЛЯ
«БУДЬТЕ ГОТОВЫ, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!»)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В языке фиксируется историко-культурная картина мира, ведь без слов невозможно ни описать объект, ни сохранить память о нем. Язык как хранитель и транслятор культурно-исторических ценностей оперирует обширным багажом различных средств для номинации новых объектов, их описания и репрезентации. Имя собственное выступает как одно из средств оязыковления нового знания, так и форма представления накопленного в языке знания в целом. Онимы обладают энциклопедическим значением, что дает возможность инкорпорирования большого информационного объема, но адекватное прочтение стоящей за именем информации зависит от фоновых знаний реципиента. Имя собственное может рассматриваться как код, с помощью которого происходит вербализация коммуникативного посыла автора, оно реализует когнитивную, коммуникативную, экспрессивную, аксиологическую и паролную функции в тексте. Для комплексного изучения функционирования ономастического кода культуры в литературном тексте было проанализировано произведение Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!». Данное произведение насыщено реалиями соответствующей эпохи, и имена собственные в нем порой репрезентируют социальные практики, характерные для того времени. Онимы используются для репрезентации социального статуса, индикации политической ситуации, не только идентифицируют личность, но и рисуют типичные для данной эпохи модели поведения. Для адекватного восприятия произведения необходимо декодировать энциклопедическую и социально-культурную информацию, представленную в именах собственных. Реализация именем кодирующей функции направлена на раскрытие семантического потенциала, смыслового развертывания имени собственного, его использования как универсальной языковой единицы, способ-

Робустова Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nikarbs@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ной одновременно активировать функцию языковой экономии и функцию многоуровневой интерпретации.

Ключевые слова: имя собственное; вербальные код; историческое и социокультурное знание.

В эпоху цифровизации, интенсивного обновления и доступности информации встает вопрос о формах сохранения и трансляции культурно-исторического наследия определенного государства и всемирного достояния в целом. Язык выступает одним из средств хранения и репрезентации культурно-исторической информации, способом передачи культурно-маркированных смыслов и их актуализации в коллективном и/или индивидуальном сознании. Знание, представленное с помощью языковых единиц, актуализируется в текстах, и использование наиболее эффективной словесной формы выражения мысли является ключевым аспектом коммуникации. Глубина смыслового наполнения единицы языка (информативного, экспрессивного, аксиологического и т.д.) определяет ее функциональный потенциал, способность к ее использованию в качестве репрезентанта культурно-маркированной информации, социокультурного знания в целом. «Условием правильной интерпретации текста является достаточность языковых и неязыковых факторов, включаемых в конкретную ситуацию общения. Достаточность языковых факторов определяется тремя моментами: а) полнота текста (полный контекст); б) корректность языка (правильность словоупотребления, правильность грамматической связи и т.д.); в) достаточность неязыковых факторов как основы знаний коммуникантов о ситуации речевого акта и владение пресуппозицией конкретных текстов. Совокупность всех указанных интра- и экстраязыковых условий образует ту основу естественной логики языка, которая обеспечивает адекватность порождения и восприятия смысла коммуникации» [Колшанский, 2018: 132]. Владение неязыковыми факторами, достаточными для адекватного кодирования и декодирования информации, является залогом успешности коммуникации, как внутри культуры, так и на межкультурном уровне.

О.Г. Дубровская в монографии «Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования» приводит обзор вариации используемых терминов для обозначения социокультурной специфики языка в системном и динамическом аспектах. «Наряду с традиционным термином “национально-культурный” известные способы именованья разнообразны: культурное значение, культурные смыслы (cultural meaning) (С. Strauss, N. Quinn), культурологическая информация (Е.Г. Беляевская), культурно значимая информация (Е.О. Опарина), культурологический комментарий (В.Н. Телия),

национально-культурный компонент (З.Д. Попова, И.А. Стернин), национально-культурная специфика (Д.О. Добровольский, И.Ю. Марковина), культурное знание (Т.Ю. Сазонова, И.С. Бороздина), этнокультурный компонент (Н.В. Ушкова) и т.д.)» [Дубровская, 2014: 10]. Разнообразие терминов подчеркивает наличие проблемы включения экстралингвистического знания разного порядка в модель коммуникации для успешного обмена информацией. Для имен собственных наличие разделенных фоновых знаний, общей энциклопедической информацией, стоящей за онимом, у коммуникантов является обязательным фактором построения коммуникации. Отсутствие культурологической информации у собеседников делает общение невозможным, они не могут понять друг друга, нет разделенного знания. Чем глубже брешь несовпадения фоновых знаний, тем менее эффективно использование имен собственных для передачи компрессированной информации.

Ю.Е. Прохоров писал, что принадлежность к культуре определяется наличием «базового стереотипного ядра знаний» [Прохоров, 2009]. Исследователи (Д.В. Гудков, В.В. Красных, Ю.Е. Прохоров) выделяют «культурный фонд» («когнитивную базу») как совокупность обязательных знаний и представлений конкретного сообщества, которыми в той или иной степени овладевает субъект. Данная когнитивная база формируется у человека в процессе взросления и вхождения в родную культуру, изначально закладывается в семье, затем развивается в школе и далее в рамках круга общения индивида. Все мы изучаем в школе одинаковую программу, читаем одни и те же книги на уроках чтения, знакомимся с зарубежными классиками, определенными образовательной программой. Естественно, что кто-то читает больше и знаком с большим количеством прецедентных текстов и имен, кто-то меньше, но ядро известно всем членам нашего общества. Именно владение разделенными, общими знаниями, помогает нам успешно общаться, сочинять анекдоты, использовать метафорический и метанимический перенос, аллюзии и иные стилистические приемы для передачи определенного смысла.

Ю.М. Лотман рассматривал культуру как «негенетическую» память, передаваемую языком, что дало возможность изучать язык как самостоятельную систему, которая репрезентирует «национально-культурный компонент» посредством лексических единиц. В языке культура «находит» знаковые (материальные) тела для воплощения своих смыслов (работы Ю.М. Лотмана), к таким языковым знакам культуры традиционно относят единицы языка, функционирующие отдельно, взятые «сами по себе», вне контекста, которые фиксируют значимую для той или иной культуры информацию.

Человеческий язык — это «уникальный материальный носитель информации» [Зыкова, 2011], артефакт культуры, адаптационный механизм, обеспечивающий выживание [там же].

Единицы языка рассматриваются как средство выражения, «овнешнения культурного смысла» [Гудков, Ковшова, 2007: 5], именно поэтому имя собственное способно репрезентировать историческое и социокультурное знание, но глубина развертывания данного знания перед реципиентом будет зависеть от его фоновых знаний, а интерпретация имени так же будет опосредована социокультурным контекстом. Еще в конце XX в. в рамках лингвострановедческой теории слова элемент семантики слова, благодаря которому язык выступает в качестве хранения духовных ценностей культуры, именуется лексическим фоном [Верещагин, Костомаров, 1980], а факторы, определяющие общение представителей культур на национальном языке, обозначаются термином «фоновые знания», к которым ученые-лингвисты (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин) относят общие для коммуникантов знания условий общения, обстановки, окружения, реалий — те общечеловеческие, региональные и страноведческие знания, возникающие в сознании человека и той общности людей, к которой они принадлежат.

Процесс репрезентации «культурных смыслов» во фразеологии был подробно изучен М.Л. Ковшовой и И.В. Зыковой. Специфика фразеологизмов как «культурно-языковых знаков» описывается через: а) макрометафорические концептуальные модели, в которых «сохраняется и накапливается вся культурная информация», как «память социума, говорящего на данном языке» и б) с помощью информационных слоев в содержании любого фразеологического знака, а именно: эмоционально-чувственной, этической, эстетической информации, архитипической, мифологической, религиозной, философской и научной информации [Зыкова, 2014]. Имя собственное способно выступать в роли культурно-языкового знака и репрезентировать глубокий пласт знаний, накопленный человечеством. Проанализируем особенности функционирования имени собственного в качестве лингвокультурного кода на примере романа советского писателя Льва Абрамовича Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!», который был впервые опубликован в 1964 г.

Роман насыщен именами собственными разных категорий и выступающих как в качестве первичной, так и вторичной номинации. Рассмотрим имена собственные с точки зрения реализации ими кодирующей функции, то есть проанализируем способность имени выступать в качестве лингвокультурного кода. *«Впрочем, сейчас ему, видно, было не до смеха. Должно быть, из Москвы, срочный телефонный вызов откуда неожиданно прервал заседание в каби-*

нете начальника пионерского лагеря *«Спартак»*, сообщили действительно что-то важное» [Кассиль, 2017: 3–4]. Этими строками начинается роман. Звонок из Москвы означает важный звонок, так как в Москве находится все руководство страны, звонок руководства не может быть неважным. Сразу взгляд останавливается на названии пионерского лагеря, которое относит нас к Древнему Риму и истории восстания рабов и гладиаторов. Однако данное название может актуализировать в себе несколько информационных слоев, оно так же принадлежало марксистской организации в Германии начала XX в., призывающей к мировой пролетарской революции, которая свергнет мировой капитализм, империализм и милитаризм.

Антропоним выступает портретом персонажа — «как Вы лодку назовете, так она и поплывет» говорил известный книжный персонаж, своего рода визитной карточкой героя. Имя реализует функцию индекса, указывая на статус героя, его положение в обществе. Начальник лагеря на протяжении всего романа носит имя отчество или полностью фамилию, имя и отчество, он уважаемый человек, руководитель. Бухгалтер же фигурирует только под фамилией и традиционным для того времени обращением «товарищ», что так же подчеркивает уровень его образованности с одной стороны и позицию «все равны» с другой.

«— Ох, **товарищ Макарычев**, — вздохнул начальник с усмешкой, — ты что, только календари и инструкции в жизни читал?»

— Зачем же, обиделся тот. — Неверно заявляете, **Михаил Борисович**, я и в газету гляжу, что ни день прорабатываю» [там же: 5].

«Бухгалтер **товарищ Макарычев** плотно закрыл окно, выходящее прямо на море. ... Начальник **Михаил Борисович Кравчуков** отнял телефонную трубку от уха ... Ну, поздравляю, — сказал он. — Как это там у **Гоголя** в *«Ревизоре»*?.. Должен сообщить неприятное известие ... К нам едет принц» [там же]. С помощью использования прецедентного имени и стоящего за ним прецедентного текста, автор иронически передает сложившуюся ситуацию (ирония достигается путем актуализации знания, стоящего за произведением «Ревизор»), намекая на то, что в лагере, как и в любом городе, есть свои проблемы и начальнику нужно будет искать выход из положения.

«В *«Артек»*, что ли, позвонить? Пусть поделятся опытом. У них уже там жили какие-то принцы и принцессы из **Лаоса** и **Камбоджи**, кажется» [там же]. Русский читатель прекрасно знает, что Артек являлся самым знаменитым пионерским лагерем СССР, визитной карточкой пионерской организации страны. Именно туда направлялись дети из стран, с которыми активно поддерживал отношения

Советский Союз. Артек здесь реализует две смысловые составляющие, с одной стороны это действительно отличный пионерский лагерь в Ялте, с другой это указание на наличие богатого опыта, «позвонить в Артек» — проконсультироваться с опытными сотрудниками. Использование топонимов Лаос и Камбоджа идентифицирует страны, с которыми взаимодействовал СССР.

Рассмотрим еще один яркий пример имя наречения. «... а в дверях стоял некто, по имени **Тараска** и по фамилии **Бобунов**. ... Недаром его звали и **Тарасконом из Тартарена, и Трензелем-бубном, и Транзистором, и Тарантеллой, и Тарантасом**» [там же: 8]. Использованный в имени суффикс «-ка» имеет пренебрежительную окраску, вряд ли такой герой мог пользоваться глубоким уважением у ребят. Однако у него было много прозвищ, что говорит о принятии его группой. Набор прозвищ не случаен, как и все имена собственные, использованные автором в произведении. Они показывают уровень образованности советских школьников, раз они использовали данные имена, значит герои, стоящие за ними изначально, были ребятам знакомы. Тараскон из Тартарена является аллюзией на цикл романов французского писателя Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона», где Тартарен это имя героя, а Тараскон — город на юге Франции. Автор мастерски обыгрывает название произведения, тем самым иронично рисуя ребячий мир, но понять данную игру может только читатель, обладающий соответствующими знаниями. Трензель-бубен, Транзистор и Тарантас — данные прозвища в основе имеют имя нарицательное, построены на аллитерации и призваны репрезентировать трещащий звук, так как болтовня часто ассоциируется с трескотней. Тарантелла — итальянский народный танец, так же показывает широту культурного знания школьников, их можно сказать межкультурной компетенции.

В лагере ждали наследного принца, но без самозабвения и благоговения. Автор тонко передает отношение ребят к приезду принца. «*Слава Несметнов тем временем снова расставлял шахматные фигуры на доске ... Если бы Тараска сообщил, что приехал младший брат знаменитого вратаря Льва Яшина, ожидаемый в лагере уже не первый год ... — вот тогда бы шума было гораздо больше*» [там же: 11]. Использование имени Льва Ивановича Яшина, легендарного вратаря футбольной команды «Динамо» и сборной СССР, показывает интерес советских школьников к спорту, здоровому образу жизни и вместе с тем воссоздает в сознании современных читателей фрагменты истории родной страны. Имя Льва Яшина является своего рода иконой, символом футбола, вехой в истории сборной СССР.

В качестве лингвокультурного кода употребляются фамилии известных в Советском Союзе актеров. «— Докатились, в общем, —

сказала одна из самых ехидных девчонок лагеря, Зюзя Махлакова, — скоро уже царей в пионерлагерь принимать начнут. ... — Вот если бы **Баталов** приехал. У меня уже **три Баталова** есть, но все без подписи, и **Стриженовых четыре**. А **Рыбникова** только половинка, мы с Сонькой Пушкаревой пополам поделили» [там же: 18–19]. Имя Алексея Баталова неизменно ассоциируется с легендарным фильмом «Москва слезам не верит», Олег и Глеб Стриженовы снимались в фильмах «Неуловимые мстители», «Гараж», «Овод», «Сорок первый» и других широко известных в СССР фильмах. Николай Рыбников — народный артист РСФСР, снимался в таких картинах, как «Весна на Заречной улице» и «Девчата». Имена собственные представляют не только энциклопедическую информацию, касающуюся жизни и творчества актеров, но и социальные практики того времени. Фраза «А Рыбникова только половинка» говорит о том, что в то время дети собирали фотографии любимых актеров, вели песенники и тетради, куда вклеивали фотографии, записывали стихи, песни, короткие рассказы. Сейчас эта традиция ушла, но ономастический код позволяет нам «спрятать» эту информацию и напомнить о хорошо знакомом и совсем забытом посвященному читателю.

Приведем примеры, в которых ономастический код выражен в названиях песен, репрезентирующих русскую культуру, использовании топонимов для зарисовки юности героев. Используются только два топонима, но они дают полную картину жизни начальника лагеря.

«И знаешь, что пели в мою честь? **«Катюшу»!**.. «Выходила на берег Катюша». А еще — не догадаешься! **«Очи черные»** [там же: 28].

«Да ты знаешь, Павел Андреевич, ребят я всегда любил. Помнишь, еще в партизанском отряде на **Брянщине** они за мной так и ходили следом. Своих ... ты знаешь ... под **Смоленском** потерял. Так и сгинули ...» [там же: 24].

В следующем примере ономастический код реализуется в прозвище и прагмониме. «Тогда, чтобы принц не очень уж заносился, бледноватый и вялый Гелик Пафнулин, снискавший уже у старших ребят кличку **«Графа Нулина»**, никак не загоравший сынок директора комбината бытового обслуживания, считавшегося, по словам Гелика, крупным начальником, вдруг сказал: — Ну и что же! А у моего папы есть персональная и даже личная собственная машина **«Волга»**, спецборки, с хромировкой вокруг» [там же: 37]. Прозвище Граф Нулин является аллюзией на одноименное произведение А.С. Пушкина «Граф Нулин», которое в свою очередь пестрит именами собственными — репрезентантами эпохи того времени:

*«Граф Нулин, из чужих краев,
...
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
...
С ужасной книжкой **Гизота**,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым **Вальтер-Скотта**,
С bon-tots парижского двора,
С последней песней **Беранжера**,
С мотивами **Россини, Пера**,
Et cetera, et cetera» [Пушкин].*

Мы видим, что использование ономастического кода культуры не является чем-то новым в творчестве поэтов и писателей, однако имя собственное практически не исследовано с точки зрения его способности репрезентировать, транслировать и сохранять социокультурное и историческое знание.

Приведем последний пример, где онимы служат ключом к портрету эпохи, в них закодирован широкий пласт исторической, идеологической, социокультурной и аксиологически окрашенной информации. *«Тараска и Ярослав наперебой рассказывали Дзэлику о Будённом, о полярниках и об атомоходе «Ленин», о Павлике Морозове, Володе Дубинине, молодоговардейцах и космонавтах. А принц говорил им о бойскаутах из организации «Королевские тигры», и о Тарзане, про которого он читал в книжках больше, чем было в кино» [Кассиль, 2017: 70–71].*

В тексте произведения встречаются не только имена, репрезентирующих русский лингвокультурный код. *«Помнишь, как «Санта-Мария» не хотела быть за войну ... Она подняла флаг, свой флаг, и пошла в Бразилию» [там же: 155],* что показывает уровень осведомленности о международных событиях советских школьников, показывает их интересы и одновременно воссоздает картины эпохи и бережно хранит их.

Имя собственное является уникальным языковым знаком, обладающим как лингвистическим, так и экстралингвистическим значением. Лингвистическое значение фиксировано и практически не изменяется. Экстралингвистическое значение способно расширяться, принимать различные формы интерпретации в зависимости от контекста и фоновых знаний реципиента, оно подвижно и характеризуется динамикой от сужения до расширения исходного экстралингвистического значения. Имена собственные способны выступать в качестве лингвокультурного кода, для декодирования которого необходимо наличие общей когнитивной базы адресанта

и адресата сообщения. Имя не только передает определенную информацию, но и символизирует дух эпохи, конструирует определенный фрейм восприятия и расширяет горизонты реципиента, оставаясь при этом неизменным хранителем мирового культурного наследия, языковой репрезентацией которого оно является.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
2. *Дубровская О.Г.* Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования. Тамбов, 2014.
3. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М., 2007.
4. *Зыкова И.В.* Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое: Монография. М., 2011.
5. *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
6. *Кассиль Л.А.* Будьте готовы, Ваше высочество! М., 2017.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 2018.
8. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
9. *Молчанова Г.Г.* Синергия визуального и вербального в хроматике (живописи) как семиотический код коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 7–19.
10. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2009.
11. *Пушкин А.С.* Граф Нулин. URL: <https://ilibrary.ru/text/446/p.1/index.html> (дата обращения: 13.12.2020).

Veronika V. Robustova

THE CODING FUNCTION OF PROPER NAMES IN LITERARY TEXT

**(BASED ON THE EXAMPLE OF LEV KASSIL'S NOVEL
"GET READY, YOUR HIGHNESS!")²**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The language captures the historical and cultural picture of the world, because without words it is impossible either to describe an object, or to preserve the memory of it. Language as a keeper and translator of cultural and historical values operates with a vast baggage of various means for the nomination of new objects, their description and representation. A proper name acts as one of the means of verbal-

² This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

izing new knowledge, and a form of representation of knowledge accumulated in the language as a whole. Onyms have encyclopedic meaning, which makes it possible to incorporate a large amount of information, but an adequate understanding of the information conveyed by the name depends on the background knowledge of the recipient. A proper name can be considered as a code with the help of which the author's communicative message is verbalized; it realizes the cognitive, communicative, expressive, axiological and password functions in the text. For a comprehensive study of the functioning of the onomastic code of culture in the literary text, the work of Lev Kassil "Get ready, Your Highness!" was analyzed. This work is saturated with the realities of the corresponding era, and proper names in it sometimes represent social practices characteristic of that time. Onyms are used to represent one's social status, indicate a political situation, not only identify a person, but also draw patterns of behavior typical of a given era. For an adequate perception of the work, it is necessary to decode the encyclopedic and socio-cultural information presented in proper names. The implementation of the coding function by the name is aimed at the semantic disclosure of the potential of the semantic development of a proper name, its use as a universal linguistic unit capable of simultaneously activating the function of linguistic economy and the function of multilevel interpretation.

Key words: proper name; verbal code; sociocultural knowledge.

About the author: *Veronika V. Robustova* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nikarbs@yandex.ru).

REFERENCES

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1980. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova*. M.: Russkii yazyk [Linguistic and cultural theory of the word]. Moscow, Russian language. (In Russ.)
2. Dubrovskaya O.G. 2014. *Sotsiokul'turnaya spetsifika diskursa: sub'ektnyi printsip formirovaniya* [Sociocultural specificity of discourse: the subjective principle of formation]. Tambov, Publishing house of T.R. Derzhavin. (In Russ.)
3. Gudkov D.B., Kovshova M.L. 2007. *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu* [The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnosis. (In Russ.)
4. Zykova I.V. 2011. *Kul'tura kak informatsionnaya sistema: dukhovnoe, mental'noe, material'no-znakovoe: monografiya* [Culture as an information system: spiritual, mental, material-sign: monograph]. Moscow, Librokom. (In Russ.)
5. Zykova I.V. 2014. *Rol' kontseptsfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov: avtoref. dis. ... d-ra filol nauk* [The role of the concept sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs: author. dis. ... Doctor of Philological Sciences]. Moscow. (In Russ.)
6. Kassil L.A. 2017. *Bud'te gotovy, Vashe vysochestvo!* [Get ready, Your Highness!]. Moscow, ENAS-KNIGA. (In Russ.)
7. Kolshansky G.V. 2018. *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [Communicative function and structure of language]. Moscow, LENAND. (In Russ.)

8. Lotman Yu.M. 1999. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow, Languages of Russian culture. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2015. Sinergiya vizual'nogo i verbal'nogo v khromatike (zhivopisi) kak semioticheskii kod kommunikatsii [Synergy of the visual and the verbal in chromatics (painting) as a semiotic code of communication]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 7–19. (In Russ.)
10. Prokhorov Yu.E. 2009. *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National sociocultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow, URSS. (In Russ.)
11. Pushkin A.S. *Count Nulin*. URL: <https://ilibrary.ru/text/446/p.1/index.html> (accessed: 12/13/2020). (In Russ.)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В.В. Сафонова

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ КАЧЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ УНИВЕРСИТЕТА XXI В.¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях глокализованного мира международная активность и эффективность научно-исследовательской деятельности российских вузовских кадров в значительной мере зависит от уровня их переводческой образованности, позволяющей осуществлять исследовательскую деятельность и представлять ее на русском и иностранном языках в формате, приемлемом для лингвокультурного восприятия и оценивания участниками международной научной коммуникации. В статье разграничиваются понятия «компетенции профессионального переводчика» и «переводческая образованность» преподавателя вуза, не являющегося профессиональным переводчиком, но использующим перевод в преподавательской и научно-исследовательской деятельности, в том числе и в медиативных целях. В ней доказывается необходимость концептуализации понятия «переводческая образованность» преподавателя как научного работника посредством лингводидактического прочтения и интерпретации общеевропейской четырехуровневой модели описания исследовательских компетенций исследователя, исходя из его статусного ранга, наличия/отсутствия у него ученой степени и соотносимых с ними функциональных должностных обязанностей и раскрывается технология идентификации билингвальных лингвокультурных (в том числе медиативных) умений у исследователя конкретного ранга, необходимых для успешного международного сотрудничества российских преподавателей в контексте «Открытая наука. Открытые инновации. Открытые миру».

Сафонова Виктория Викторовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eugoschool@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ключевые слова: преподаватель высшей школы; переводческая образованность; перевод; медиация; профессиональный билингвизм; лингвокультурная адаптация; компетентностный подход; научно-исследовательская среда.

Социокультурный контекст педагогической и научно-исследовательской деятельности российского преподавателя университета в условиях глокализованного мира существенно отличается от социокультурного контекста этих видов его деятельности в XX в., поскольку в настоящее время для последнего характерны:

1) усиление степени интеграции российской науки в пан-европейское научно-исследовательское пространство с ориентацией на международно-поддерживаемую концепцию и платформу “Open Innovation. Open Science. Open to the World” [Open innovation. Open science. Open to the world — a vision for Europe, 2016], причем, определены задачи, принципы, перспективы, критерии и стандарты оценивания качества научно-исследовательского труда (по мере индивидуального продвижения по научной карьере) и научных продуктов, форматы цифровизации научных продуктов и научно-исследовательской коммуникации между собой и с другими представителями общества в XXI в. [Исследователь XXI века, 2018];

2) переход от одноуровневой к европейской трехуровневой системе высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) или (компромиссный) двух-уровневой системе образования в высшей школе (специалитет, аспирантура/ординатура);

3) переход на международно-ориентированную компетентностную парадигму университетского образования [Исследователь XXI века, 2018], международно-ориентированную стандартизацию российской высшей школы и оценивания качества образования;

4) государственная востребованность в России эффективного решения задач научно-технологического развития страны за счет восполнения дефицита кадров, готовых не только проводить исследования на мировом уровне, но и брать на себя ответственность за постановку и развитие приоритетов научных направлений в интересах России [Воробьева, Иванникова, Караваева и др., 2020];

5) профессиональная ориентировка российских кадров высшей квалификации на включение в систему международных грантов как инструментов международного партнерства;

6) стимулирование профессорско-преподавательских коллективов к созданию международных программ высшего образования и ориентации на повышение академической мобильности студенчества;

7) расширение системы международных образовательных программ (международных программ двойного диплома, сетевых образовательных программ, международных образовательных платформ для формального и неформального образования и самообразования) с одновременной установкой на увеличение контингента иностранных студентов в ведущих университетах России;

8) усиление роли международного рейтинга качества университетского образования (с образовательной и научно-исследовательской составляющими) как инструмент международного признания вуза, существенно влияющего на кадровую политику конкретного университета в России;

9) ввод международной составляющей в индикаторы эффективности как педагогической, так и научно-исследовательской деятельности преподавателя высшей школы [Исследователь XXI века, 2018].

Столь радикальные изменения социокультурного контекста университетского образования в настоящее время даже по сравнению с началом тысячелетия существенно влияют на диапазон использования перевода в профессиональной деятельности российского преподавателя университета, а также учебной и научно-образовательной деятельности студентов. В этой статье хотелось бы поднять вопрос об уровне переводческой образованности вузовского преподавателя, который бы позволил ему быть равноправным партнером в условиях международного сотрудничества и партнерства в общеевропейском научно-исследовательском пространстве. Попутно следует заметить, что понятие «переводческая образованность» лишь частично может соотноситься с понятием «переводческая компетентность», но не эквивалентна последнему, так как в первом случае речь идет о готовности и способности современного преподавателя использовать разные виды *перевода как медиативной деятельности* в профессиональных целях в общеевропейском научно-исследовательском или образовательном пространстве, в то время как во втором случае речь идет о переводческой деятельности профессионального переводчика в разных сферах и областях межкультурной коммуникации.

Для концептуализации содержания понятия «переводческая образованность университетского преподавателя» в плане его международно-ориентированной научной работы и культуры научного труда представляется важным: а) осветить существенные характеристики общеевропейского научно-исследовательского пространства; б) функциональное назначение перевода как компонента медиативной деятельности преподавателя высшей школы в условиях

международно-ориентированной научной коммуникации; в) определить компетентностные требования к культуре международно-ориентированного научного труда и качества его продуктов.

Анализ международных документов по вопросам создания общеевропейского научного пространства, обновления общеевропейской политики в области развития науки и общеевропейских требований к научному труду, его организации и способов оценивая его качества в XXI в. [G7 Science Ministry Ministers' Communiqué, 2017; Open innovation. Open science. Open to the world — a vision for Europe, 2016; Wouters, Ràfols, Oancea, Jacob et.al, 2020] показал, что особое внимание Европейского Союза направлено на создание рамочных рекомендаций по оцениванию научных работников разных рангов [Towards a European Framework for Research Careers, 2011; Research profiles descriptors. EURAXESS Germany, 2016] и разработку программ по инновационной подготовке научных кадров в едином общеевропейском научно-исследовательском пространстве, которые способны определять приоритетные направления и содержания взаимосвязанного развития образования, науки, культуры и технологического оснащения человеческой жизнедеятельности в новом тысячелетии и оценивать риски принимаемых научных решений для развития человеческой цивилизации в целом.

Создание и укрепление в настоящее время общеевропейского инновационного исследовательского пространства ведется по таким направлениям, как:

- определение принципов кооперации и сотрудничества в условиях пан-европейского научно-исследовательского пространства;
- стандартизация научного труда в области: а) деятельности членов научно-исследовательского сообщества (включая университетские сообщества, национальные и общеевропейские исследовательские центры и т.п.); б) диапазона научного взаимодействия и взаимопроникновения друг в друга научно-исследовательских сообществ, бизнес-сообществ, культурно-просветительских сообществ, сообществ, относящихся к организации и обеспечению социальных сфер жизнедеятельности современного еврообщества; в) особенностей цифровой экономики и цифровой науки;
- направление «Открытая наука» (Open Science) и изучение степени ее проникновения в научные сообщества разных европейских стран, в том числе в терминах «трех О» (открытые инновации, открытая наука и открытость миру) как новое видение стратегии общеевропейского пространства и существования в нем [G7 Science Ministry Ministers' Communiqué, 2017; Open innova-

tion. Open science. Open to the world — a vision for Europe, 2016; Wouters, Ràfols, Oancea, Jacob et.al, 2020];

- правовое регулирование взаимодействия всех субъектов (исследователей и исследовательских центров, представителей бизнес-сообществ, образовательных структур, включая постуниверситетские, социальные институты и общественные организации), действующих в общеевропейском инновационном исследовательском пространстве;
- выработка компетентностных критериев ранговой оценки качества исследовательского труда [Research profiles descriptors, 2016; Towards a European Framework for Research Careers, 2012; Wouters, Ràfols, Oancea, 2019].

При концептуализации понятия «переводческая образованность» особый интерес представляет общеевропейский компетентностный подход к ранжированию требований к обязательным видам научной деятельности (necessary competences) исследователя, а также тем видам научной деятельности /НД/, наличие которых желательно научному работнику иметь в его исследовательском арсенале. Это компетентностное ранжирование исследовательского труда осуществлялось, исходя из уровня образования, наличия/отсутствия конкретной научной степени и научного звания, должностного функционала научного работника, потребностей современного общества относительно науки как движущей силы развития интернетизированной человеческой цивилизации. В результате была выделена следующая компетентностно-ориентированная иерархия рангов исследователей: 1. **Исследователь первого ранга** (начинающий исследователь) до получения степени доктора философии /R1, First Stage Researcher/. 2. **Исследователь второго ранга** со степенью доктора философии (или эквивалентными степенями), который еще не готов осуществлять исследовательскую деятельность полностью самостоятельно, например, полностью самостоятельно руководить научно-исследовательскими проектами /R2, Recognised Researcher/. 3. **Исследователь третьего ранга** (независимый исследователь, готовый и способный выполнять исследовательскую деятельность абсолютно самостоятельно), в том числе и в инновационной области научного знания /R3, Established Researcher/. 4. **Исследователь четвертого ранга**, возглавляющий исследовательскую работу в приоритетной и инновационной области научного знания /R4, Leading Researcher/ [Research profiles descriptors, 2016]. Диапазон ожидаемых видов деятельности у исследователей разных рангов различен, причем, он возрастает как по видам деятельности, так и по требо-

ваниям к качеству их выполнения и описывается в терминах компетентностных действий (см, например, компетентностные действия, наличие которых предполагается, например у исследователя второго ранга в табл. 1).

Предполагается, начиная с исследователя ранга R2, что вузовский преподаватель должен быть вовлечен в процесс обмена научными достижениями со своими зарубежными коллегами и обсуждения научных достижений в международном научно-исследовательском сообществе, причем прежде всего на английском языке, хотя не исключаются и другие языки международного научного общения. В этом случае компетенции исследователя каждого ранга должны быть переосмыслены как в плане монолингвальных академических умений на ИЯ, так и билингвальных умений на ИЯ и РЯ.

Таблица 1

Компетенции исследователя ранга R2

R2 Necessary Competences & Desirable Competences	
Necessary Competences:	Desirable Competences
<p>S/he:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ has demonstrated a systematic understanding of a field of study and mastery of research associated with that field; ➤ has demonstrated the ability to conceive, design, implement and adapt a substantial programme of research with integrity; ➤ has made a contribution through original research that extends the frontier of knowledge by developing a substantial body of work, innovation or application. This could merit national or international refereed publication or patent; ➤ demonstrates critical analysis, evaluation and synthesis of new and complex ideas; ➤ <i>can communicate with their peers</i> — be able to explain the outcome of their research (and value thereof) to the research community; ➤ takes ownership for and manages own career progression, sets realistic and achievable career goals, identifies and develops ways to improve employability; ➤ co-authors papers at workshop and conferences 	<p>S/he:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ understands the agenda of industry and other related employment sectors; ✓ understands the value of his/her research work in the context of products and services from industry and other related employment sectors; ✓ <i>can communicate with the wider community, and with society generally, about their areas of expertise;</i> ✓ <i>can be expected to promote, within professional contexts, technological, social or cultural advancement in a knowledge based society;</i> ✓ can mentor First Stage Researchers, helping them to be more effective and successful in their R&D trajectory

Source: URL: <https://euraxess.ec.europa.eu/europe/career>

Если попытаться переосмыслить эти исследовательские умения преподавателя вуза в ранге R2 в контексте его межкультурного научно-исследовательского взаимодействия с зарубежными коллегами, то эффективность последнего обеспечивается наличием у вузовского работника комплекса умений, при этом преимущественно билингвальных умений: 1) осуществлять рецензирование диссертационных работ и научных трудов на русском языке и иностранном языке /Р&ИЯ/; 2) выполнять и представлять на Р&ИЯ научные монографии и другую научную продукцию в условиях международного исследовательского взаимодействия; 3) подготавливать заявки и предложения для получения исследовательского гранта, и участия в международных проектах, ведения организационно-научной и научно-исследовательской переписки, подготавливать научные индивидуальные отчеты; 4) редактировать разные виды научного текста на Р&ИЯ; 5) читать проблемные лекции по инновационным аспектам научного знания и научно-просветительные лекции на Р&ИЯ. Помимо этих билингвальных вербальных умений, в условиях межкультурной научной коммуникации вузовский преподаватель-исследователь второго ранга неизбежно выступает как кросс-культурный/плюрикультурный медиатор, способный помочь участникам межкультурной научной коммуникации достигать взаимопонимания при обсуждении научных проблем, преодолевая возникающие терминологические барьеры. Для этого он должен владеть стратегиями осуществления таких видов медиации, как: а) *текстообразующая медиация* (включающая использование перевода для целей достижения научного взаимопонимания) [Council of Europe, 2018: 109–116], б) *коммуникативно-регулятивная медиация* [Council of Europe, 2018: 124–127] и в) *понятийно-регулятивная медиация* [Council of Europe, 2018: 120–123]. При этом, если исходить из диапазона научной деятельности исследователя R2, то предполагается, что он должен владеть всеми разновидностями текстообразующей медиации, в то же время только теми разновидностями коммуникативно-регулятивной и понятийно-регулятивной медиации, которые профессионально востребованы в рамках функционала его должностных обязанностей и этапа университетской карьеры.

Иными словами, профессиональный билингвизм (а в некоторых случаях и трилингвизм) — это одна из необходимых характеристик современного вузовского научно-педагогического и исследовательского труда, в котором переводческая деятельность задействована непосредственно или опосредованно. И эта двуязычная деятельность

выполняется как в собственно переводческих целях, так и в целях оказания медиативной помощи другим участникам научной коммуникации в ситуациях возникновения вербального коммуникативно-когнитивного диссонанса. Как следствие, двуязычная деятельность преподавателя-исследователя в условиях международной научной коммуникации включает не только перевод, традиционно понимаемый как процесс перекодирования исходного текста на язык перевода с учетом задач и видов перевода, типа текста и ресурсов языка перевода и под воздействием собственной индивидуальности, в результате которого создается текстовый продукт [Алексеева, 2004: 5], качество которого оценивается в терминах переводческой адекватности, но в целом ряде случаев она подразумевает работу преподавателя по лингвокультурной адаптации речевого научного произведения как в коммуникативно-содержательном плане, так и в отношении формата дискурса конкретного научного жанра, в процессе которого, хотя преподаватель и совершает необходимые переводческие действия, но ими эта его деятельность не исчерпывается. При дискурсном лингвокультурном форматировании вербального научного продукта обязательно имеет место медиативная лингвокультурная адаптация научного текста на ИЯ с ориентацией на международно-поддерживаемые форматы представления научных результатов на международной арене, которая вполне оправдана с позиции коммуникативно-функциональной теории перевода как вид вариативной интерпретации действительности [Молчанова, 2015]. Иными словами, лингвокультурная (переводческая) адаптация представляет собой выбор коммуникативно-когнитивной стратегии и ее реализацию в процессе лингвокультурного форматирования письменного или устного вербального поведения на ИЯ участниками международного взаимодействия в научной сфере или сфере образования с учетом международно-поддерживаемых требований к представлению научных и научно-педагогических результатов на международной арене и с ориентацией на коммуникационные матрицы и конвенциональные договоренности, которые функционируют и приняты в международном научном-сообществе и научно-образовательной среде XXI в. Лингвокультурная адаптация научных речевых произведений (включающая использование перевода в медиативных целях), направлена на достижение коммуникативно-когнитивного взаимопонимания в научной среде и с этой целью она затрагивает как коммуникативно-содержательный план научного сообщения, так формат дискурса конкретного научного жанра, в котором оно представлено.

В настоящее время явно доминирует евроатлантический формат представления научных достижений, как следствие, интенсивной англолизации научной коммуникации на зарубежных международных конференциях и других научных мероприятиях, поскольку английский язык как международный язык приобрел функцию лингва франка [Прошина, 2016], в том числе и в научно-исследовательской сфере коммуникации, а также учитывая усиление его социального статуса в образовании ряда европейских стран, в частности, в Германии [Едличко, 2018].

Поясним это на следующем примере. До начала XXI в. в восточно-европейских странах, включая Россию, доминировали преимущественно национальные традиции построения и форматирования научного дискурса, однако изменения на геополитической карте мира привели к культивированию *евроатлантического* формата дискурса в международном научном сообществе особенно при общении на английском языке, что, в свою очередь, оказало впоследствии существенное влияние на способы структурирования и композиционного построения научных текстов. Если научная продукция российских исследователей предназначена для восприятия и обсуждения в международном европейском научно-исследовательском сообществе за пределами России, то она должна быть представлена в евроатлантическом формате, невзирая на язык статьи (английский или русский). В частности, в зарубежные рецензируемые и с высокой научной репутацией журналы статья будет принята для рассмотрения при условии, что она не только содержит научную новизну и в ней представлены теоретические или прикладные значимые научные результаты, но ее научная информация структурируется с ориентацией на обязательное включение в текст статьи таких подразделов, как: введение, обзор литературы, методы и методики исследования, результаты исследования, основные положения для научной дискуссии, выводы и перспективы использования нового научного знания в научном сообществе и в обществе в целом с указанием на наличие или отсутствие необходимости проведения дальнейших исследований по обсуждаемой тематике и проблематике.

Итак, переводческая образованность как часть профессионального билингвизма представляет собой готовность и способность преподавателя использовать разные виды письменного и устного перевода в профессиональных целях, использовать перевод как средство медиации в условиях межкультурной педагогической и научной коммуникации, а также способность осуществлять при коммуникативно-когнитивной необходимости билингвальному

лингвокультурную адаптацию продуктов научной деятельности, исходя из функциональных факторов межкультурного научного и научно-педагогического общения, в том числе из международно-поддерживаемых требований евроатлантическому формату и дискурсивному построению устного и письменного научного текста, сценариев лингво-культурного поведения на научных мероприятиях разного ранга, если научное взаимодействие российских преподавателей университета с представителями научного мира других стран происходит в условиях международной научной коммуникации.

Следует иметь в виду, что уровень переводческой образованности — это величина переменная, поскольку необходимость достижения того или иного уровня определяется профессиональной необходимостью, ранговым статусом преподавателя и планируемой траекторией его карьерного роста.

Последовательное и системное развитие переводческих способностей у студентов университетов и овладение ими технологиями современного переводческого труда нацеливает на внесение существенных изменений в образовательные программы и соответственно в учебные планы подготовки магистров и аспирантов вне зависимости от профиля направления и профиля подготовки при изучении иностранного языка как специальности (на непереводческих отделениях) и в специальных целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.; М., 2004.
2. *Воробьева О.В., Иванникова Е.М., Маландин В.В., Секиринский Д.С., Караваева Е.В., Сулейманова А.И., Телецова И.Г.* Лидерство и управление в научно-технологической сфере: модель компетенций // Высшее образование в России. 2020. № 8–9. С. 26–38.
3. *Едличко А.И.* Социальный статус английского языка в системе образования немецкоязычных стран // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 77–86.
4. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / Отв. ред. Е.В. Караваева. М., 2018.
5. *Молчанова Г.Г.* Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9–21.
6. *Прошина З. Г.* EIL ИЛИ EFL? Изменение нормы буквы или новая концепция языкового образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 171–186.

7. Council of Europe, Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment: Companion volume. Strasbourg: Department Council of Europe Language Policy, Programme Education Policy Division Education Department Council of Europe, 2018.
8. G7 Science Ministry Ministers' Communiqué. 2017. URL: http://www.g7italy.it/sites/default/files/documents/G7%20Science%20Communiqu%C3%A9_1/index.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
9. Open innovation. Open science. Open to the world — a vision for Europe. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016.
10. Research profiles descriptors. EURAXESS. Germany. 2016. URL: <https://euraxess.ec.europa.eu/europe/career-development/training-researchers/research-profiles-descriptors> (дата обращения: 15.11.2020).
11. *Towards a European Framework for Research Careers*. URL: https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/towards_a_european_framework_for_research_careers_final.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
12. *Wouters P., Råfols I., Oancea A., Kamerlin Sh.C.L., Holbrook J.B., Jacob M.* Indicator Frameworks for Fostering Open Knowledge Practices in Science and Scholarship Report of the Expert Group on Indicators for Researchers' Engagement with Open Science. Luxembourg: Publications Office of — the European Union, 2019.

Victoria V. Safonova

**TRANSLATION AND INTERPRETATION
COMPETENCES AS AN INTEGRAL QUALITY
OF THE XXI CENTURY UNIVERSITY TEACHER**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the era of glocalization, the effectiveness of university teachers' research activities largely depends on their translation competences and capabilities required for undertaking research and presenting research findings in intercultural scientific settings. The paper highlights the fact that a modern university teacher (who is not a professional translator) is much involved in translation/interpretation activities as an amateur translator who uses translation for his research purposes and, thus, needs an appropriate level of translation education. The author suggests that the notion of "translation education of a university teacher-researcher" (as an amateur translator and mediator) should be conceptualized on the basis of a linguo-didactic consideration and interpretation of the EU's four level competency-based profiles of the researcher depending on his status rank, the presence / absence of an academic degree and professional research responsibilities. The paper describes the linguo-didactic technology of developing translation and mediation indicators for evaluating the university teacher's abilities and capacities to achieve a communication and research success in the glocalized multilingual & multicultural context of "Open Science. Open innovations. Open to the world".

Key words: university teacher; translation and interpretation; amateur translator; mediation; professional bilingualism; competency-based approach; linguo-cultural adaptation; pluricultural research settings.

About the author: *Victoria V. Safonova* — Dr.habil in Pedagogical Sciences, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: euroschool@mail.ru).

REFERENCES

1. Alekseeva I.S. 2004. *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij*. [An Introduction into Translation Studies: Textbook for Students of Philological and Linguistic Faculties of Higher Education Establishments]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. Moscow, Publishing Center "Akademiya". (In Russ.)
2. Vorobieva O.V., Ivannikova E.M., Malandin V.V., Sekirinsky D.S., Karavaeva E.V., Suleimanova A.I., Teleshova I.G. 2020. Liderstvo i upravlenie v nauchno-tekhnologicheskoy sfere: model' kompetencij [Leadership and Management in the Scientific and Technological Sphere: A Competency-Based Model]. *Higher Education in Russia*, no. 8–9, pp. 26–38. (In Russ.)
3. Edlichko A.I. 2018. Social'nyj status anglijskogo yazyka v sisteme obrazovaniya nemeckoyazychnyh stran [The Social Status of the English Language in the Educational System of German-speaking Countries]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 77–86. (In Russ.)
4. *Issledovatel' XXI veka: formirovanie kompetencij v sisteme vysshego obrazovaniya*. 2018. [The XXI century Researcher: The formation of Competencies in the Higher Education System]; Collective monograph. Edited by E.V. Karavaeva. Moscow, Publishing House "GEOINFO". (In Russ.)
5. Molchanova G.G. 2015. Kommunikativno-funkcional'naya teoriya perevoda kak vid variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti [Communicative-functional Theory of Translation as a Type of Variable Interpretation of Reality]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 9–21. (In Russ.)
6. Proshina Z.G. 2016. EIL ILI EFL? Izmenenie normy bukvy ili novaya koncepciya yazykovogo obrazovaniya. [EIL or EFL? Changing the Norm of a Letter or a New Concept of Language Education] *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 171–186. (In Russ.)
7. Council of Europe, Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment: Companion volume. 2018. Strasbourg, Department Council of Europe Language Policy, Programme Education Policy Division Education Department Council of Europe.
8. *G7 Science Ministry Ministers' Communiqué*. 2017. URL: http://www.g7italy.it/sites/default/files/documents/G7%20Science%20Communiqu%C3%A9_1/index.pdf (accessed: 15.11.2020).

9. *Open innovation. Open science. Open to the world — a vision for Europe*. 2016. Luxembourg, Publications Office of the European Union.
10. *Research profiles descriptors*. 2016. EURAXESS. Germany. URL: <https://euraxess.ec.europa.eu/europe/career-development/training-researchers/research-profiles-descriptors> (accessed: 15.11.2020).
11. *Towards a European Framework for Research Careers*. URL: https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/towards_a_european_framework_for_research_careers_final.pdf (accessed: 15.11.2020).
12. Wouters P., Råfols I., Oancea A., Kamerlin Sh.C.L., Holbrook J.B., Jacob M. 2019. *Indicator Frameworks for Fostering Open Knowledge Practices in Science and Scholarship Report of the Expert Group on Indicators for Researchers' Engagement with Open Science*. Luxembourg, Publications Office of — the European Union.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

А.Л. Назаренко

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЧЕРЕЗ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ: «ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ»¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данной статье рассматривается одна из существующих форм телесотрудничества: телетандем, реализуемый через телекоммуникации. Тандемный метод изучения языков представляет собой взаимный свободный обмен языковыми знаниями двух носителей разных языков, договорившихся обучать друг друга своему родному языку. В процессе их парного взаимодействия они постоянно меняются ролями обучающего и обучающегося. Это сотрудничество абсолютно свободно и *автономно*, участники не зависят ни от какого учебного заведения и не имеют никаких финансовых обязательств друг перед другом. Между ними существует полное равенство: оба в равной степени заинтересованы в успешном изучении языка своего партнера (принципы *взаимности* и *равенства языков*). ФИЯР МГУ и VCU (США) адаптировали метод телетандема, чтобы повысить результативность изучения обязательных иностранных языков своими студентами. Свободный независимый тандем использовался в виде институционального (т.е. был включен в учебную программу как факультатив). Автономность метода была несколько ограничена ввиду необходимости оценивать его результативность. Была принята трехчастная структура: вводная общая видеоконференция, автономное обучение в тандемном сотрудничестве и заключительная общая видеоконференция с обсуждением презентаций, подготовленных студентами в тандемах. Проведенное анкетирование студентов ФИЯР по завершении телетандемного проекта позволило получить ценные результаты, выявить позитивные и негативные факторы в проведении проекта и наметить перспективы по его усовершенствованию.

Назаренко Алла Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и информационных технологий факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anazarenkoster@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ключевые слова: телесотрудничество; телетандем; тандемный метод изучения языков; метод языкового обмена; онлайн-обучение; дистанционное обучение.

В Западной традиции понятие «телесотрудничество» знакомо специалистам в области обучения иностранным языкам с помощью ИКТ с начала 1990-х годов, и сам метод применяется довольно широко, хотя и под разными обозначениями. О’Дауд [O’Dowd, 2018: 2] называет несколько различных вариантов этого феномена: межкультурный обмен онлайн (online intercultural exchange), виртуальный обмен (virtual exchange), интернет-опосредованное изучение иностранных языков в межкультурном контексте (internet-mediated intercultural foreign language education), глобальные сетевые обучающие среды (globally networked learning environments), и электронный тандем (e-tandem) или телетандем (teletandem). Причиной такого разнообразия он склонен считать удивительно малую осведомленность академического сообщества о том, что и как происходит в области двустороннего/обоюдного обучения иностранному языку партнеров (индивидов или групп) из разных языковых и культурных миров. Другие исследователи [Helm, 2015] выделяют две основные крупные категории телесотрудничества: телетандем и культурологические интернет-проекты (The Cultura model). Следует также отметить, что все виды двустороннего «телесотрудничества» развивались, в основном в области лингвистического образования. Однако существуют примеры успешного применения данного метода для обучения и другим предметам при междисциплинарном подходе (например, X-Культура (X-Culture) и Международное обучение в сотрудничестве онлайн² (Collaborative Online International Learning (COIL)) [O’Dowd, 2018]. Стоит отметить, что хотя вариативность была довольно велика при более-менее одних целях и задачах, метод телесотрудничества выжил во всех ипостасях, благодаря «устойчивости», обеспечиваемой сохранением его основополагающих дидактических принципов, а также необыкновенной гибкости, адаптативности к разным учебным контекстам.

Методология исследования. Целью данной статьи является рассмотрение (с позиции российской стороны) одного конкретного варианта «телесотрудничества», проекта «Телетандем» (Tandem language exchange project) факультета иностранных языков (ФИЯР) МГУ и Международного Центра по изучению медиа (WSMC) Уни-

² В последнем ФИЯР участвовал в начале 2000-х годов — это был проект на английском языке с Университетом штата Нью-Йорк (кампус Дженесио) в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация».

верситета Содружества Виргинии (VCU). Проект существует всего несколько лет, но у него уже определилась своя специфика, получены интересные результаты, тщательное изучение и анализ которых позволит выработать рекомендации по усовершенствованию конкретно данного сотрудничества с, возможно, какой-то более глобальной перспективой.

За основу проекта была взята наиболее распространенная форма институционального онлайн-ового тандемного обучения (известная как eTandem (электронный тандем) или tTandem (телетандем)), при которой студентов из университетов разных стран мира объединяют в пары для изучения родных языков друг друга [O'Rourke, 2005].

Как известно, все существующие формы тандемного обучения являются производными от первоначальной его модели: добровольного объединения двух индивидов-носителей разных языков с целью изучения родного языка своего партнера. При использовании тандемного метода языкового обмена в рамках учебного заведения, мы имеем форму институционального тандема, включенного так или иначе в официальную программу обучения. Так, в Университете Содружества Виргинии телетандем с российскими студентами является расширением обучающей среды их регулярного обязательного учебного курса русского языка. На ФИЯР он включен в программу экспериментального спецкурса, который студенты выбирают добровольно. Естественно, в таком случае один из основных принципов тандемного метода — его *автономность* в смысле полной независимости от внешних факторов, кроме прямой договоренности двух индивидов, нарушается. Но *автономность* как основополагающий принцип в плане абсолютного невмешательства учебного заведения в сам процесс языкового обмена, полностью сохраняется. Помимо автономности системообразующими дидактическими принципами являются также *равенство/паритет языков* и *обоюдность/взаимность (reciprocity)* [Vassallo, Telles, 2006]. Первый предполагает, что занятия по методу тандема непременно имеют две части, каждая из которых проходит исключительно на одном из изучаемых языков, которые никогда не должны смешиваться. Дидактическая ценность этого принципа в том, что он не только побуждает обучающегося к использованию изучаемого языка, что может вызывать известные трудности в осуществлении успешной коммуникации, но также помогает снять их при переходе на его родной язык и в конечном итоге достичь целей коммуникации. А это, в свою очередь, повышает мотивированность и вовлеченность обучающихся в процесс обучения.

Второй предусматривает смену ролей участников: они выступают поочередно как обучающиеся (ученики) иностранному языку и

обучающие (учителя) своему родному языку, равно заинтересованы в участии в нем, говорят равное время на изучаемом языке, не связаны никакими финансовыми или другими обязательствами по отношению друг к другу. Это, как считают исследователи, повышает их самооценку и ставит их в равные условия.

Тандем, таким образом, — это взаимный свободный обмен знаниями о языке (ibid.)

Структура обсуждаемого телетандема выглядит более-менее стандартной: первая вводная видеоконференция с участием обеих групп студентов, российской и американской, на которой руководители проекта и студенты с обеих сторон представлялись, рассказывали (каждый на изучаемом языке L2) о профиле своей учебы, своих учебных и внеучебных интересах. Тогда же формировались тандемы партнеров и предлагалась тема, на материале которой предполагалось проводить тандемное изучение языка партнера. Как итоговый результат тандемные пары должны были подготовить презентацию по своей теме для представления и обсуждения (на изучаемом языке L2) на заключительной общей видеоконференции в конце курса [Nazarenko, Brinkvirt, Voikova, 2016].

Во время автономного учебного сотрудничества в парах между вводной и финальной видеоконференциями (очень редко в последнее время через видеосервис «Скайп», чаще - через более удобные мобильные приложения WhatsApp и Messenger) студенты работали на языковом материале, который они находили в Интернете, готовясь к презентации по своей теме: обсуждали и уточняли конкретные экстралингвистические детали и национально-культурные особенности, готовили тексты-описания на изучаемом языке и предоставляли их для комментирования своему партнеру-носителю языка, занимались собственно языковой практикой, общаясь и по теме презентации, и вне ее, задавая вопросы с немедленным получением ответов, касающиеся особенностей и трудностей языкового употребления. При этом, контактное время общения должно было быть поделено поровну между двумя языками («языковой паритет»), так чтобы каждый партнер мог попрактиковаться в изучаемом языке, получить коррекцию и помощь партнера-«учителя», а также сам выступить в роли учителя.

Для мониторинга этого автономного учебного взаимодействия в тандемных парах, необходимого для получения данных по его эффективности, на стороне ФИЯР был создан сайт проекта “Tele-tandem-Project” на платформе Power School Learning. Сайт имеет информационную страницу для оперативных объявлений преподавателя-организатора, справочные материалы по истории и теории метода тандемного изучения иностранных языков, а также личные

странички каждого тандема для кратких регулярных «отчетов» о каждой «сессии» учебного взаимодействия. После каждой встречи-занятия студенты должны оставлять на странице своего тандема краткий отчет по приблизительной схеме:

- дата и время встречи онлайн;
- как проходило занятие (читали, писали, общались устно);
- какая тема обсуждалась, на каком материале;
- какую тему Вы согласовали с партнером для подготовки итоговой презентации;
- какие были трудности во время общения (языкового или социокультурного характера);
- что вы считаете несомненной удачей занятия;
- какие новые языковые явления вы узнали;
- какие лингвистические трудности вы разъяснили своему партнеру.

Еще одним источником информации о «невидимой» для руководителей проекта деятельности партнеров во время автономного тандемного обучения и, в целом, их отношении к проекту являются результаты опроса участников проекта по его окончании [Moore, 2009]. Анкета включала следующие вопросы:

1. Что Вам лично дало участие в проекте (в плане приобретения новых умений, навыков)?

2. Что нового Вы узнали (из культурных особенностей страны партнера; новые языковые средства, идиомы; из любой другой области)?

3. Чем вы особенно довольны в проекте?

4. Что было неудачного в Вашем опыте участия в проекте?

5. Возможные предложения по усовершенствованию проекта

6. Другое, чем Вам хотелось бы поделиться.

Обсуждение результатов. Анализ личных «отчетов» на сайте о ходе учебного взаимодействия по «языковому обмену» (language exchange) и отзывов студентов по окончании проекта показал следующее:

1. Все участники высоко оценили дидактический и познавательный потенциал Телетандемного метода (приводится в порядке приоритетности):

- возможность познакомиться со своим партнером (counterpart) — носителем языка, узнать непосредственно от него о жизни молодежи в стране изучаемого языка, ее интересах и — шире — о культуре страны и менталитете ее народа;
- возможность узнать об иноязычной культуре не из книг, представляющих информацию в обобщенном и часто обезличенном виде, но от реальных людей равного социального статуса и возраста, к которым у них а priori есть доверие;

- возможность усовершенствования изучаемого языка через непосредственное общение с его носителем;
- участие в общих видеоконференциях как форумах для обсуждения разных аспектов культуры партнеров, отраженных в презентациях, а следовательно, представляющих интерес для данного сообщества.

2. Из реально достигнутого назывались (в порядке приоритетности):

- возможность познакомиться с представителем иноязычной культуры; установление долговременного контакта,
- установление долговременного контакта, продолжение общения вне проекта и даже посещение друг друга во время каникул;
- преодоление языкового барьера;
- преодоление существовавших в сознании стереотипов об американской культуре;
- возможность лучше узнать свою культуру, посмотрев на нее «глазами иностранца»;
- получение первого опыта в роли преподавателя.

3. Новые «открытия» студентов:

- Представления о национальном характере американцев, полученные из личного общения, не согласуются с таковыми, полученными из учебников по межкультурной коммуникации;
- В организации некоторых аспектов общественной жизни и в культурных феноменах в родной и иноязычной культурах наблюдаются существенные различия (спорт как общественный институт; музыка как ответ на социальные запросы, кинематограф и его социальная роль и т.п.).

Вместе с тем было получено много критических отзывов, указывающих как на объективные, так и на субъективные трудности эффективного осуществления Телетандем-проекта.

К объективным сложностям организации телетандема можно отнести такие, как:

- разница во времени между Москвой и Ричмондом, Виргиния, США (7–8 час);
- разные уровни владения изучаемыми языками. Это подчеркивалось во всех отзывах как негативный момент, препятствующий свободной коммуникации и, как следствие, снижающий мотивацию. Объясняется тем, что студенты ФИЯР уже при поступлении на этот языковой факультет обладают довольно высоким уровнем знания английского языка (как правило, upper-intermediate — B2). Их американские партнеры, которые берут курс *Conversation and Media RUSS 311* по выбору и предположительно имеют уровень владения русским языком B1 (intermediate), на деле сильно от-

стают от их российских коллег по уровню владения своим изучаемым языком. Вследствие этого довольно часто общение (для комфортности обсуждения различных вопросов при подготовке к презентации) происходило на английском языке. Российские студенты были огорчены минимальной практикой в английском, которую они смогли иметь в проекте;

- большая занятость американских студентов в связи с иной, отличной от российской, структурой обучения, большим объемом самостоятельных занятий, а также легализованной возможностью работать для своего жизнеобеспечения. Вследствие этого сеансы связи между партнерами могли проходить нерегулярно, а иногда и вообще практически отсутствовать;
- доступность телетандемного обучения очень ограниченному числу студентов ФИЯР при большом запросе — вследствие малого набора американских студентов (7–10 человек) на курс по выбору RUSS 311 и жесткой зависимости от этого числа российских партнеров и соответственно тандемов. В качестве эксперимента был проведен опыт сотрудничества в группах «трио»: два российских студента и один американский. Но организационно это было сопряжено с большими неудобствами и от него пришлось отказаться.

Однако самым большим препятствием для оптимального функционирования телетандема в данном случае является, по-видимому, факт институционализации свободного тандема. Из этого могут просистекать трудности *субъективного* характера:

- студенты сами не выбирают себе партнеров, не знакомятся с ними заранее, не узнают об их интересах и устремлениях, которые у них не всегда могут совпадать;
- партнеры, назначенные друг другу случайно, могут иметь разные темпераменты, не чувствовать себя психологически комфортно в общении, что несомненно будет негативно сказываться на их учебном взаимодействии;
- отсутствие психологического контакта может приводить к попыткам уклониться от сотрудничества со своим партнером, что порождает у обоих участников тандема чувство разочарованности и «обманутых ожиданий».

Все это вместе взятое губительно сказывается на мотивации — истинной движущей силе телетандемного обучения.

Заключение. При всей сложности достижения оптимальной организации и эффективного функционирования телетандемного метода изучения иностранных языков он обладает мощным дидактическим и мотивирующим потенциалом. Иноязычное образование еще с появлением Интернета осознало уникальную возможность

попарно объединить изучающих иностранные языки в разных странах таким образом, чтобы ввести их во взаимодействие с носителями других языков для коммуникации на этих языках в аутентичной ситуации [O'Dowd, 2018] и взяло этот метод на вооружение.

В обсуждаемом случае, помимо возможности изучать иностранный язык через общение с его носителем, каждый участник телетандема мог получить первоначальный опыт преподавания иностранного языка, что чрезвычайно важно и полезно для студентов ФИЯР — будущих преподавателей иностранных языков.

Еще одной позитивной тенденцией, которая неизменно прослеживается и в рассматриваемом опыте телетандема, является усиленный акцент на изучение культуры своего партнера [Богданова, 2017], хотя первоначальное предназначение тандема, как уже подчеркивалось, — это обмен знаниями о языке. Все участники проекта в своих отзывах подчеркивали в качестве преимущества метода возможность познакомиться с миром иноязычной культуры.

По-видимому, утверждение о том, что развитие межкультурной компетенции неотделимо от лингвистической компетенции и должно происходить параллельно с ней (“The development of intercultural competence is inseparable from the language development and is supposed to occur parallel to it”) [Belz, 2003], можно расширить, добавив, что и развитие лингвистической и коммуникативной компетенций неотделимо от развития межкультурной компетенции, поскольку овладение первыми наиболее естественно будет происходить на языковом материале, описывающем культурные особенности страны изучаемого языка. А для человека современного глобального мира межкультурная компетентность так же важна, как и иноязычная коммуникативная компетентность.

В связи с этим ФИЯР и VCU намерены сохранить проект, но в то же время внести некоторые изменения в его организацию. Со стороны ФИЯР предлагается:

- проводить предварительную подготовку/ориентацию студентов, знакомя их с целями и задачами проекта по телетандемному изучению языков, с принципами и преимуществами метода, настаивать на творческий и инициативный подход;
- увеличить число общих видеоконференций. Промежуточную конференцию посвятить дебатам на какую-то общую интересную для всех тему;
- в качестве эксперимента опробовать вариант проведения сеансов связи для автономного взаимодействия одновременно всех тандемных пар в специально оборудованных лабораториях в обоих университетах-партнерах;

- подбирать группы, соотносящиеся по уровню владения иностранными языками (например, на ФИЯР включать в тандемный проект студентов, у которых английский не первый, а второй иностранный язык).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданова Н.В.* Формирование межкультурной компетенции в рамках тандем-проектов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 15. DOI: 10.18721/JHSS.8118
2. *Назаренко А.Л.* Дидактический потенциал телетандемного метода изучения иностранных языков для развития иноязычной и межкультурной компетенций обучающихся // Язык и культура. Томск, 2018. № 43. С. 185–199 DOI: 10.17223/19996195/43/12.
3. *Belz J.* Linguistic perspectives on the development of intercultural competence in telecollaboration // Language Learning & Technology. 2003. № 7(2). P. 68–99. URL: <http://www.lltjournal.org/item/2423> (дата обращения: 01.11.2020).
4. *Helm F.* The Practices and Challenges of Telecollaboration in Higher Education in Europe // Language Learning & Technology. 2015. V. 19. № 2. P. 197–217. URL: <http://llt.msu.edu/issues/june2015/helm.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).
5. *Leone P., Telles J.A.* The teletandem network // Online intercultural exchange: policy, pedagogy, practice. Routledge. 2016. P. 241–247.
6. *Moore J.C.* A Synthesis of Sloan-C Effective Practices // Journal of Asynchronous Learning Networks. 2009. № 13(4). P. 73–97.
7. *Nazarenko A.L., Brinkvirt A.T., Boikova N.V.* Connecting cultures, languages and students through teletandem: building bridges to enhance learning and understanding // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 9–18.
8. *O'Dowd R.* From telecollaboration to virtual exchange: state-of-the-art and the role of UNICollaboration in moving forward // Journal of Virtual Exchange. 2018. № 1, 1-23. Research-publishing.net. URL: <https://doi.org/10.14705/rpnet.2018.jve.1> (дата обращения: 01.11.2020).
9. *O'Rourke B.* Models of telecollaboration (1): E(tandem) // Online intercultural exchange: an introduction for foreign language teachers. 2007. P. 41–62. Multilingual Matters.
10. *Vassallo M.L., Telles J.A.* Foreign language learning in-tandem: Theoretical principles and research perspectives // The ESPecialist. 2006. № 25(1). P. 1–37.

Alla L. Nazarenko

LEARNING LANGUAGES VIA TELECOLLABORATION: “VARIATION ON THE THEME”

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Telecollaboration is known to have several forms. This article concentrates on teletandem, i.e. tandem realised via telecommunications. Tandem method of learning languages means mutual free exchange of language knowledge: two native speakers agree between themselves to teach each other their mother tongues. In the

course of their tandem interaction they constantly rotate their functions of teacher and learner. Their collaboration is absolutely *autonomous*: they are independent of any institution and free of any financial obligation to each other. They are equal and equally interested in successful learning their partner's language (principles of *reciprocity* and *parity of languages*). MSU (Russia) and VCU (USA) adapted the initial tandem method to enhance their students' compulsory/mandatory foreign language learning (English and Russian, accordingly) under their curriculum. The tandem-partners communicate via ICT (t-Tandem). Free independent tandem is transformed into institutional (i.e. included into the students' curricula as an elective learning activity). The autonomy of tandem learning is preserved but in a slightly restricted way due to the necessity to evaluate its successfulness. A suitable for both sides structure of teletandem was worked out, which includes three stages: an introductory videoconference for MSU and VCU students' acquaintance and making tandems; task-based autonomous learning in tandems resulting in the preparation of Power Point presentations on a developed theme and a final wrap-up videoconference with students' showing their presentation for common discussion. The survey conducted among the students on their completing the project resulted in valuable observation, which made it possible to identify positive and negative factors in project implementation and outline the prospects for its improvement.

Key words: telecollaboration; teletandem; tandem method; language exchange method; online learning; distance learning.

About the author: Alla L. Nazarenko — Dr.habil in Philology, Professor, Head of Linguistics and IT Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anazarenkoster@gmail.com).

REFERENCES

1. Bogdanova N.V. 2017. Formirovanie mezhhkul'turnoi kompetencii v ramkah tandem proektov [Formation of intercultural competence in the framework of tandem projects].
2. *Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social sciences*, vol. 8, no.1, pp. 15. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.8118
3. Nazarenko A.L. 2018. Didakticheskij potencial teletandemnogo metoda izuchenija inostrannyh jazykov dlja razvitija inojazyčnoj i mezhhkul'turnoj kompetencij obučajushhhsja [The didactic potential of the teletandem method of learning foreign languages for the development of foreign language and intercultural competencies of students]. *Language and Culture*, no. 43, pp. 185–199. DOI: 10.17223/19996195/43/12.
4. Belz J. 2003. Linguistic perspectives on the development of intercultural competence in telecollaboration. *Language Learning & Technology*, no. 7(2), pp. 68–99. URL: <http://www.lltjournal.org/item/2423> (accessed: 01.11.2020).
5. Helm F., 2015. The Practices and Challenges of Telecollaboration in Higher Education in Europe. *Language Learning & Technology*, v. 19, no. 2, pp. 197–217. URL: <http://llt.msu.edu/issues/june2015/helm.pdf> (accessed: 01.11.2020).
6. Leone P., Telles J.A. 2016. *The teletandem network*. In R. O'Dowd, T. Lewis (eds.). *Online intercultural exchange: policy, pedagogy, practice*. Routledge, pp. 241–247.
7. Moore J.C. 2009. A Synthesis of Sloan-C Effective Practices. *Journal of Asynchronous Learning Networks*, no.13(4), pp. 73–97.

8. Nazarenko A.L., Brinkvirt A.T., Boikova N.V. (2017) Connecting cultures, languages and students through teletandem: building bridges to enhance learning and understanding *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–18. (In Russ.)
9. O’Dowd, R. 2018. From telecollaboration to virtual exchange: state-of-the-art and the role of UNICollaboration in moving forward. *Journal of Virtual Exchange*, no. 1, pp. 1–23. Research-publishing.net. URL: <https://doi.org/10.14705/rpnet.2018.jve.1> (accessed: 01.11.2020).
10. O’Rourke B. 2007. *Models of telecollaboration (1): E(tandem)*. In R. O’Dowd (Ed.), *Online intercultural exchange: an introduction for foreign language teachers*, pp. 41–62. Multilingual Matters.
11. Vassallo M.L., Telles J.A. 2006. Foreign language learning in-tandem: Theoretical principles and research perspectives. *The ESPecialist*, no. 25(1), pp. 1–37.

С.В. Титова, К.В. Барина

СПОСОБЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ И ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ В ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В данной статье рассматриваются способы предоставления эффективной обратной связи и организации рефлексивной деятельности в онлайн-обучении иностранным языкам. Обратная связь и рефлексия позволяют выявить сильные и слабые стороны в работе обучающихся, результативность и эффективность используемых образовательных стратегий и заданий, дают возможность выстроить индивидуальный маршрут обучающегося по преодолению трудностей, компенсации ошибок и повышению результатов обучения. Обратная связь и рефлексия рассматриваются как механизмы повышения мотивации обучающихся, создания интерактивной образовательной онлайн-среды, регулятивности и корректировки процесса обучения. В статье анализируются дидактические свойства и функции цифровых инструментов и мобильных инструментов, применяющиеся для развития рефлексивных и коммуникативных умений обучающихся, приводятся практические примеры организации рефлексивной деятельности на онлайн-занятиях, выделяются этапы рефлексивной деятельности, условия обеспечения эффективной обратной связи. Дидактические функции цифровых инструментов позволяют обеспечить быструю, адресную и своевременную обратную связь, оптимально организовать проведение рефлексии, внести элементы геймификации в учебный процесс, сохранять результаты опросов и голосований, проводить эффективный анализ положительных и отрицательных результатов, на основе которого педагог может внести изменения как в собственную педагогическую деятельность, так и в учебную деятельность обучающихся.

Ключевые слова: обратная связь; рефлексия; онлайн-обучение; мотивация; интерактивная среда; рефлексивные умения.

Титова Светлана Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, заместитель декана факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: stitova3@gmail.com).

Барина Кристина Вадимовна — соискатель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель английского языка (e-mail: 8382800@mail.ru).

Резкие изменения во всех областях жизни, вызванные пандемией, диктуют необходимость поиска новых стратегий и методов обучения в цифровой образовательной среде. Сегодня брошен вызов не только системе различных уровней образования в нашей стране, но и каждому преподавателю, вынужденному быстро осваивать цифровые платформы для проведения уроков в режиме реального времени, проектировать онлайн-задания для своих дисциплин и курсов, обеспечивать эффективную обратную связь и рефлексию в дистанционной форме.

Цифровые технологии обладают неограниченным дидактическим потенциалом, позволяют создавать интерактивное обучающее онлайн-пространство при условии применения инновационных подходов к организации учебного процесса и взаимодействия. В нашей стране разработана фундаментальная теоретическая база дистанционного и смешанного (интеграционного) видов обучения, основные положения которой должны использоваться сегодня на практике. Например, если говорить об условиях успешной интеграции цифровых инструментов и открытых образовательных ресурсов в учебный процесс, то прежде всего это наличие ИК-компетенции у педагогов, позволяющей методически верно разработать онлайн-курс, обеспечить дистанционное сопровождение учебной деятельности, отобрать открытые образовательные ресурсы, провести контроль и оценивание, обеспечить эффективную обратную связь и рефлексию в онлайн- и офлайн-режиме и т.д. [Титова, 2019: 282]. К сожалению, на сегодняшнем этапе обратная связь и рефлексия — это слабые звенья в обучении иностранным языкам в силу ряда причин: преподаватель не знаком как с методикой, так и с цифровыми инструментами для проведения рефлексии и обратной связи; в шаблоны рабочих программ школы и вуза не включена рефлексия; иноязычная коммуникативная компетенция преподавателя не позволяет ему предоставлять конструктивную обратную связь на ИЯ; обратная связь (обычно письменная) представляет собой дополнительную нагрузку для преподавателя; рефлексия проводится, но результаты рефлексии не обрабатываются и т.д.

Данная статья посвящена *проблемам организации рефлексивной деятельности и своевременного обеспечения обратной связи в дистанционной и смешанной формах обучения иностранным языкам.*

Следует отметить, что в русскоязычной методике обратная связь понимается широко и включает: оценивание и контроль, рефлексию, комментирование результатов оценивания, в то время как в англоязычной методике понятие *feedback* обычно трактуется узко: как устные и письменные комментарии преподавателя, цель которых

корректировка процесса выполнения задания и саморегуляция учебных действий [Hattie, 2007: 81]. По мнению многих исследователей, обратная связь должна реализовываться на всех этапах образовательного процесса и поступать от всех субъектов образовательной деятельности [Кукуев, 2016: 392]. Важно учитывать, что эффективность обратной связи оправдана в том случае, если она отвечает таким характеристикам, как *конкретность, быстрота или оперативность, вовлечение участников учебного процесса, сбалансированность* [Hattie, 2007: 81]. Наиболее сильным эффектом обладает конструктивная обратная связь, которая содержит в себе информацию о задании и стратегиях его выполнения, меньшей эффективностью обладает обратная связь, содержащая обобщение, похвалу, вознаграждение или наказание [Nicol, 2006: 199]. Конструктивная обратная связь, которая позволяет получить данные для управления и изменения образовательного процесса, является неотъемлемой частью формирующего оценивания (*formative assessment*) [Dunn, 2009: 11] и, как следствие, рефлексии.

Благодаря цифровым технологиям в процессе проведения вебинара или онлайн-лекции обратная связь как для одного, так и для нескольких обучающихся может предоставляться не просто быстро, а мгновенно, хотя есть формы предоставления обратной связи отсрочено, те в офлайн-режиме. Например, посредством мобильных приложений голосования и обратной связи (*Kahoot, Plickers, PeLe, Live Quizlet, Socrative, Polleverywhere*) появляется возможность не только мотивировать обучающихся, но и вовлекать их в учебный процесс, превращая их в активных участников даже во время онлайн-лекции. Данные приложения обладают такими дидактическими свойствами, как мгновенное получение результатов как индивидуальных, так и групповых ответов; возможность сохранения анонимности; автоматическое сохранение результатов опроса или голосования в электронном виде; визуализация результатов опроса или теста в виде графиков и т.д. [Титова, Талмо, 2015]. Именно мгновенная конструктивная обратная связь побуждает обучающегося к рефлексии, помогает внести коррективы в учебную деятельность, задает вектор для дальнейших действий и дает стимул для создания персонализированной траектории развития обучающегося.

Сегодня цифровые технологии дают возможность педагогу предоставлять обратную связь не только в текстовой, но и в мультимедийной формах:

- динамических комментариев (с ссылками и дополнительными файлами для справки и изучения) на базе инструментов для совместного редактирования;

- аудиокomentarиев (аудиофайла или подкаста);
- скринкаста (когда преподаватель показывает задание на рабочем столе своего компьютера и комментирует его);
- видеокаста (когда преподаватель записывает видеообращение или комментарий).

Преимущества предоставления быстрой и своевременной обратной связи в онлайн-формате неоспоримы, поскольку педагог тратит гораздо меньше времени, предоставляя обратную связь в мультимедийном виде и создавая таким образом эффект личного присутствия, что очень важно для повышения интерактивности онлайн-обучения. Мультимедийная обратная связь персонифицирована, адресна, именно поэтому она способствует развитию мотивации обучающихся. Цифровые файлы, результаты опросов легко анализируются и сохраняются, могут включаться в электронное портфолио обучающегося как рекомендации для дальнейшего развития и роста.

В педагогике понятие *рефлексия* обычно трактуется как «процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний, то есть понимание обучающимся самого себя и своего процесса обучения» (*Большая педагогическая энциклопедия*). Феномен рефлексии можно рассматриваться и как процесс, и как результат фиксирования состояния собственного развития, саморазвития и причин этих состояний [Зимняя, 2003: 63]. Традиционно выделяются два вида рефлексии: *учебная (рефлексия обучающегося)* и *педагогическая (рефлексия учителя)*. Способность к рефлексии обучающегося является обязательным условием успешности процесса обучения, поскольку рефлексивные умения способствуют личностному развитию и обретению новых знаний посредством осознания собственных ошибок и затрудняющих обучение факторов различного характера. Развитие рефлексивных умений у обучающихся повышают мотивацию и эффективность учебного процесса.

Рефлексивная деятельность способствует развитию саморефлексии обучающихся, что соотносится с теорией метапознания (*metacognition*). Последователь учений Л.С. Выготского и Ж. Пиаже, американский психолог 1970-х годов Д. Флавелл определяет метапознание как «мышление относительно собственных мыслительных процессов» [Flavell, 1979: 906]. Иными словами, метапознание — это управление собственными мыслительными процессами. Подобная форма самоконтроля достигается посредством развития навыков рефлексии [Brown, 1987: 65]: планирования (выбора стратегии решения задачи); мониторинга (оценивания причин успешности или

неэффективности стратегии); оценивания результата проделанной работы [ibidem].

Согласно зарубежным и российским исследователям, организация рефлексивной деятельности состоит из дорефлексивного (outward-looking), текущего (backward-looking), завершающего (inward-looking) и перспективного (forward-looking) этапов.

Дорефлексивная деятельность (*Outward-Looking*): на данном этапе учитель может задавать ученикам наводящие вопросы, например, если речь идет о проблемном задании, то вопросы могут касаться цели и задач конкретного задания, планирования действий, предвосхищения возможных трудностей, с которыми ученики могут столкнуться в процессе работы, формирования понимания практической ценности конечного результата для учеников и т.д. Ученики могут обсуждать предстоящую работу классом или группой, обмениваться мнениями и искать наиболее эффективные стратегии. Примеры вопросов: *What assignments look manageable and familiar, and why? What assignments look difficult or challenging for you, and why? What parts of your background knowledge and skills make you confident or hesitant about this task? How does this work connect with other subjects?*

Восстановление последовательности выполненных действий (*Backward-Looking*): данный тип рефлексии предполагает анализ процесса работы над текущим или проблемным заданием любого типа, какие стратегии и шаги в работе применяются, насколько продуктивна работа, с какими трудностями ученик сталкивается и по каким причинам, как преодолевает данные трудности и что еще необходимо сделать для успешного завершения работы. Такая дискуссионно-регулятивная работа может осуществляться индивидуально, в паре, в группе или классе. *Примеры вопросов: What kinds of revision or research strategies did you learn and use? What steps did you take to complete this work? What challenges did this work present?*

Изучение составленной последовательности действий (*Inward-Looking*): подразумевает акцент внимания учащихся на собственные сильные стороны, навыки и умения, которыми они обладают или, напротив, слабые стороны, ошибки, над которыми следует больше работать. Учитывается также и внутреннее отношение ученика к работе, система ценностей, тактика действий, которую он применяет в работе и соответствует ли она поставленным задачам. *Примеры вопросов: How have your skills changed and improved? What skills (writing/research) have you improved? What would you do differently if you did it again?*

Выявление и формулирование результатов рефлексии (*Forward-Looking*): ученики обсуждают результаты работы, соотносят поставленные в начале работы задачи и результат. Обсуждают удалось ли достичь поставленной цели, что нового узнали и как эти знания можно применить в будущем. Кроме того, обсуждаются сложности, с которыми пришлось столкнуться и дальнейшие шаги, которые необходимо предпринять для совершенствования навыков и умений с целью минимизации ошибок. *Примеры вопросов: What new insights have you developed as a result of doing this work? How has your perspective changed after doing this project/assignment? What did you do well? What skills do you still need to work on? What next steps do you want to take as a result of this learning experience? What should you do next to achieve your goals?*¹

Однако чаще всего педагоги проводят рефлексивную деятельность по завершению какого-либо этапа: *в конце занятия, по окончании курса, по завершению проблемного задания или по завершению одного из этапов работы над проблемным заданием* (проект, веб-квест, кейс, мозговой штурм). Основная цель проблемных заданий — помочь учащимся самостоятельно найти правильное решение посредством обсуждений, рефлексии собственной деятельности и логических заключений. Задача преподавателя — стимулировать дискуссию среди учащихся, задавать наводящие вопросы, обеспечивать обратную связь [Титова, 2017: 24].

Педагогическая рефлексия — важный компонент в профессионально-методической деятельности педагога, так как в процессе рефлексии педагог анализирует и осмысляет свою профессиональную деятельность, сопоставляет поставленные задачи и результаты обучения, анализирует деятельность обучающихся и их способности и достижения, корректирует направление собственной деятельности, формируя и развивая профессиональные компетенции, которые необходимы для осуществления успешного процесса обучения. Педагогическая рефлексия — это «*взаимоотражение*» и взаимооценивание участников педагогического процесса, а также проникновение преподавателя во внутренний мир ученика [Карпов, 2004: 64]. Рефлексия преподавателя рассматривается как процесс понимания самого себя, своего внутреннего мира, анализ мыслей и переживаний в контексте собственной профессионально-педагогической деятельности, осознание себя как личности, понимание восприятия и оценивания со стороны учащихся, коллег и других окружающих людей

¹ PACE Reflective Thinking and Writing as Systematic Practice at Pace University. PACE University, Pleasantville, NY, 2013. URL: <http://pu.mcncr.org/ref-practice/> (дата обращения: 11.11.2020).

[Щукин, 2009: 248]. Эффективность управления собственной профессиональной деятельностью и варьирование методов, подходов и стратегий обучения в зависимости от личностных характеристик и уровня владения иностранным языком учащихся, зависит от постоянной рефлексии и непрерывного мониторинга учебного процесса. В процессе рефлексивной деятельности учащихся преподаватель выступает в качестве наставника, который обеспечивает баланс между целями и задачами конкретного урока.

Согласно А.Н. Щукину, выделяются четыре уровня педагогической рефлексии: 1) понимание педагогом основных аспектов своей внутренней деятельности; 2) понимание педагогом внутренней деятельности ученика; 3) понимание представлений учащегося относительно деятельности педагога; 4) понимание представлений учащегося о педагоге и понимание действий ученика. Педагог добивается успехов в собственной деятельности, если владеет третьим и четвертым уровнями рефлексии [Щукин, 2009: 248].

Таким образом, рефлексивная деятельность может осуществляться в разных формах и на различных этапах обучения в зависимости от поставленной цели. Общие цели рефлексии в обучении включают:

помощь учащимся в преодолении психологических и учебных проблем и сложностей (работа с материалом, работа в группе, в паре и т.д.);

индивидуализацию учебного процесса путем определения сложностей и затруднений обучающегося (индивидуальный образовательный маршрут);

развитие и повышение мотивации к обучению путем создания психологически комфортной, доверительной среды обучения;

формирование умений самооценивания, умений учиться, способности к самопознанию и саморазвитию;

корректировку учебного процесса на основании учебной аналитики.

Для организации обратной связи и рефлексивной деятельности обучающегося в онлайн курсе сегодня используются различные цифровые инструменты и мобильные приложения, при выборе которых педагог должен обращать внимание на их дидактические свойства и функции (табл. 1). Большим преимуществом цифровых инструментов и мобильных устройств является то, что они дополняют традиционные учебно-методические комплексы новыми форматами разнообразных интерактивных заданий, которые могут эффективно применяться как в рамках традиционных занятий в классе, так и при проведении дистанционных занятий или самостоятельной работе учащихся [Титова, Авраменко, 2013].

Типология цифровых инструментов для развития рефлексивных умений и предоставления обратной связи в дистанционном обучении

Типы цифровых платформ и мобильных приложений	Дидактические свойства цифровых платформ и мобильных приложений	Дидактические функции цифровых платформ и мобильных приложений
Инструментальные (шаблоны для создания тестов, опросов, заданий) <i>Learning Apps</i> <i>Kahoot!</i> <i>Mentimeter</i> <i>PollEverywhere</i> <i>Socrative</i> <i>Plickers</i> <i>Гугл формы (Google Forms)</i>	<p>Возможность проведения онлайн-опросов и голосований в режиме реального времени</p> <p>Мгновенное получение и сохранение результатов опросов и тестов</p> <p>Создание онлайн-тестов, рефлексивных карточек и заданий разных форматов с автопроверкой и анализом ошибок</p> <p>Возможность сохранения анонимности при прохождении теста или опросника</p>	<p>Развитие рефлексивных умений и умений взаимооценки путем проведения рефлексивных опросов, анкет, голосований</p> <p>Диагностика процесса обучения на основе обработки и учета результатов опросов</p> <p>Корректировка процесса обучения</p> <p>Повышение мотивации за счет предоставления своевременной обратной связи</p> <p>Эффективная обработка результатов рефлексии и опроса</p> <p>Повышение мотивации путем создания психологически комфортной, доверительной среды обучения</p>
Мультимедийные <i>Voicethread</i> <i>H5P Audio Recorder</i> <i>Screencast-o-matic</i> <i>Bandicam</i> <i>SpreakerStudio</i> PODOMATIC AUDACITY Voicethread и т.д.	<p>Предоставление обратной связи и рефлексии в мультимедийном формате (аудиозаписи, интервью, видео, мультимедийные презентации и т.д.)</p>	<p>Повышение интерактивности учебного процесса</p> <p>Развитие рефлексивных умений, умений самооценки</p> <p>Повышение мотивации за счет персонализации и адресности обратной связи, мультимедийности</p> <p>Введение технологии портфолио</p> <p>Реализация индивидуального подхода к обучающимся</p>
Совместные <i>Padlet</i> <i>Google DOCS</i> <i>Jamboard</i> <i>Evernote (iOS/Android)</i>	<p>Совместная разработка и редактирование заданий, опросов в одном виртуальном пространстве</p> <p>Проведение рефлексии в группе</p>	<p>Организация групповой работы</p> <p>Повышение интерактивности учебного процесса</p> <p>Развитие рефлексивных умений в группе</p> <p>Развитие умений взаимооценки</p> <p>Повышение мотивации за счет интеракции, мультимедийности</p>

Типы цифровых платформ и мобильных приложений	Дидактические свойства цифровых платформ и мобильных приложений	Дидактические функции цифровых платформ и мобильных приложений
Коммуникативные <i>блоги, чаты, мобильные мессенджеры (Whatsapp, Telegram), соцсети FaceBook, Instagram, VKontakte</i>	Возможность общения и предоставления мгновенной обратной связи в синхронном и асинхронном режиме	Повышение интерактивности учебного процесса Развитие рефлексивных умений, умений взаимооценивания Повышение мотивации за счет использования привычных средств коммуникации Повышение мотивации за счет предоставления своевременной обратной связи

Выбор цифрового инструмента или приложения зависит от их дидактических свойств и функций, способа организации рефлексивной деятельности и этапа, на котором осуществляется процесс рефлексии. Учебную рефлексивную деятельность в дистанционном и смешанном курсе можно организовать несколькими способами:

- онлайн-опросники (questionnaires);
- онлайн-карточки обратной связи в конце урока (exit slips/tickets);
- онлайн-чеклисты (check-list);
- быстрое эссе на базе онлайн-шаблона (one-minute essay);
- электронный журнал рефлексии обучающегося (student reflective journal);
- онлайн-голосование (polling).

Некоторые практические примеры организации рефлексивной деятельности в онлайн-формате приведены ниже.

Онлайн-опросники перед началом и по итогам выполнения проблемного задания формата проект или веб-квест на базе сервиса Google Forms (Гугл Формы).

Таблица 2

Опросник до введения проектного задания Entry Project Questionnaire

Web-quest Entry Questionnaire “The Effects of ICT and Digital Technologies on Education” (outward-looking)
Enter your name/last name/class
Why have you decided to write a project?
What’s the topic of your project going to be like?
What’s the problem of your project?

What's the project goal going to be like?
What's the project product going to be like? What difficulties/problems may you face while writing you project and creating a project product?
Project Planning. Write steps and time frames of the project. What difficulties do you expect to face?
Collecting information. Where and how are you going to find information?
What impact will it have on your learning?
What real life applications will this project have?

Таблица 3

**Опросник, подытоживающий результаты проектной деятельности
(Exit Project Questionnaire)**

Web-quest Exit Questionnaire “The Effects of ICT and Digital Technologies on Education” (inward-looking)
Enter your name/last name/class
Why did you decide to write a project?
What's the topic of your project?
What's the problem of your project?
What's the project goal? What difficulties did you happen to face while creating it?
What's the project product?
Collecting information. Where and how did you find information? What difficulties did you encounter and what did you do to overcome them?
Creating a product. What did you do to achieve the project goal?
What difficulties/problems did you face while writing you project and creating a project product? What did you do to overcome these difficulties, if you had some?
How did you overcome these difficulties?
Have you achieved the project goal/ if not, why?
Web-quest Exit Questionnaire “The Effects of ICT and Digital Technologies on Education” (forward -looking)
What have you learnt from this experience? What do you know now that you didn't before?
What new skills have you gained?
What real life applications will this project have? How will this help you in future life/ lessons?

Таблица 4

**Карточки обратной связи в конце урока (exit slips/tickets)
(на базе сервиса BookWidgets, Socrative)**

3 Things you learned	2 Important details	3 Question you still have
1. 2. 3.	1. 2.	1.

Таблица 5

**Карточки обратной связи в конце урока (4 — question card)
(на базе сервиса BookWidgets, Socrative, Kahoot)**

What did you learn today?
Did you learn anything that surprised you?
How might this help you?
Why do you think we are learning about _ ?

Таблица 6

**Карточки обратной связи в конце урока (WWH-card)
(на базе BookWidgets, Socrative, Kahoot)**

<i>WHAT</i> <i>What have I learnt?</i>	What do you know now that you didn't before?
	What new skills have you gained?
<i>WHY</i> <i>Why have I learnt this?</i>	What is the point?
	What are the real life applications?
	How will this help you in future life/lessons?
<i>HOW</i> <i>How have I learnt this?</i>	What made it easier to learn?
	What did you do to remember this learning?
	What did you do to overcome your difficulties?

Таблица 7

Быстрое эссе (one-minute essay) в конце урока на базе Padlet, Kahoot, etc.

The most challenging thing was...	I wonder...
Today I found out...	The most difficult thing was...
Today I asked... <i>Student's answer:</i>	Today I was successful because...
Today I was unsuccessful because...	I'm proud of myself today because I...

Журнал саморефлексии (student reflective journal) на базе Padlet, Evernote, etc.

My Weekly Reflection	
Name: _____	Date: _____
This week I did my best work on ...	
This week I could have worked harder on ...	
My favorite activity I did was ...	
...because...	
My least favorite activity I did was ...	
...because...	
A goal I have for next week is ...	

Подводя итог, необходимо отметить, что успешная организация рефлексивной деятельности и обеспечение обратной связи в дистанционной и смешанной формах обучения зависит как от правильно организованного с методической точки зрения процесса обучения, так и от правильного выбора цифровых инструментов на основе их дидактических свойств и функций, которые позволяют создать интерактивную, мотивирующую, эффективную онлайн среду для обучения и изучения иностранных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: Учебник для вузов. М., 2003.
2. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004.
3. *Кукуев Е.А., Соловьева Е.А., Федина Л.В.* Обратная связь как механизм осуществления открытости образовательного процесса // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51–6. С. 392–398.
4. *Титова С.В.* Мобильная среда для обучения иностранным языкам. М., 2019.
5. *Титова С.В., Авраменко А.П.* Эволюция средств обучения в преподавании иностранных языков: от компьютера к смартфону // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 9–21.
6. *Титова С.В., Талмо Т.* Создание модели интерактивной лекции с помощью мобильной системы голосования SRS // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 49–63.
7. *Титова С.В.* Контроль и оценивание в языковом классе с помощью мобильных приложений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 24–35.
8. *Шукин А.Н., Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

9. *Brown A.L.* Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms // F.E. Weinert, R.H. Kluwe (eds.). *Metacognition, motivation, and understanding*. Hillsdale, New Jersey, 1987. С. 65–116.
10. *Dunn K.E., Mulvenon S.W.* A Critical Review of Research on Formative Assessments: The Limited Scientific Evidence of the Impact of Formative Assessments in Education. *Practical Assessment & Research and Evaluation*. 2009. № 14 (7). С. 1–11.
11. *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry // *American psychologist*. [Книга]. 1979. V. 34. № 10. P. 906–911.
12. *Hattie J., Timperley H.* The Power of Feedback // *Review of Educational Research*. 2007. № 77 (1). P. 81–112.
13. *Nicol D.J., Macfarlane-Dick D.* Formative assessment and self-regulated learning: A model and seven principles of good feedback practice // *Studies in Higher Education*. 2006. № 31 (2). P. 199–218.
14. *PACE Reflective Thinking and Writing as Systematic Practice at Pace University* [В Интернете]. PACE University, Pleasantville, NY, 2013. URL: <http://pu.mcncr.org/ref-practice/> (дата обращения: 11.11.2020).

Svetlana V. Titova, Kristina V. Barinova

FEEDBACK AND REFLECTION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article aims at analyzing some ways of providing effective feedback and organizing reflective activities in online learning of foreign languages. Feedback and reflection make it possible to identify the strengths and weaknesses in the work of students, the effectiveness and efficiency of the educational strategies and tasks used, make it possible to build an individual student’s route to overcome difficulties, compensate for errors and improve learning outcomes. The concept of feedback and reflection is considered as a mechanism for increasing student motivation, it helps create an interactive educational online environment, regulating and adjusting the learning process. The authors analyze the didactic potential of digital tools and mobile tools used to develop reflexive and communicative skills of students, provide some practical tips on organizing reflexive activity in online classes, highlight the stages of reflexive activity, the prerequisites for providing effective feedback. The didactic potential of digital tools allows educators to provide quick, targeted and timely feedback, to organize reflection, to introduce the elements of gamification into the educational process, to save the results of polls and votes, to conduct an effective analysis of positive and negative results, on the basis of which the teacher can make changes in his own pedagogical activity, and in the educational activity of students.

Key words: feedback; reflection; e-learning; motivation; interactive environment; reflective skills.

About the authors: *Svetlana V. Titova* — Dr.habil in Pedagogical Sciences, Vice Dean, Professor, Department of Foreign Language Teaching Methodology, School of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, research professor at Far East University (Russia) (e-mail: stitova3@gmail.com); *Kristina V. Barinova* — PhD Student, Department of Foreign Language Teaching Methodology, School of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, a foreign language tutor, Unified State Exam (EGE) expert (e-mail: 8382800@mail.ru).

REFERENCES

1. Karpov A. 2004. *The Psychology of Reflection* [Psikhologiya reflektivnykh mekhanizmov deyatelnosti]. Moscow, Institut psikhologii RAN. (In Russ.)
2. Shukin A., Azimov E. 2009. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [The New Dictionary of Methodological Terms (Theory and Practice)]. Moscow, IKAR. (In Russ.)
3. Zimnia A. 2003. *Pedagogicheskaya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov* [Educational Psychology]. Moscow, Logos. (In Russ.)
4. Brown A.L. 1987. *Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms*. In F.E. Weinert, R.H. Kluwe (eds.). *Metacognition, motivation, and understanding*. Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Asso, pp. 65–116.
5. Nicol D.J., Macfarlane-Dick D. 2006. Formative assessment and self-regulated learning: A model and seven principles of good feedback practice. *Studies in Higher Education*, no. 31 (2), pp. 199–218.
6. Dunn K.E., Mulvenon S.W. 2009. A Critical Review of Research on Formative Assessments: The Limited Scientific Evidence of the Impact of Formative Assessments in Education. *Practical Assessment & Research and Evaluation*, no. 14 (7), pp. 1–11.
7. Kukuev E., Soloveva E., Fedina L. 2016. Obratnaya svyaz' kak mekhanizm osushchestvleniya otkrytosti obrazovatel'nogo protsesssa [Feedback in Open Education System]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems in Modern Education], no. 51–6, pp. 392–398.
8. Hattie J., Timperley H. 2007. The Power of Feedback. *Review of Educational Research*, no. № 77 (1), pp. 81–112.
9. Flavell J.H. 1979. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive–developmental inquiry. *American psychologist*, Vol. 34, no. 10, pp. 906–911.
10. *PACE Reflective Thinking and Writing as Systematic Practice at Pace University*. 2013. PACE University, Pleasantville, NY. URL: <http://pu.mcnrc.org/ref-practice> (accessed: 11.11.2020).
11. Titova S. 2019. *Mobil'naya sreda dlya obucheniya inostrannym yazykam* [Mobile Learning Environment for Teaching Foreign Languages]. Moscow, Editus. (In Russ.)
12. Titova S., Avramenko A. 2013. Evolyutsiya sredstv obucheniya v prepodavanii inostrannykh yazykov: ot komp'yutera k smartfonu [Evolution of Technologies in Foreign Language Teaching: from computer to smartphone]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–21. (In Russ.)

13. Titova S., Talmo T. 2015. Sozdanie modeli interaktivnoi leksii s pomoshch'yu mobil'noi sistemy golosovaniya SRS [Mobile Interactive Lecture via SRS System]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 49–64. (In Russ.)
14. Titova S. 2017. Kontrol' i otsenivanie v yazykovom klasse s pomoshch'yu mobil'nykh prilozhenii [Monitoring and Assessment in the Foreign Language Classroom via Mobile Applications]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 24–35. (In Russ.)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Г.Т. Хухуни, А.А. Осипова

РЕФЕРЕНЦИЯ ИЛИ ПРАГМАТИКА?

(О ВОЗМОЖНЫХ СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ)

*Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области*

*«Московский государственный областной университет»
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский педагогический государственный университет»
119991, ЦФО, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с выбором стратегии межъязыковой передачи библейских книг, представленной в различных переводах. Отмечается распространенность точки зрения, согласно которой пietet по отношению к сакральному содержанию Священного Писания обуславливал вызванное опасением его искажения следование традиции буквального перевода, нередкую архаизацию текста и т.п., хотя одновременно с этим признавалась и новаторская роль многих переводов Библии в формировании и развитии ряда литературных языков. Однако, помимо собственно лингвистического аспекта, примененная авторами тех или иных версий переводческая стратегия могла затрагивать по различным прагматическим соображениям и содержательную сторону исходного текста. Названный момент отчетливо проявляется в так называемых современных переводах. На этот процесс влияло и возникновение новых теоретических концепций. В свою очередь, сама «прагматизация» может носить различный характер и относиться к разным сферам переводимого текста — от способов передачи представленных в нем реалий до интерпретации, соответствующей тем социальным нормам и принципам, которые характерны для заказчиков перевода и целевой аудитории.

Ключевые слова: референциальный; прагматический; оригинал; перевод; Библия; динамическая / функциональная эквивалентность; скопос-теория.

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, зав. кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (e-mail: khukhuni@mail.ru).

Осипова Анна Александровна — доктор филологических наук, зав. кафедрой контрастной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета (e-mail: assya@yandex.ru).

Говоря о применявшейся при переводах Библии стратегии межъязыковой передачи (следует заметить, что в историческом плане они освещались и в работах советского периода, иногда достаточно подробно [Гачечиладзе, 1970; Копанев, 1972]), отечественные ученые, с одной стороны, отмечали в них тенденцию к буквализму, обусловленному опасением исказить сакральный текст [Федоров, 1983: 25], архаизацию текста и т.п. [Виноградов, 2001: 25], а с другой — обращали внимание и на моменты противоположного характера, приводя в качестве примеров и Вульгату Иеронима, и особенно Библию Лютера, о которой и в самые «атеистические» времена отзывались как о переводе «беспримерном для того времени по смелости и широте применения разнообразных элементов живой речи и ставшем важнейшей вехой в истории развития немецкого языка» [Федоров, 1983: 27] (впрочем, наличие высокой оценки роли Лютера в данной области в советской научной литературе, несомненно, способствовали и известные слова Ф. Энгельса о немецком реформаторе, который «вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу» [Энгельс, 1961: 346–347]).

Подобная на первый взгляд несколько противоречивая трактовка, естественно, отражала тот объективный факт, что переводы Священного Писания, традиция которых насчитывает два с лишним тысячелетия и охватывает различные эпохи, языки и культуры, действительно дает основание и для той и для другой квалификации.

Вероятно, начиная уже с последних десятилетий XIX столетия, применительно к европейской и американской традиции в целом можно говорить о постепенном выдвигании на первый план стратегии «приближения» текста к той аудитории, для которой предназначен перевод. С середины же прошлого века приходится констатировать ее преобладание в последних, сопровождавшееся и соответствующим теоретическим обоснованием в виде концепции динамической / функциональной эквивалентности Ю. Найды, скопос-теории К. Райс и Х. Фермеера и др. (их обзор на русском языке см. в [Десницкий, 2015: 44–190]). Если применительно к версиям, носящим миссионерский характер и предназначенным для тех этноязыковых коллективов, которые находились вне охватываемого Библией культурного ареала, подобная стратегия какого-либо серьезного противодействия не встречала, то там, где наличествовали насчитывающие многовековую историю «национальные переводы» — та же Библия Лютера в Германии, Библия короля Иакова в англоязычном пространстве или Синодальный перевод в России — ситуация выглядела принципиально иной, поскольку в таком случае каждый новый вариант соотносится с текстом «классическим».

Правда, последний также может подвергаться определенной корректировке в «деархаизирующем» духе, причем эта «деархаизация» порой касается не только чисто орфографических моментов, но и затрагивает более существенные аспекты, что особенно наглядно проявилась в «ревизиях» Библии Лютера, последняя из которых¹ была завершена к пятисотлетию Реформации (подробнее см. [Хухуни, Осипова, 2017]).

Ниже авторами предпринимается попытка на материале нескольких переводов Библии проиллюстрировать некоторые приемы, используемые в подобного рода версиях. Однако предварительно хотелось бы сделать одно замечание.

Еще в 1970-е годы один из крупнейших отечественных теоретиков перевода Л.С. Бархударов, рассматривая различные типы значений — референциальные, прагматические и внутрилингвистические (анализ самой представленной в его работе концепции и ее терминологического аппарата в наши задачи не входит), отмечал, что, «как будто <...> при переводе сохраняются, прежде всего, значения референциальные, в меньшей степени — значения прагматические», вследствие чего «говоря о “порядке очередности передачи значений” <...> следует усматривать задачу переводчика в том, чтобы в первую очередь передавать референциальные значения, во вторую — прагматические» [Бархударов, 2010: 72]. Однако здесь же автор подчеркивает, что такого рода прямолинейная иерархичность подтверждается далеко не всегда, поскольку, будучи справедливой для научной и технической литературы, она в большинстве случаев не подходит для литературы художественной, где «ведущими и основными часто оказываются не референциальные, а прагматические значения, выраженные в данных текстах» [Бархударов, 2010: 73].

Относительно статуса религиозного текста с данной точки зрения нам уже приходилось высказываться [Хухуни, Осипова, 2013], поэтому ограничимся здесь только упоминанием о том, что, если, с одной стороны, художественная ценность многих книг, входящих в состав библейского канона, общепризнана, то, с другой стороны, отношение к тексту той аудитории, для которой он в первую очередь предназначен, естественно, не может интерпретироваться в данном случае исключительно в эстетических терминах. А необходимость учитывать при работе над межъязыковой передачей данные экзегетики, герменевтики и других дисциплин, предполагает и решение ряда задач, присущих в значительной степени переводу специальному. В этой ситуации большинство создателей новых (по отноше-

¹ Lutherbibel 2017. URL: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibel/lutherbibel-2017/bibeltext/> (дата обращения: 08.05.2020).

нию к классическим) версий Священного Писания, как было уже показано, отдавало предпочтение прагматике перед референцией.

Не останавливаясь сейчас на моментах, которые связаны с отказом от использования собственно архаичных единиц языка типа *ладвеи*, *thou* и т.п., перейдем к более интересным с данной точки зрения случаям.

Во-первых, это замена (а точнее говоря, подмена) реалий, приводящая к модернизации текста и порой весьма напоминающая пародийный пример В.Н. Комиссарова о замене в переводе стрел Ахиллеса на ракеты с мыса Канаверал [Комиссаров, 2000: 149].

В связи с этим можно вспомнить следующий эпизод. Когда в начале 1950-х годов вышел в свет пробный выпуск перевода Евангелия от Матфея, выполненный жившим и работавшим за рубежом епископом Кассианом (С.С. Безобразовым), один из известных отечественных ученых-библеистов А.И. Иванов отозвался на этот труд весьма резкой критической рецензией, причем среди прочих погрешностей привел и использование в качестве меры длины слова *верста*, иронически заметив: «Такая модернизация едва ли уместна в применении к Священным Письменам, и если доводить ее до конца, то еще более современным в данном случае был бы термин “километр”» [Иванов, 1954].

Нетрудно увидеть, что автор рецензии прибег в процитированном фрагменте к приему, который ему представлялся чем-то вроде *reductio ad absurdum*. Вероятно, таковой попытка использования *версты* вместо традиционного *поприща* в конечном счете показалась и издателям перевода, поскольку в последнем варианте фигурирует уже нейтральная *тысяча шагов* (хотя *версту* можно найти и в более ранних² и более поздних русских переводах)³. Однако в одной из немецких версий Библии, впервые вышедшей в свет в середине 1980-х годов и с тех пор неоднократно переиздававшейся, уже на первых страницах (Gen. 6: 15–16) Господь наставляет Ноя относительно размеров ковчега в следующих словах: “Es muss 150 Meter lang, 25 Meter breit und 15 Meter hoch sein”⁴. Далее также фигурируют различные единицы метрической системы, вес выражается в граммах и килограммах, объемы — в литрах и т.п. Примечательно, однако, что подобная модернизация сочетается в названной версии

² Господа нашего Новый Завет на славянском и русском языке. Иждивением Русского Библейского общества. Вторым тиснением. СПб., 1822.

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / Под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. М., 2015; Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М., 2015.

⁴ Hoffnung für alle. Basel, 2003.

с весьма солидным критико-текстологическим аппаратом, касающимся неясностей, имеющих в исходном тексте, его расхождений с древними переводами, содержащими примеры буквальной передачи отдельных мест подлинника, и т.п.

С подобными комментариями можно встретиться и в других версиях Священного Писания, включая и русскоязычные⁵, однако в рассматриваемом издании они представлены в объеме, характерном не столько для популярного, сколько для сугубо научного перевода. В этом смысле декларация его основателей о том, что их целью было создание труда, максимально близкого по смыслу к оригиналу, но в лингвистическом отношении (“in Grammatik, Satzbau und Redewendungen”) отражающего обычное употребление немецкого языка⁶, казалось бы, имеет некоторые основания. Однако можно ли считать упомянутую выше «метризацию» библейской действительности (даже без учета того, насколько она отражает референциальное значение используемых в исходном тексте единиц измерения) подлинной реализацией изложенного выше принципа или же второй момент явно преобладает над первым — вопрос, как представляется, несколько спорный...

Следующий аспект, касающийся интересующей нас проблемы, можно квалифицировать как элиминацию культурологических лакун. Пожалуй, именно названный момент был в наибольшей степени в центре внимания тех концепций, которые упоминались выше, найдя весьма подробное отражение в известных трудах Ю. Найды. Естественно, что чаще всего относящиеся к подобным случаям примеры брались как раз из версий, создававшихся на различных экзотических языках, что вполне объяснимо, поскольку именно здесь можно ожидать большей степени культурных расхождений (хотя приводимая у того же Ю. Найды замена «святого целования» на «сердечное рукопожатие» в одном из переводов, предназначенных для британской молодежи, показывает, что ими дело не ограничивается [Найда, 2007: 10]).

В принципе, подобные замены весьма близки рассмотренным выше случаям модернизации реалий, так как и в том и в другом случае имеет место отказ от сохранения референциального значения ради передачи прагматического, однако некоторая разница между ними тем не менее усматривается. Если внесение в древний текст *ракет с мыса Канаверал* ставит целью преодолеть *временную дис-*

⁵ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / Под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. М., 2015; Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М., 2015.

⁶ Hoffnung für alle: XXVIII.

танцию, то *рис* вместо *хлеба* [Десницкий. Сорок вопросов] и т.п. лексические трансформации призваны в первую очередь устранить дистанцию *локально-культурную* (*доместикация*, по терминологии Л. Венутти). Правда, в обоих случаях прагматический эффект приводит не только к замене референциального значения, но и к формированию у потребителя подобной версии весьма искаженного представления о той действительности, которая в оригинале отражена, что вызывает некоторые сомнения не только в *эквивалентности* подобного перевода, но в его *адекватности*.

Но, пожалуй, особо пристальное внимание стали привлекать в наши дни попытки пересмотреть Священное Писание с позиций так называемой феминистической теологии, провозглашающей необходимость внести в библейский текст принципы гендерного равенства, инклюзивного языка и т.п. Традиции подобной феминизации Ветхого и Нового Заветов восходят еще к концу позапрошлого века и связываются обычно с деятельностью Элизабет Стентон — создательницы так называемой Женской Библии ('The Woman's Bible'); однако по понятным причинам особый размах «феминизация» и «инклювизация» Библии приобрела на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Примером может служить одна из немецких версий⁷, где открыто провозглашается, что «правильный с чисто филологической точки зрения» перевод не является таковым по существу, а руководствоваться, когда речь идет о гендерной стороне, надлежит тем языком, который применяется в наши дни. Вследствие этого признается необходимым не только ставшее уже привычным включение в текст наименований лиц женского пола (т.е. использование выражений типа «братья и сестры» и там, где в оригинале фигурируют лишь первые), но и отказ от обозначения Господа исключительно словом, обозначающим принадлежность к мужскому роду (нем. *Herr*). Особого внимания заслуживает тот факт, что проявления подобной «гендерной политкорректности» можно найти и в современных редакциях классических версий Священного Писания, как это имеет место в упомянутой выше новой версии Библии Лютера. Попытка навязать ее даже там, где она вступает в противоречие уже с чисто лингвистическими моментами, приводит иногда к почти анекдотическим последствиям. С одной стороны, из текста изгоняется нередко используемое Лютером для наименования женщины слово среднего рода *das Weib* как не отвечающее требованиям «гендерной справедливости», заменяясь лексемой женского рода *die Frau* (впрочем, подобная замена имела место и при предыдущей переработке Библии Лютера в 1984 г.). С другой стороны, автор статьи,

⁷ Bibel in gerechter Sprache. München, 2011.

в которой отстаивалась необходимость придать новой версии более «женственный» характер, использовала в заглавии как раз имя прилагательное, образованное от преданного остракизму слову *Weib*: “*Neue Übersetzung: Luthers Bibel soll weiblicher werden*” [Kreuzer, 2015]. Заметим, кстати, что, хотя данному аспекту посвящен ряд работ и в отечественной научной литературе [Колосова, 2010; Шаров, 2019; и др.], в практическом плане, насколько нам известно, в созданных за последние годы русских переводах Библии подобные установки какой-либо существенной практической реализации не получили.

К прагматическому аспекту можно отнести и новую интерпретацию поступков библейских персонажей представляются противоречащими современным моральным нормам. Так, согласно Синодальному переводу и классическим версиям на других языках, пленив жителей захваченного города, царь Давид «положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи» (2 Цар. 12: 31). Однако современные переводы чаще говорят здесь о принудительных работах, например; «<...> приставил их к пилам, железным молотилкам и топорам и заставил обжигать кирпичи»⁸, поскольку оригинал дает возможность разных интерпретаций. То есть налицо не *отказ* от передачи референциального значения в пользу прагматического, а *предпочтение* при выборе первого, обусловленное установками создателей и / или организаторов данного перевода.

Подводя итог сказанному, еще раз заметим, что при реализации той прагматической задачи, которая обуславливает выбор стратегии межъязыковой передачи, наблюдается использование различных приемов последней, вследствие чего соотношение между референциальной и прагматической составляющими переводного текста в отношении к исходному может существенно отличаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М., 2010.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
3. Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970.
4. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М., 2015.
5. Десницкий А.С. Сорок вопросов о Библии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/ (дата обращения: 24.03.2020).

⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / Под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. С. 477.

6. *Иванов А.* Новый перевод на русский язык Евангелия от Матфея (окончание) // Журнал Московской патриархии. 1954. № 5. URL: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/195405369.html> (дата обращения: 24.03.2020).
7. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: Курс лекций. М., 2000.
8. *Колосова И.А.* Инклюзивный язык Библии. 2010. URL: <https://www.metafisika.ru/inkluzyazikbiblii.html> (дата обращения: 04.05.2020).
9. *Копанев П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.
10. *Найда Ю.А.* К науке переводить. Принципы соответствий // Лингвистические аспекты перевода (Хрестоматия). Ереван, 2007.
11. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М., 1983.
12. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* Новые версии национальных библий: между модернизацией и традиционным текстом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 158–165.
13. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* Перевод религиозного текста: специальный или художественный? // Перевод и когнитология в XXI веке. VI Международная научная теоретическая конференция. М., 2013. С. 57–62.
14. *Шаров К.С.* Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессинанских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 523–543.
15. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Введение // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 345–363.
16. *Kreuzer G.* Neue Übersetzung: Luthers Bibel soll weiblicher werden // Hamburger Abendblatt. 2015. 30.03.

Georgy T. Khuukhuni, Anna A. Osipova

**REFERENCE OR PRAGMATICS
(ABOUT POSSIBLE STRATEGIES OF BIBLE
TRANSLATIONS)**

*Moscow Region State University
Vera Voloshina str. 24, Mytishchi, 141014*

*Moscow Pedagogical State University (MPGU)
1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russia, 119991*

The present paper deals with some aspects connected with the selection of the translation strategies represented in different Bible versions. The view according to which the piety towards the sacred content of the Holy Writ and the danger of its possible distortion stimulated the tradition of the literal translation and led quite often to the literality, archaization, etc., is widely spread among the specialists, although at the same time the great role of the Bible translations as the means of the formation and development of the many literary languages is also recognized. On the other hand, besides the pure linguistic aspect as such, the strategy of the different Bible translators could also touch the substantial part of the original due to different pragmatic reasons. This is particularly evident in so-called ‘modern trans-

lations'. This process has been influenced by the appearance of the new translation theories. In turn, 'pragmatics' itself may have a different character and be related with different sides of the text: from the methods of the representation of the so-called cultural words ('realia') to the interpretation consistent with the norms and principles accepted by the translation organizers and the target audience.

Key words: reference; pragmatics; original; translation; Bible; dynamic / functional equivalency; Skopos Theory.

About the authors: *Georgy T. Khukhuni* — Dr.habil in Philology, Head of the Theory of Language and English Studies Department, Moscow Region State University (e-mail: khukhuni@mail.ru); *Anna A. Osipova* — Dr.habil in Philology, Head of the Contrastive Linguistics Department, Moscow Pedagogical State University (e-mail: assya@yandex.ru).

REFERENCES

1. Barhudarov L.S. 2010. *Yazyk i perevod.: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and Translation: Problems of General and Special Theory of Translation]. Moscow, LKI Publishing. (In Russ.)
2. Vinogradov V.S. 2001. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction in Translatology (General and Special Questions)]*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO Publishing. (In Russ.)
3. Gachechiladze G.R. 1970. *Vvedenie v teoriyu hudozhestvennogo perevoda* [Introduction in Theory of Literary Translation]. Tbilisi, Izdatel'stvo Tbilisskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publishing. (In Russ.)
4. Desnickij A.S. 2015. *Sovremennij biblejskij perevod: teoriya i metodologiya* [Modern Bible Translation: Theory and Methodology]. Moscow, PSTGU Publishing. (In Russ.)
5. Desnickij A.S. *Sorok voprosov o Biblii* [Forty Questions about Bible]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/ (accessed: 24.03.2020) (In Russ.)
6. Ivanov A. 1954. *Novyj perevod na russkij yazyk Evangelija ot Matfeya (okonchanie)* [New Russian Translation of the Gospel of Matthew (the End)]. *Zhurnal Moskovskoj patriarhii*, no. 5, maj [Journal of Moscow Patriarchy, no. 5. May]. URL: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/195405369.html> (accessed: 24.03.2020). (In Russ.)
7. Komissarov V.N. 2000. *Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lekcij* [Modern Translatology. Lectures]. Moscow, ETS Publishing. (In Russ.)
8. Kolosova I.A. 2010 *Inklyuzivnyj yazyk Biblii* [Inclusive Language of the Bible]. URL: <https://www.metafisika.ru/inklyuziyazykbiblii.html> (accessed: 04.05.2020).
9. Kopanev P.I. 1972. *Voprosy istorii i teorii hudozhestvennogo perevoda* [Problems of the History and Theory of the Literary Translation]. Minsk, BGU Publishing. (In Russ.)
10. Njda Yu.A. 2007. *K nauke perevodit'. Principy sootvetstvija* [Towards a Science of Translating. Principles of Correspondence]. *Lingvisticheskie aspekty perevoda. (hrestomatiya)* [Linguistic Problems of Translation. An Anthology]. Erevan, Lingva Publishing. (In Russ.)
11. Fedorov A.V. 1983. *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Foundations of General Translation Theory (Linguistic Problems)]. Moscow, Vysshaya shkola Publishing. (In Russ.)

12. Khuhuni G.T., Osipova A.A. 2017. Novye versii nacional'nyh biblij: mezhdud modernizaciej i tradicionnym tekstem [New Versions of National Bibles: between the Modernization and Traditional Text]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Vol.8, no. 1, pp. 158–165. (In Russ.)
13. Khuhuni G.T., Osipova A.A. 2013. Perevod religioznogo teksta: special'nyj ili hudozhestvennyj? [Translation of the Religious Text: Special or Literary?] *Perevod i kognitologiya v XXI veke. VI Mezhdunarodnaya nauchnaya teoreticheskaya konferenciya* [Translation and Cognitology in the 21st Century The 6th International Scientific Conference]. Moscow, IIU MGOU, pp. 57–62. (In Russ.)
14. Sharov K.S. 2019. Genderno-nejtral'nye lingvisticheskie transformacii messianskih svyashchennyh tekstov v sovremennoj anglikanskoj gomileticheskoj literature. [Gender-Neutral Linguistic Transformations Of Messianic Scriptures in the Modern Anglican Homiletic Literature]. *Russian Journal of Linguistics*, Vol 23, no. 2, pp. 523–543. (In Russ.)
15. Engels F. 1961. *Dialektika prirody. Vvedenie* [Dialectic of Nature. Introduction]. In K. Marks, F. Engels. *Soch. Izd. 2-e*. T. 20. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskij literatury Publishing, pp. 345–363. (In Russ.)
16. Kreuzer G. 2015. *Neue Übersetzung: Luthers Bibel soll weiblicher werden*. Hamburger Abendblatt. 30.03.